«Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе»

Автор: Сафуанов Ф.С.

Научно-практическое пособие. – М.: Смысл. Гардарика. 1998.- 192 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

Часть I. Общие проблемы судебно-психологической экспертизы

1. Правовые и организационные проблемы использования психологических познаний в судебной экспертизе в уголовном процессе
1.1. Судебно-психологическая экспертиза
1.2. Формы использования специальных психологических познаний
1.3. Судебные экспертизы с участием психолога
1.4. Порядок назначения судебно-психологической экспертизы
1.5. Виды судебно-психологической экспертизы
1.6. Права и обязанности эксперта-психолога
1.7.Заключение эксперта

2. Теоретические проблемы судебно-психологической экспертизы
2.1. Объект и предмет деятельности судебного эксперта-психолога
2.2. Специальные познания и пределы компетенции судебного эксперта-психолога
2.3. Подготовка судебных экспертов-психологов

3. Методологические проблемы судебно-психологической экспертизы
3.1. Методологические принципы судебно-психологического экспертного исследования
3.2. Структура психодиагностической деятельности эксперта-психолога

4. Экспериментально-психологическое исследование
4.1. Возможности использования психологических познаний в судебно-психиатрической практике
4.2. Основные задачи экспериментально-психологического исследования в судебно-психиатрической экспертизе
4.3. Заключение по результатам экспериментально-психологического исследования

5. Этические проблемы судебно-психологической экспертизы
5.1. Базисные этические ценности судебно-психологической экспертизы
5.2. Этические принципы деятельности судебного эксперта-психолога
5.3. Этика научных исследований

Часть II. Предметные виды судебно-психологической экспертизы

6. Судебно-психологическая экспертиза индивидуально-психологических особенностей обвиняемого (подсудимого)
6.1. Юридическое значение
6.2. Вопросы судебно-следственных органов и особенности проведения судебно-психологической экспертизы
6.3. Типичные ошибки при формулировке вопросов

7. Судебно-психологическая экспертиза аффекта
7.1. Юридическое значение
7.2. Вопросы судебно-следственных органов и особенности проведения судебно-психологической экспертизы

7.3. Типичные ошибки при формулировке вопросов

8. Судебно-психологическая экспертиза способности несовершеннолетнего обвиняемого (подсудимого) с отставанием в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими
8.1. Юридическое значение
8.2. Вопросы судебно-следственных органов и особенности проведения комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы
8.3. Типичные ошибки при формулировке вопросов

9. Общие проблемы судебно-психологической экспертизы обвиняемого (подсудимого)
9.1. Проблема "ограниченной вменяемости"
9.2. Судебно-психологическая экспертиза обвиняемых как исследование их способности в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими
9.3. Методические особенности судебно-психологического экспертного исследования обвиняемого

10. Судебно-психологическая экспертиза способности свидетеля или потерпевшего правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания
10.1. Юридическое значение
10.2. Вопросы судебно-следственных органов и особенности проведения судебно-психологической экспертизы
10.3. Типичные ошибки при формулировке вопросов

11. Судебно-психологическая экспертиза способности потерпевшей по делу об изнасиловании понимать характер и значение совершаемых с нею действий или оказывать сопротивление.
11.1. Юридическое значение
11.2. Вопросы судебно-следственных органов и особенности проведения судебно-психологической экспертизы
11.3. Типичные ошибки при формулировке вопросов

12. Судебно-психологическая экспертиза психического состояния лица, окончившего жизнь самоубийством
12.1. Юридическое значение
12.2. Вопросы судебно-следственных органов и особенности проведения комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы
12.3. Типичные ошибки при формулировке вопросов

Заключение

Приложение 1. Учебная программа постдипломного обучения по курсу "Основы судебной и медицинской психологии"
Приложение 2. Глоссарий основных терминов судебно-психологической экспертиз

В В Е Д Е Н И Е

Практика применения специальных психологических познаний в судебной экспертизе сразу ставит множество вопросов: какие психологические знания используются в деятельности судебного эксперта-психолога? В какой форме это происходит? С какими разделами научной психологии вплотную смыкается судебная психология? Какие психодиагностические методы необходимы для формулирования экспертных выводов? Должны ли ограничиваться познания судебного эксперта-психолога пределами психологии или в объем его специальных познаний должны входить и иные, непсихологические науки? Совпадает ли научная терминология, используемая в судебно-психологической экспертизе, с понятийным аппаратом академической психологии? И так далее, и так далее. Возникают и важные проблемы, связанные с научным теоретическим статусом, прикладным содержанием, ведомственной регуляцией и этикой профессиональной деятельности судебного психолога-эксперта. Для того, чтобы иметь возможность подойти к решению перечисленных вопросов и проблем, определим место судебно-экспертного использования психологических познаний в системе психологических наук.

Психология является очень разнородной наукой. В любом психологическом словаре можно найти не менее двадцати разделов психологии: одни психологи занимаются психически здоровыми, другие - психически больными; одних психологов интересуют закономерности развития психики в детском и подростковом возрасте, других - в старческом; психологи, специализирующиеся в социальной психологии и изучающие процессы общения, взаимодействия людей могут порой не понимать зоопсихологов, и таких примеров можно привести множество. В каждой области выработан свой теоретический и методологический аппарат, различны методы и объекты исследования. Более того, даже в рамках одного раздела психологии существует множество теорий, объясняющих одно и то же явление, которые не соотносятся, а порой и противоречат друг другу. Классическим примером может служить работа, проведенная американским психологом Г. Оллпортом, который еще в 1949 г. показал, что в философской, социологической, психологической литературе существует не менее 50 определений личности, которые не пересекаются друг с другом. Поэтому, чтобы разобраться с теоретическими, методологическими и организационно-правовыми проблемами профессиональной деятельности судебного психолога-эксперта, необходимо четко определить ее место в системе психологических наук и их практических, прикладных задач.

Условно можно выделить две плоскости классификации разделов психологической науки. С одной стороны, психология подразделяется на частные теоретические дисциплины, конкретизирующие предмет общей психологии - закономерности развития и функционирования психики как особой формы жизнедеятельности [2, с. 274] - по отношению к его различным аспектам: возрастной динамике психики, ее функционированию в социальных группах, патологии психической деятельности и т.п., т.е. на возрастную, социальную, клиническую и др. С другой стороны, можно выделить прикладные области психологии, в которых общие и частные теоретические дисциплины психологии находят применение в какой-либо конкретной области человеческой жизнедеятельности - в спорте (психология спорта), в юриспруденции (юридическая психология), в системе школьного образования (школьная психология) и т.д. Эти конкретные области применения психологических знаний можно обозначить как отрасли психологии.

Важнейшей отраслью психологии является юридическая психология - наука, изучающая явления и закономерности психики, связанные с применением правовых норм и участием в правовой деятельности человека [3, с. 183]. В свою очередь, юридическая психология имеет неоднородную структуру. Если выделять разделы юридической

психологии по объекту исследования, то в ее структуру будут входить криминальная, судебная и исправительная психологии.

Криминальная психология изучает психологические механизмы противоправного поведения и личность правонарушителей. Судебная психология изучает круг психологических проблем, относящихся к судопроизводству. Она включает такую форму применения специальных психологических познаний в уголовном процессе, как судебно-психологическая экспертиза. Исправительная психология изучает психологические проблемы, связанные с ресоциализацией и социальной адаптацией осужденных. Данные определения раскрывают роль важнейших разделов юридической психологии лишь в общем виде. Так, среди основных задач судебной психологии - исследование не только психологических особенностей личности преступника и других участников уголовного процесса (свидетелей, потерпевших, истцов и ответчиков), но и социально-психологических проблем преступности, изучение психологических особенностей следственной, прокурорской, судебной и адвокатской деятельности, разработка психологических основ проведения следственных действий информационного характера. Все эти задачи отличает одна особенность - психолог выступает здесь как исследователь, стоящий как бы "вне" или "над" деятельностью работников правоохранительных органов, осуществляющих судопроизводство, и изучающий их со стороны, как объект исследования. В то же время важнейшей задачей судебной психологии является разработка теоретических, методических и организационных основ деятельности судебного эксперта-психолога, где психолог выступает не только как исследователь, но и как непосредственный участник процесса судопроизводства.

Согласно ст. 78 УПК РСФСР "экспертиза назначается в случаях, когда при производстве дознания, предварительного следствия и при судебном разбирательстве необходимы специальные познания в науке, технике, искусстве или ремесле... Вопросы, поставленные перед экспертом, и его заключение не могут выходить за пределы специальных познаний эксперта".

Под специальными познаниями в общем виде понимается "совокупность сведений и навыков, которые не могут быть признаны общеизвестными и принадлежат относительно узкому кругу специалистов, чаще всего профессионалов в какой-либо области" [1, с. 3], однако проблема специальных познаний именно эксперта-психолога судебными психологами и правоведами еще до конца не проанализирована, не выработано четкой операциональной дефиниции и не определены границы данного понятия. Существуют достаточно противоречивые представления и о формах применения специальных познаний психолога - а в настоящее время психологические познания используются в основном в судебно-психиатрической, судебно-психологической и комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизах. Такое положение дел отражается на практической деятельности эксперта-психолога, нередко приводя его к выходу за пределы своей профессиональной компетенции - решению задач, стоящих перед сходными видами экспертиз (например, судебно-психиатрической), или вмешательству в решение задач, стоящих перед судебно-следственными органами.

Для оптимизации использования специальных психологических познаний в судебной экспертизе необходимо осмысление основных организационно-правовых, теоретических и методологических проблем, связанных с профессиональной деятельностью судебного эксперта-психолога. Это имеет не только самостоятельное значение, но и служит надежной опорой при проведении конкретных экспертных исследований, определяя в каждом предметном виде экспертизы цель психологического исследования, методические средства ее достижения, пределы компетенции эксперта, объем и содержание экспертного заключения, грамотную формулировку экспертных выводов.

Особую важность решение общих проблем судебно-психологической экспертизы приобретает в свете изменений уголовного законодательства. Как известно, с 1 января 1997 г. введен в действие новый Уголовный кодекс Российской Федерации, в котором

содержится ряд нововведений, имеющих значение для практики судебно-психологической экспертизы - в первую очередь, для таких его видов, как экспертиза аффекта и экспертиза несовершеннолетних обвиняемых.

Таким образом, эта книга в качестве адресата имеет несколько профессиональных групп, объединенных в своей практической деятельности общей задачей - достижения истины по уголовному делу.

Главным образом она предназначена практикующим судебным экспертам-психологам и всем, кто интересуется данной областью психологии.

Особое значение настоящее издание может иметь для следователей, прокуроров, судей и адвокатов. Поскольку заключение экспертизы как доказательство по делу является не только результатом применения специальных познаний, но и результатом взаимодействия работников правоохранительных органов и экспертов, правильная разработка теоретических вопросов может служить подспорьем и для работников судебно-следственных органов - при назначении экспертизы, постановке вопросов экспертам и использовании экспертных заключений в судебном процессе. Автор питает надежду, что данная книга может выполнять роль учебного пособия и одновременно методических рекомендаций для юристов, тем более, что такого рода литературы очень мало, и она уже стала библиографической редкостью.

Эту книгу с пользой для себя могут прочесть и патопсихологи - особенно это касается глав, посвященных проблемам экспериментально-психологического исследования, проводимого в рамках судебно-психиатрической экспертизы.

Для экспертов-психиатров ознакомление с текстом имеет значение в плане оптимизации взаимодействия с психологами как при проведении судебно-психиатрической экспертизы, так и при производстве комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы.

В книге впервые подробно освещены организационно-правовые вопросы применительно к целям судебно-психологической экспертизы. Представлены новые теоретические подходы: уточнены понятия объекта и предмета деятельности судебного эксперта-психолога, разработано определение специальных психологических познаний, используемых в уголовном процессе. Новизной отличается и разработка методологических проблем судебно-экспертной психодиагностики. Нигде ранее не были осмыслены этические проблемы, возникающие при производстве судебно-психологической экспертизы.

Новым является и решение ряда проблем, касающихся предметных видов судебно-психологической экспертизы. В книге представлена оригинальная разработка вопросов экспертизы индивидуально-психологических особенностей обвиняемых и их влияния на криминальное поведение; экспертизы психического состояния лиц, окончивших жизнь самоубийством; описана экспертиза аффекта у обвиняемых и логика экспертного исследования несовершеннолетних обвиняемых в свете нового Уголовного кодекса.

Автор выражает искреннюю благодарность:

М.М. Коченову - своим университетским курсом лекций пробудившим во мне интерес к судебно-психологической экспертизе;

Коллективу лаборатории психологии ГНЦ социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского во главе с И.А. Кудрявцевым - десятилетняя работа в которой (1981-1991) способствовала моему становлению профессиональным судебным экспертом-психологом;

Т.Е. Дмитриевой - предоставившей мне возможность реализовать научные и педагогические планы;

С.Н. Шишкову - чьи ценные замечания и полезные советы помогали мне на всех этапах работы над книгой;

Д.А. Леонтьеву - побудившему меня написать эту книгу;

О.В. Сафуановой - за понимание и терпение.

И последнее. Автору посчастливилось быть учеником замечательных людей - Блюмы Вульфовны Зейгарник и Елены Юрьевны Артемьевой. Хотя их, к глубочайшему сожалению, уже нет с нами, они незримо присутствуют в моей жизни. Эта книга является своеобразной данью их памяти.

Литература:

1. Коченов М.М. Введение в судебно-психологическую экспертизу. М.,1980.

2. Краткий психологический словарь. М., 1985.

3. Психологический словарь. М., 1983.

4. Уголовный кодекс РФ (любое издание после 1996 г.)

5. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (любое издание после 1966 г.)

Часть I. Общие проблемы судебно-психологической экспертизы

1. ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПОЗНАНИЙ В СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

1.1. Судебно-психологическая экспертиза

Экспертиза назначается в тех случаях, когда при производстве дознания, предварительного следствия и при судебном разбирательстве уголовного дела возникает необходимость в проведении конкретных исследований с использованием специальных познаний в науке, технике, искусстве или ремесле. В качестве эксперта может быть вызвано любое лицо, обладающее необходимыми познаниями для дачи заключения (ст. 78 УПК РСФСР).

Психологические познания - это познания в области психологии, следовательно, в данном случае речь идет о специальных познаниях в науке. Профессиональными знаниями теории и методологии психологии, практическими навыками и умениями проведения психологических исследований обладает только психолог, имеющий высшее психологическое образование и работающий по своей специальности. Но это не означает, что любой выпускник высшего учебного заведения, получивший диплом по специальности "Психология", имеет достаточную профессиональную подготовку для проведения судебной экспертизы. В психологии очень много специализаций, поэтому психологи, не имеющие дополнительной подготовки именно по судебной психологии и, соответственно, не имеющие опыта экспертной работы, не могут быть отнесены к лицам, обладающим необходимыми психологическими познаниями для дачи экспертного заключения, и нельзя поручать им производство судебной экспертизы.

Это очень важное обстоятельство для лиц, назначающих экспертизу, поскольку нигде в законодательном порядке не оговаривается, кого считать профессионально компетентным для производства судебной экспертизы, в том числе проводимой психологом. Если в отношении психологов, являющихся сотрудниками специализированных экспертных учреждений, таких сомнений не должно возникать, то при назначении экспертами иных специалистов в области психологии (преподавателей высших учебных заведений, сотрудников научных институтов и других учреждений) вопрос о наличии у них специальных психологических познаний следует решать индивидуально. Возможность их привлечения для производства конкретной экспертизы решается лицом, производящим дознание, следователем, прокурором или судом с учетом образования, специализации психолога, стажа его работы, дополнительной подготовки по судебной психологии, опыта экспертной деятельности, наличия ученой степени и т.д.

1.2. Формы использования специальных психологических познаний

Основной процессуальной формой использования специальных психологических познаний является судебно-психологическая экспертиза и комплексные с нею виды судебных экспертиз.

Кроме того, возможно привлечение следователем лица, обладающего специальными психологическими познаниями, не в качестве эксперта, а в качестве специалиста. Специалист может быть вызван и для участия в судебном разбирательстве. Основные уголовно-процессуальные обязанности специалиста - это участие в производстве следственных действий с использованием своих специальных профессиональных знаний и навыков для содействия следователю в обнаружении, закреплении и изъятии доказательств; обращение внимания следователя на

обстоятельства, связанные с обнаружением, закреплением и изъятием доказательств; дача пояснения по поводу выполняемых им действий (ст. 1331 УПК РСФСР).

В судебно-следственной практике возможны и другие формы использования специальных психологических познаний - в первую очередь справочно-консультационная деятельность сведущего лица [II]. Это непроцессуальная, не регулируемая уголовно-процессуальным законодательством деятельность психолога, действующего в качестве сведущего лица. Она заключается в информировании следователя или суда о возможности существования тех или иных явлений, с точки зрения современного уровня развития теории психологии и накопленных в психологии эмпирических фактов. Консультативная справка психолога по запросу следователя или суда оформляется в письменной форме и приобщается к уголовному делу. Консультация сведущего в психологии лица, составленные им справочные данные могут учитываться при вынесении различных процессуальных решений.

При необходимости использования специальных психологических познаний следователям в каждом конкретном случае нужно четко решать, в какой форме это следует сделать. Несоблюдение этого правила может приводить к существенным судебно-следственным ошибкам.

Например, следователь (подробнее об этом см. [6]), рассматривая уголовное дело по обвинению врача К. в совершении ряда тяжелых преступлений по сексуальным мотивам, включая убийства, назначил судебно-психологическую экспертизу, поскольку К. происходил из благополучной и уважаемой семьи, характеризовался исключительно положительно, состоял в браке, имел двух малолетних детей, и обвинение его в тяжких преступлениях вызвало у окружающих сильные сомнения. При этом эксперту не разрешалось задавать К. вопросы, относящиеся к предмету его обвинения, и не показывались материалы уголовного дела. В своем заключении эксперт отметил, что у испытуемого "имеется выраженность преступных тенденций. Преступления, совершаемые этими людьми, бессмысленно жестоки, не спланированы, нередко принимают дикие, необычайно жестокие формы сексуальных преступлений и убийств... Анализ психологического профиля обрисовывает тип антисоциального, аморального психопата". Это заключение использовалось следователем для доказательства вины К. в инкриминируемых ему деяниях. Эксперты-психиатры диагностировали у К. психопатию с комплексом сексуальных извращений. Он был признан вменяемым и приговорен к высшей мере наказания.

По поводу данной "экспертизы" следует отметить следующее. Использование психологических познаний в форме судебной экспертизы предполагает, что заключение будет сформулировано относительно обстоятельств, между которыми существует однозначная связь, и что установить ее, причем с достоверностью, позволяет современный уровень развития научных знаний. В данном случае речь идет об определении однозначной связи между психологическими характеристиками личности субъекта и совершенными им действиями. Современная психологическая наука не в состоянии дать ответа на вопрос, совершал ли субъект, характеризующийся некоторыми психологическими качествами, конкретные действия или нет. Более того, одним из принципиальных положений психологической науки является констатация отсутствия однозначного соответствия особенностей личности субъекта его поступкам и высказываниям. Данная связь может носить только вероятностный характер. Между мотивами, потребностями, желаниями, с одной стороны, и конкретными поступками - с другой, лежит целый ряд опосредующих и промежуточных звеньев, поддающихся сознательному контролю. Человек, обладающий набором психических качеств, свидетельствующих о наличии у него расстройств сексуального влечения, может никогда не реализовать эти личностные особенности в практических делах, а вся его активность в этом направлении сведется к психическим переживаниям, мечтам, фантазиям и т.п. Кроме того, особенности его психологической мотивации могут найти свое выражение в

относительно безвредных поступках, не нарушающих норм уголовного права. Иными словами, спектр возможностей по реализации рассматриваемых особенностей психики чрезвычайно широк и не сводится к определенным формам поведенческой активности. С этой точки зрения очевидно, что все высказывания эксперта относительно "выраженности преступных тенденций" К. являются лишь гипотетическими рассуждениями и не могут рассматриваться в качестве доказательства по делу. Подобные высказывания противоречат юридическому принципу презумпции невиновности, ибо здесь обвинение подкрепляется не с помощью достоверно установленных фактов, а на основании выводов, которые в лучшем случае носят вероятностный характер. Поскольку одним из оснований назначения судебно-психологической экспертизы по делу К. было явное несоответствие между его социальным статусом и тяжестью преступлений, в которых он обвинялся, можно было бы посоветовать в подобных случаях прибегать не к судебно-психологической экспертизе, а к другим формам использования специальных познаний.

Здесь был бы уместен вариант составления психологом совместно с психиатром справки, в которой указывалось бы, что согласно современным научным представлениям психологии и психиатрии, между психическими особенностями обвиняемого и характером деяний, которые ему инкриминированы, нет непреодолимого психологического противоречия. Она не имеет доказательной силы по вопросу о совершении или не совершении конкретным лицом конкретных поступков, а дает лишь общее представление относительно некоторых медико-психологических аспектов расследуемого уголовного дела.

В качестве примера привлечения психолога как сведущего лица можно привести и составление "психологического портрета" разыскиваемого преступника по данным психологического анализа собранных материалов уголовного дела (показания свидетелей, вещественные доказательства и т.п.); особенно это важно при оперативно-розыскной деятельности и расследовании так называемых "серийных" преступлений (убийств на сексуальной почве и изнасилований), когда совершается целый ряд однотипных криминальных действий.

Справочно-консультативная деятельность психолога в непроцессуальной форме часто состоит и в сообщении судебно-следственным органам информации о целесообразности проведения судебно-психологической или комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы, о правильной постановке вопросов в постановлении (определении), входящих в компетенцию эксперта-психолога и т.п. Такие консультации не обязательно составлять в письменном виде, и они не приобщаются к делу.

1.3. Судебные экспертизы с участием психолога

Основные виды судебных экспертиз, в которых психолог участвует в роли эксперта, - это судебно-психологическая и комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертизы.

Судебно-психологическая экспертиза стала развиваться в нашей стране в 70-е гг. [2], а немного позднее возникла и комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза [3-5, 9,10]. В настоящее время число проводимых комплексных экспертиз превышает число однородных судебно-психологических экспертиз. Это обусловлено, в первую очередь, тем, что в большинстве случаев наряду с решением вопросов, связанных с применением специальных психологических познаний, у судебно-следственных органов одновременно возникают сомнения и в психической полноценности подэкспертного лица, что является основанием для проведения исследований с использованием и специальных психиатрических познаний. Немаловажно и то обстоятельство, что на сегодняшний день практически не существует специализированных экспертных учреждений, проводящих только судебно-психологическую экспертизу, в то же время должность эксперта-психолога предусмотрена во всех судебно-психиатрических отделениях психиатрических больниц в

системе Министерства здравоохранения РФ, в ГНЦ социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского, т.е. в тех учреждениях, которые осуществляют судебно-психиатрическую и комплексные с нею экспертизы.

Кроме того, назначение и проведение психолого-психиатрической экспертизы имеет некоторые практические преимущества для судебно-следственных органов, так как вместо последовательного проведения двух экспертиз (судебно-психиатрической и судебно-психологической) однократное проведение комплексной экспертизы существенно повышает рентабельность производства экспертизы и сокращает сроки следствия. Для экспертов-психологов участие в комплексной экспертизе иногда дает преимущество в том плане, что они могут осуществлять экспертное исследование и в стационарных условиях, тогда как судебно-психологическая экспертиза проводится только амбулаторно или в зале судебного заседания.

Роль психолога в производстве комплексной психолого-психиатрической экспертизы несколько шире, чем при проведении судебно-психологической экспертизы. Для того, чтобы четко очертить функции психолога в комплексной экспертизе, рассмотрим взаимодействие в ней психолога и психиатра.

Заметим, что при проведении судебно-психиатрической экспертизы психолог не выступает в роли эксперта - экспертом, решающим вопросы судебно-следственных органов здесь является только психиатр. В судебно-психиатрической экспертизе для обоснования клинического диагноза обычно применяют широкий спектр дополнительных параклинических исследований, привлекая при необходимости к обследованию подэкспертных специалистов - невропатологов, электрофизиологов, биохимиков, рентгенологов и др., в том числе и медицинских психологов. Психолог оказывает эксперту-психиатру консультативную помощь для правильного решения диагностических и экспертных вопросов, относящихся к компетенции судебной психиатрии. Для этого проводится экспериментально-психологическое исследование познавательных процессов и личностных особенностей подэкспертного, по данным которого составляется письменное заключение. Оно может помочь врачу более точно установить медицинский диагноз и ответить на вопросы судебно-следственных органов (см. рис. 1). Очевидно, что в проведении судебно-психиатрической экспертизы может принимать участие психолог, не обладающий специальными познаниями в судебной психологии, но владеющий знаниями, навыками и умениями в медицинской психологии. Заключение по данным экспериментально-психологического исследования сохраняется в истории болезни, а отдельные ее положения могут быть использованы в заключении судебно-психиатрической экспертизы для обоснования диагноза или решения экспертных вопросов.

(Рис.1. Взаимодействие психолога с экспертом-психиатром при производстве судебно-психиатрической экспертизы)

При проведении однородной судебно-психологической экспертизы психолог выступает как самостоятельный эксперт. Он проводит экспериментально-психологическое исследование, в котором больший удельный вес обычно имеют методы, направленные на исследование личности, а не познавательных процессов (памяти, мышления, внимания). Кроме того, он обязательно проводит тщательный психологический анализ материалов уголовного дела и медицинской документации. Ответы на вопросы, интересующие суд и следствие, базируются на сопоставительном анализе как экспериментальных данных, так и результатов психологического анализа документов (см. рис. 2).

(Рис. 2. Функции психолога при производстве судебно-психологической экспертизы)

В комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизе психолог выступает сразу в двух ролях. На первом этапе производства комплексной экспертизы он проводит экспериментально-психологическое исследование, из которого психиатр-эксперт извлекает данные, имеющие значение для установления психиатрического диагноза и решения экспертных психиатрических вопросов. В тех случаях, когда обвиняемый подэкспертный признан способным "осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими" (т.е. рекомендовано суду его считать вменяемым), а у свидетеля, потерпевшей по делу об изнасиловании или несовершеннолетнего обвиняемого не обнаруживается психических расстройств, имеющих юридическое значение, - эксперт-психолог использует экспериментально-психологическое исследование наряду с психологическим анализом материалов уголовного дела для ответов на вопросы судебно-следственных органов, относящиеся к его компетенции (см. рис. 3).

(Рис. 3. Взаимодействие эксперта-психолога с экспертом-психиатром при производстве комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы)

1.4. Порядок назначения судебно-психологической экспертизы

Юридическими основаниями производства судебно-психологической экспертизы являются постановление лица, производящего дознание, следователя, прокурора или судьи либо определение суда (судьи и двух народных заседателей). Иные письменные документы или устные распоряжения не могут служить основаниями производства экспертизы.

В постановлении (определении) о назначении экспертизы обязательно должно указываться обоснование для ее назначения. Особенно аргументированными должны быть доводы лица (органа), назначившего экспертизу, при назначении комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы, поскольку из обоснования должно быть ясно, почему в данном конкретном случае возникает необходимость в использовании как психиатрических, так и психологических специальных познаний. Кроме того, в постановлении (определении) должны содержаться и другие сведения: кто и когда вынес постановление (определение); фамилия эксперта или наименование учреждения, в котором должна быть произведена экспертиза; вопросы, поставленные перед экспертами; материалы, предоставляемые в распоряжение экспертов. Вопросы, поставленные перед экспертом-психологом, не должны выходить за пределы его профессиональной компетенции. В качестве источников информации, предоставляемых в распоряжение эксперта, обычно указывают подэкспертное лицо, уголовное дело и приобщенную к нему медицинскую документацию. Это не исключает того, что в необходимых случаях могут быть предоставлены и другие материалы, имеющие значение для производства судебно-психологической экспертизы и приобщенные к уголовному делу - продукты творчества (рисунки, литературные произведения) подэкспертного, письма, дневники, видеозаписи следственного эксперимента, допросов и т.п.

Назначение судебно-психологической экспертизы предъявляет особые требования к органу, ведущему производство по делу, при сборе необходимых для экспертизы материалов. В частности, данные о личности подэкспертного лица не должны ограничиваться характеристиками с места работы и жительства, которые часто являются довольно формальными по содержанию. Желательно собрать полные биографические данные (наследственность, особенности воспитания в семье, успеваемость и взаимоотношения в учебных заведениях), сведения об отношении к семье, работе,

сослуживцам, друзьям, к самому себе, о поведении, об особенностях реагирования в экстремальных ситуациях.

Ходатайствовать о назначении судебно-психологической экспертизы может само лицо, нуждающееся в экспертизе (обвиняемый, свидетель, потерпевший), а также его представитель (защитник обвиняемого, законный представитель потерпевшего). Ходатайство можно заявлять только перед тем органом, в производстве которого находится уголовное дело, и оно должно быть обоснованным. Орган, ведущий производство по уголовному делу, вправе и по собственному усмотрению, при отсутствии ходатайств, прийти к выводу о назначении экспертизы. При предварительном расследовании уголовного дела - это дознаватель, следователь и прокурор, при судебном разбирательстве - это судья или суд в коллегиальном составе.

Судебную экспертизу с участием психолога предпочтительно назначать не на ранних этапах предварительного следствия (дознания), а когда собраны материалы, характеризующие личность подэкспертного, и подробно изучены обстоятельства дела.

Следователь обязан ознакомить обвиняемого с постановлением о назначении экспертизы (за исключением тех случаев, когда его психическое состояние делает это невозможным) и разъяснить его права. Обвиняемый же имеет право заявить отвод эксперту-психологу (а при назначении комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы - и эксперту-психиатру), просить о назначении эксперта из числа указанных им лиц, представить дополнительные вопросы для получения по ним заключения эксперта, знакомиться с заключением эксперта. Следователь может удовлетворить ходатайство обвиняемого и изменить или дополнить свое постановление о назначении экспертизы, либо отказать в ходатайстве, вынеся соответствующее постановление, объявляемое обвиняемому под расписку.

При назначении экспертизы в экспертном учреждении (это в большей степени касается психолого-психиатрической экспертизы) следователь или суд направляет туда постановление (определение) и материалы, предоставляемые в распоряжение экспертов. На основании постановления (определения) руководитель экспертного учреждения поручает производство экспертизы одному или нескольким сотрудникам этого учреждения, которые и обязаны провести экспертное исследование и дать свое заключение. В экспертном заключении делается отметка о разъяснении прав и обязанностей и о предупреждении об ответственности за дачу заведомо ложного заключения (ст. 307 УК РФ).

Если же экспертиза проводится вне экспертного учреждения, то следователь или суд после выяснения личности, специальности и компетентности психолога, которому поручается экспертиза, вручает эксперту постановление (определение), разъясняет права и обязанности, предупреждает об ответственности за дачу заведомо ложного заключения. О выполнении этих действий следователь делает отметку в постановлении о назначении экспертизы, которая удостоверяется подписью эксперта.

Экспертных учреждений, производящих судебно-психологическую экспертизу, в России очень мало. Комплексная же психолого-психиатрическая экспертиза может проводиться в таких экспертных учреждениях, как амбулаторные и стационарные судебно-психиатрические экспертные комиссии (АСПЭК и ССПЭК) при психиатрических больницах или психоневрологических диспансерах, в межрегиональных и региональных Центрах судебной психиатрии, а также в ГНЦ социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского. Во всех этих учреждениях предусмотрены ставки экспертов-психологов, и уже во многих из них наряду с судебными психиатрами работают квалифицированные психологи-эксперты.

1.5. Виды судебно-психологической экспертизы

Существует несколько видов классификации судебно-психологической экспертизы, имеющих значение для практики предварительного следствия и судопроизводства:
по месту и условиям проведения,
по процессуальному положению подэкспертных,
по предмету экспертизы.

1.5.1. Виды судебно-психологической экспертизы по месту и условиям проведения

Судебно-психологическая экспертиза обычно проводится амбулаторно или в зале судебного заседания. При амбулаторной экспертизе психолог-эксперт производит экспертное исследование в месте содержания подэкспертного лица под стражей - в случае экспертизы обвиняемого, заключенного под стражу. Естественно, что следователь должен обеспечить эксперту нормальные условия для проведения экспериментально-психологического исследования и ознакомления с уголовным делом и другими материалами, необходимыми для производства судебно-психологической экспертизы: изолированное помещение, стол и т.п. В случаях, когда подэкспертным лицом является обвиняемый, не содержащийся под стражей, свидетель или потерпевший, экспертно-психологическое исследование проводится в любом удобном для эксперта месте по договоренности со следователем. Задачей следователя в данном случае является обеспечение явки подэкспертного в установленное место и время. Следует отметить, что принудительному направлению на экспертизу (т.е. без согласия самого подэкспертного или его законных представителей) могут быть подвергнуты только подозреваемые и обвиняемые. Судебно-психологическая экспертиза в отношении свидетелей и потерпевших может проводиться только с их согласия.

В зале судебного заседания психолог-эксперт проводит экспертное исследование непосредственно в ходе судебного разбирательства по уголовному делу. Он имеет право задавать вопросы участникам судебного процесса с разрешения судьи. Как правило, после изучения всех доказательств по делу, эксперт-психолог ходатайствует о предоставлении ему необходимого времени для проведения экспериментально-психологического исследования и составления экспертного заключения. Эксперт дает заключение в письменном виде, оглашает его в судебном заседании и дает разъяснения по вопросам, возникшим в связи с его заключением.

Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза проводится чаще стационарно, хотя и в этом случае возможно производство экспертизы амбулаторно или в зале судебного заседания. Стационарная комплексная экспертиза обычно проводится психиатрами и психологами, являющимися сотрудниками межрегиональных и региональных Центров судебной психиатрии, или членами стационарных судебно-психиатрических экспертных комиссий, организованных при психиатрических больницах или психоневрологических диспансерах на правах их самостоятельных подразделений. Наиболее сложные психолого-психиатрические экспертизы производятся в стационаре ГНЦ социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского. Срок проведения такой экспертизы составляет, как правило, один месяц, но он может быть продлен в связи с неясностью клинической, диагностической и экспертной оценок.

1.5.2. Виды судебно-психологической экспертизы по процессуальному положению подэкспертных

Судебно-психологическая экспертиза производится в отношении таких процессуальных фигур, как подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, свидетель и потерпевший.

Лицо, задержанное по подозрению в совершении преступления, или лицо, к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения, является подозреваемым (ст. 52 УПК РСФСР),

После вынесения постановления о привлечении его в качестве обвиняемого, подозреваемый признается обвиняемым. Обвиняемый, дело в отношении которого принято к производству судом, именуется подсудимым (ст. 46 УПК РСФСР).

Потерпевшим признается лицо, которому преступлением нанесен моральный, физический или имущественный ущерб, но только после того, как дознаватель, следователь или судья вынесет постановление, или суд - определение о признании гражданина потерпевшим (ст. 53 УПК РСФСР).

В качестве свидетеля для дачи показаний может быть вызвано любое лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, подлежащие установлению по уголовному делу. Не могут допрашиваться в качестве свидетеля защитник обвиняемого, адвокат, представитель общественной организации (об обстоятельствах дела, которые стали им известны в связи с выполнением своих обязанностей) и лицо, которое в силу своих физических или психических недостатков не способно правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания (ст. 72 УПК РСФСР).

На стадии предварительного следствия судебно-психологическая экспертиза назначается в отношении подозреваемых, обвиняемых, свидетелей и потерпевших, а при судебном разбирательстве - в отношении подсудимых, свидетелей и потерпевших. Следует заметить, однако, что экспертиза в отношении подозреваемых производится крайне редко и назначение ее нецелесообразно, поскольку подозреваемым любое лицо может быть по закону не более 10 суток (ст. 90 УПК РСФСР), т.е. только на ранних этапах предварительного следствия, когда еще не собраны необходимые материалы для производства психологической экспертизы.

1.5.3. Предметные виды судебно-психологической экспертизы

По характеру вопросов, решаемых экспертизой, и юридическому значению экспертных заключений можно выделить следующие виды судебно-психологической экспертизы:

1. Экспертиза индивидуально-психологических особенностей (личности) обвиняемого (подсудимого) и их влияния на его поведение во время совершения инкриминируемых ему деяний.

Данный вид экспертизы проводится в соответствии со ст. 68 УПК РСФСР, посвященной обстоятельствам, подлежащим доказыванию по уголовному делу. В числе прочих обстоятельств, влияющих на степень и характер ответственности обвиняемого, указываются обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого. Основное значение психологической экспертизы личности состоит в том, что экспертное заключение может быть использовано судом в целях индивидуализации уголовной ответственности и наказания.

2. Экспертиза аффекта у обвиняемого (подсудимого) в момент совершения инкриминируемых ему деяний.

Проводится для судебного установления состояния аффекта (сильного душевного волнения) обвиняемого в момент совершения преступления. Определение состояния аффекта (сильного душевного волнения) имеет значение для квалификации ст. 107 УК РФ ("Убийство, совершенное в состоянии аффекта"), ст. 113 УК РФ ("Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта").

3. Экспертиза способности несовершеннолетнего обвиняемого (подсудимого) с отставанием в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, в

полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими.

Этот вид экспертизы проводится в соответствии с ч. 3 ст. 20 УК РФ. Неполная мера осознания и регуляции своих противоправных действий несовершеннолетним с отставанием в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, служит основанием для освобождения от уголовной ответственности.

4. Экспертиза способности свидетеля или потерпевшего правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания.

Проводится в соответствии с п. 3 ст. 79 УПК РСФСР, которая регулирует случаи обязательного проведения экспертизы.

5. Экспертиза способности потерпевшей по делу об изнасиловании понимать характер и значение совершаемых с нею действий или оказывать сопротивление виновному.

Имеет значение для судебной квалификации изнасилования или насильственных действий сексуального характера с использованием беспомощного состояния потерпевшей либо потерпевшего (ч. 1 ст. 131 и ч. 1 ст. 132 УК РФ). Согласно постановлению Верховного Суда РФ от 22 апреля 1992 г. "О судебной практике по делам об изнасиловании", состояние потерпевшей признается беспомощным, когда она в силу физического или психического состояния не могла понимать характер и значение совершаемых с нею действий или не могла оказывать сопротивление.

6. Экспертиза психического состояния лица, окончившего жизнь самоубийством.

Юридическим основанием данного вида экспертизы могут выступать две статьи УК РФ. Во-первых, это квалификация ст. 110 У К РФ ("Доведение до самоубийства"), во-вторых, определение "тяжких последствий" (в число которых входит и самоубийство потерпевшей, последовавшее в результате изнасилования) как обстоятельства, отягчающего ответственность (п. "б" ст. 63 УК РФ). В обоих случаях судебно-следственные органы интересует причинно-следственная связь между действиями обвиняемого (подсудимого) и самоубийством потерпевшего лица.

1.6. Права и обязанности эксперта-психолога

Основной процессуальной обязанностью эксперта-психолога является дача объективного заключения на основе проведенных исследований в соответствии с его специальными познаниями по вопросам, поставленным перед ним органом, ведущим производство по делу. При этом каждый член экспертной комиссии несет личную ответственность за данное им заключение (ст. 80,82 УПК РСФСР). Кроме того, эксперт-психолог обязан:

- явиться по вызову органа, назначившего экспертизу, и в частности на допрос, и дать правдивые показания по поводу проведенного исследования и данного заключения. В соответствии с действующим законодательством, при допросе эксперт-психолог обязан отвечать лишь на те вопросы, которые относятся в предмету судебно-психологической экспертизы. На допросе у следователя эксперт имеет право изложить свои ответы собственноручно (ст. 82,192,289 УПК РСФСР);
- заявить самоотвод при наличии ряда оснований, указанных в законе (ст. 59, 67 УПК РСФСР). Эксперт не может участвовать в рассмотрении дела, если:

он является потерпевшим, свидетелем, кем-нибудь из участников дела или их представителем;

он является родственником потерпевшего, обвиняемого или их законных представителей, а также родственником обвинителя, защитника или лица, производившего дознание;

он находится или находился в служебной или иной зависимости от обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца или ответчика;

он участвовал в деле в качестве специалиста;

имеются другие обстоятельства, которые дают основание считать, что эксперт лично заинтересован в уголовном деле;
- не разглашать данные предварительного расследования без разрешения органа дознания, следователя, прокурора (ст. 139 УПК РСФСР);
- сообщить в письменном виде о невозможности дать заключение, если поставленные вопросы выходят за пределы специальных психологических познаний или предоставленные материалы недостаточны для дачи заключения (ст. 82 УПК РСФСР).

Если вопрос, внесенный в определение следователя или постановление суда, не входит в компетенцию эксперта-психолога, то он не должен его игнорировать, а обязан аргументирование обосновать в своем заключении, почему на данный вопрос невозможно дать ответ. Если же в уголовном деле или медицинской документации не хватает данных для составления полного заключения, то психолог-эксперт вначале ходатайствует о предоставлении ему этих дополнительных материалов, указывая конкретно, какие именно данные должен собрать и передать ему следователь (например, данные о предыдущих экспериментально-психологических обследованиях подэкспертного, допросы родственников и сослуживцев о личности испытуемого и т.п.), и только в том случае, когда его ходатайство остается без удовлетворения, он обосновывает в своем заключении невозможность ответить на поставленные перед ним вопросы.

Эксперт-психолог имеет право:
- знакомиться с материалами дела, относящимися к предмету экспертизы (ст. 82 УПК РСФСР);
- ходатайствовать о предоставлении ему дополнительных материалов, необходимых для дачи заключения (ст. 82 УПК РСФСР). Как подчеркивалось выше, эксперт должен указывать, какие именно конкретные материалы ему необходимы;
- присутствовать при производстве следственных (судебных) действий, а также задавать допрашиваемым вопросы, относящиеся к предмету экспертизы с разрешения следователя или суда (ст. 82, 288 УПК РСФСР);
- эксперты имеют право совещаться между собой перед дачей заключения. Эксперт, не согласный с мнением остальных членов комиссии, составляет отдельное заключение (ст. 80 УПК РСФСР). Таким образом, если мнения экспертов-психологов разделились, то по поводу одного и того же подэкспертного составляются два (или более) заключения;

указать в заключении обстоятельства, по поводу которых органом, назначившим экспертизу, не были поставлены вопросы, при условии, что они имеют значение для дела и их установление входит в компетенцию эксперта-психолога (ст. 191,288 УПК РСФСР).

Если вопрос сформулирован неправильно и эксперт, изучив предоставленные ему материалы и обследовав испытуемого, решает, что при переформулировке вопроса его заключение будет иметь значение для дела, то он может отвечать на тот вопрос, который, по его мнению, должен был задать следователь или суд;

обжаловать такие действия лица, производящего дознание, следователя, прокурора, суда, которые ущемляют права эксперта-психолога (ст. 22, 218-220 УПК РСФСР);

если эксперт-психолог не является сотрудником экспертного учреждения, он имеет право на вознаграждение за проведенное им экспертное исследование (ст. 106 УПК РСФСР).

1.7. Заключение эксперта

После изучения предоставленных материалов и экспериментально-психологического исследования испытуемого психолог-эксперт (или комиссия экспертов) составляет заключение судебно-психологической экспертизы. Заключения судебных психологов-экспертов обычно разнообразны по содержанию, так как в каждом конкретном экспертном исследовании содержится уникальный психологический анализ материалов (в зависимости от фабулы уголовного дела и выявляемых психологических механизмов исследуемого юридического критерия) и набор примененных экспериментальных методов.

Однако форма заключения должна быть достаточно унифицированной (ст. 191 УПК РСФСР). В каждом заключении должно быть указано: когда, где, кем (фамилия, имя, отчество, образование, специальность, ученая степень и звание, занимаемая должность), на каком основании (определение следователя или постановление суда) была произведена экспертиза, какие вопросы были поставлены эксперту, кто присутствовал при производстве экспертизы, какие материалы эксперт-психолог использовал, какие исследования произвел. В конце заключения формулируются экспертные выводы (ответы на вопросы судебно-следственных органов). Если при производстве экспертизы эксперт установит обстоятельства, имеющие значение для дела, по поводу которых ему не были поставлены вопросы, он вправе указать на них в своем заключении.

Заключение дается только в письменном виде и подписывается экспертом-психологом, а при проведении экспертизы комиссией экспертов - всеми членами комиссии.

Заключение комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы имеет некоторые особенности по сравнению с заключениями однородных судебно-психологической и судебно-психиатрической экспертиз. Структура заключения (акта) судебно-психиатрической эспертизы обычно включает введение (формальная часть акта); сведения о прошлой жизни подэкспертного (анамнез); описание психического, неврологического и физического состояния испытуемого (статус); мотивировочную часть (клинический анализ анамнеза и статуса); выводы (ответы на вопросы органа, назначившего экспертизу) [I]. При комплексной психолого-психиатрической экспертизе обычно в заключении приводится уже не только психиатрический, или психологический, но и комплексный клинико-психологический анализ предоставленных материалов. Патопсихологическое заключение по данным экспериментально-психологического исследования включается, как правило, в раздел, описывающий психический статус подэкспертного лица. Ответы на вопросы психологу-эксперту даются после ответов на вопросы, адресованные психиатру-эксперту. При комплексной экспертизе обвиняемого, при решении о его неспособности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими в момент совершения инкриминируемых ему деяний (т.е. рекомендации считать его невменяемым), эксперт-психолог не отвечает на вопросы, входящие в его компетенцию, поскольку вопросы эксперту-психологу обычно имеют значение только в отношении вменяемых лиц.

Заключение комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (часто называемое также актом) подписывается всеми экспертами - и психиатрами, и психологами. Недопустимо при вынесении постановления (определения) о назначении комплексной экспертизы давать два отдельных заключения - судебно-психиатрическое и судебно-психологическое.

Орган, назначивший экспертизу, производит оценку заключения эксперта (комиссии экспертов), сопоставляя его с другими материалами дела, проводя комплексный анализ всех собранных по делу доказательств. Если заключение признано полным и обоснованным, оно будет являться доказательством по делу.

Если судебно-следственные органы придут к выводу, что экспертное заключение является недостаточно ясным или полным, хотя правильность экспертных выводов не ставится под сомнение, то они могут вызвать эксперта-психолога на допрос. На допросе эксперт-психолог разъясняет свое заключение (или отдельные выводы), не проводя исследования (ст. 192 УПК РСФСР).

Если экспертное заключение признано недостаточно ясным и полным, хотя и правильность экспертных выводов не ставится под сомнение, и допрос эксперта не внес необходимой ясности, может быть назначена дополнительная экспертиза (ст. 81 УПК РСФСР). Это обычно случаи, когда требуется:

решение новых вопросов путем исследования уже исследованных основной экспертизой объектов;

решение тех вопросов, на которые не были даны исчерпывающие ответы при основной экспертизе, с привлечением дополнительных материалов;
восполнение аргументации основной экспертизы на основе дополнительного исследования уже исследованных предыдущей экспертизой объектов.

Дополнительную экспертизу поручают тому же или другому эксперту (экспертам).

Заключение судебно-психологической экспертизы может быть признано необоснованным или могут возникнуть сомнения в его правильности, в случаях, когда:
по делу установлены дополнительные факты, которые по-новому раскрывают обстоятельства дела;
заключение основано на материалах дела, в котором отсутствуют сведения о личности или криминальной ситуации;
выводы эксперта противоречат фактическим обстоятельствам дела;
выявлена некомпетентность эксперта-психолога, что может проявляться в выходе за пределы своей компетенции, применении сомнительных, неапробированных методов или в обосновании заключения теоретическими концепциями, несовместимыми с принципами действующего законодательства (психоанализ, бихевиоризм), и т.п.

В этих случаях может быть назначена повторная экспертиза (ст. 81 УПК РСФСР), которая поручается не тому эксперту-психологу, который проводил первичную экспертизу, а обязательно другому эксперту (экспертам). Последовательно проводимые повторные экспертизы могут именоваться первой, второй, третьей и т.д.

Резюме

Экспертиза назначается в тех случаях, когда при производстве дознания, предварительного следствия и при судебном разбирательстве уголовного дела возникает необходимость в проведении конкретных исследований с использованием специальных познаний в науке, технике, искусстве или ремесле. В качестве эксперта может выступать любое лицо, обладающее необходимыми познаниями для дачи заключения.

Основной процессуальной формой использования специальных психологических познаний является судебно-психологическая и комплексные с нею виды судебных экспертиз.

Юридическими основаниями производства судебно-психологической экспертизы являются постановление лица, производящего дознание, следователя, прокурора или судьи либо определение суда (судьи и двух народных заседателей).

Судебно-психологическая экспертиза проводится амбулаторно или в зале судебного заседания. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза проводится стационарно, амбулаторно или в зале судебного заседания.

Судебно-психологическая экспертиза производится по отношению к таким процессуальным фигурам, как подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, свидетель и потерпевший.

Основные предметные виды судебно-психологической экспертизы:
Экспертиза индивидуально-психологических особенностей (личности) обвиняемого (подсудимого) и их влияния на его поведение во время совершения инкриминируемых им деяний.

Экспертиза аффекта у обвиняемого (подсудимого) в момент совершения инкриминируемых ему деяний.

Экспертиза способности несовершеннолетного обвиняемого с отставанием в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими.

Экспертиза способности свидетеля или потерпевшего правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания.

Экспертиза способности потерпевшей по делам об изнасилованиях понимать характер и значение совершаемых с нею действий или оказывать сопротивление виновному.
Экспертиза психического состояния лиц, окончивших жизнь самоубийством.

Судебно-психологическая экспертиза может назначаться и по поводу иных обстоятельств, установление которых требует специальных познаний в психологии, если эти обстоятельства имеют значение для уголовного дела и входят в компетенцию судебного эксперта-психолога.

Основной процессуальной обязанностью эксперта-психолога является дача объективного заключения на основе проведенных исследований в соответствии с его специальными познаниями по вопросам, поставленным перед ним органом, ведущим производство по делу. При этом каждый член экспертной комиссии несет личную ответственность за данное им заключение.

Кроме того, эксперты-психологи обладают совокупностью определенных прав и обязанностей в соответствии с УПК РСФСР.

В каждом заключении эксперта (комиссии экспертов) должно быть указано: когда, где, кем (фамилия, имя, отчество, образование, специальность, ученая степень и звание, занимаемая должность), на каком основании (определение следователя или постановление суда) была произведена экспертиза, кто присутствовал при производстве экспертизы, какие материалы эксперт-психолог использовал, какие исследования произвел, какие вопросы были поставлены эксперту и его мотивированные ответы, основанные на анализе экспериментально-психологического исследования и изучении уголовного дела и приобщенных к нему материалов. Заключение дается только в письменном виде и подписывается экспертом-психологом, а при проведении экспертизы комиссией экспертов - всеми членами комиссии.

После оценки заключения экспертизы суд вправе вызвать эксперта на допрос для разъяснения экспертного заключения. В случае недостаточной ясности и полноты экспертного заключения может быть назначена дополнительная экспертиза, поручаемая тому же или другому эксперту. В случае необоснованности заключения эксперта или сомнения в его правильности может быть назначена повторная экспертиза, которая поручается другому эксперту.

Литература

1. Инструкция о производстве судебно-психиатрической экспертизы в СССР. М., 1970.

2. Коченев М.М. Введение в судебно-психологическую экспертизу. М.,1980.

3. Коченов М.М. Комплексная психолого-психиатрическая экспертиза (к постановке проблемы). // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1978. Вып. 29. С. 114-126.

4. Кудрявцев И.А. Судебная психолого-психиатрическая экспертиза. М.,1988.

5. Печерникова Т.П., Гульдан В.В. Актуальные вопросы комплексной психолого-психиатрической экспертизы // Психологический журнал. 1985. Т. 6. № 1. С. 96-104.

6. Сафуанов Ф.С., Шишков С.Н. Экспертиза "правдивости" показаний (возможности психологической экспертизы) // Законность. 1992. № 2. С. 13-14.

7. УК РФ.

8. УПК РСФСР.

9. Фелинская Н.И., Печерникова Т.П. Компетенция комплексных судебно-психиатрических и судебно-психологических экспертиз // Социалистическая законность. 1973. № 12. С. 44.

10. Фелинская Н.И., СтанишевскаяН.Н. Использование психологических знаний в уголовном процессе // Советская юстиция. 1971. № 7. С. 5-7.

11. Шишков С.Н. Формы использования психиатрических познаний на предварительном следствии. Практическое пособие. Железноводск,1996.

2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

2.1. Объект и предмет деятельности судебного эксперта-психолога

Под объектом познания в философии в общем виде понимается элемент реальной действительности, противостоящий субъекту в его познавательной деятельности и существующий независимо от его сознания [12, с. 453; 2, с. 18]. Наиболее распространенным является определение объекта судебно-психологической экспертизы, высказанное М.М. Кононовым в одной из работ, согласно которому им является психическая деятельность психически здорового человека [3, с. 15]. И.А. Кудрявцев также отмечает, что судебно-психологическая экспертиза изучает "полную норму" [5, с.21], а при комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизе психолог должен, по его мнению, исследовать лиц с пограничными психическими расстройствами (в том числе и с крайними индивидуальными вариантами психического здоровья), не исключающими вменяемости [5, с. 19]. Заметим, однако, что И.А. Кудрявцев говорит о "полной норме" как о предмете судебно-психологической экспертизы, а объект экспертизы он отождествляет с источниками информации, в качестве которых могут быть представлены сами подэкспертные и данные о состоянии их психики и поведении, закрепленные в материалах уголовного дела.

Обе точки зрения отражают существующую сегодня практику назначения судебных экспертиз, решающих психологические вопросы, - действительно, на судебно-психологическую экспертизу направляются подэкспертные, чье психическое здоровье либо не вызывает сомнений у правоохранительных органов, либо подтверждено уже проведенной судебно-психиатрической экспертизой, а комплексная экспертиза назначается в основном тогда, когда требуется одновременное решение судебно-психиатрических и судебно-психологических вопросов, и, соответственно, судебный психолог решает психологические вопросы только в случае решения вопроса психиатрами в пользу вменяемости испытуемого, - а ими нередко оказываются лица с пограничными психическими аномалиями.

Но в то же время и в поле внимания судебно-психологической экспертизы, как показывает та же практика, очень часто попадают лица с пограничной патологией психики, и нередки случаи проведения комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы в отношении психически здоровых лиц, т.е. так называемой "полной нормы".

Но точны ли данные определения с теоретической точки зрения? Могут ли быть у психолога разные объекты экспертного исследования в зависимости от того, в рамках какой экспертизы, судебно-психологической или комплексной психолого-психиатрической, он обследует подэкспертное лицо? Верны ли эти определения в свете перспектив участия психолога-эксперта в уголовном процессе при совершенствовании как уголовного и уголовно-процессуального законодательства, так и самого содержания и процесса экспертизы?

Определение объектов судебных экспертиз, имеющих дело со сферой психического в человеке, по критерию наличия или отсутствия психического заболевания (или патологии психики) предполагает и различение объектов базовых научных дисциплин (психологии и психиатрии) по тому же принципу. Но психиатрия отличается от психологии не тем, что она изучает психические болезни, а психология - так называемую "нормальную" психику. Психология имеет одним из своих объектов нервно-психическую патологию психической деятельности. Важнейшей особенностью деятельности судебного психолога-эксперта является применение такой теоретической области психологии, как клиническая психология с ее развитым концептуальным аппаратом анализа патологии познавательной деятельности и личности, со сложившимся психодиагностическим инструментарием, объектом изучения которой и является патология психической сферы человека. И судебный психолог, деятельность которого протекает в рамках судебно-психологической или комплексной психолого-психиатрической экспертизы, сталкивается с подэкспертным лицом, о психическом здоровье которого априори судить невозможно.

Следовательно, объектом исследования психолога-эксперта, независимо от вида экспертизы, в которой он участвует, не может быть заведомо "нормальная" или "пограничная" психика. Психолог-эксперт имеет дело с особенностями психической деятельности человека, независимо от того, обусловлены они патологическими или непатологическими факторами. Следует отметить, что в последних работах М.М. Коченов придерживается аналогичной точки зрения и отмечает, что "главным объектом судебно-психологической экспертизы является психика человека как особое свойство его мозга, недоступное непосредственному чувственному познанию" [4, с. 15].

Однако и такое определение объекта судебно-психологической экспертизы неизбежно будет неполным, поскольку оно не выявляет ее специфики, качественного отличия от объекта психологии как теоретической дисциплины. Если рассматривать судебно-психологическую экспертизу в рамках системы судебной экспертологии, то становится ясным, что создание специальной прикладной судебной предметной науки является результатом необходимости трансформации данных базовой науки в качественно иные данные [1, с. 114], в том числе и трансформации объекта науки. Как справедливо указывают Ю.Л. Метелица и С.Н. Шишков, при судебно-экспертном исследовании объектом исследования являются особенности психики человека не вообще, а только в юридически значимых ситуациях [7, с. 149], под которыми понимаются юридически значимые периоды времени или ситуации, в которых разворачивается та или иная психическая деятельность подэкспертного лица, оцениваемая с позиции разных юридических критериев (см. табл. 1). К примеру, при судебно-психологической экспертизе обвиняемого такой значимой ситуацией будет ситуация совершения инкриминируемого ему деяния, при экспертизе свидетелей - предкриминальная, криминальная и посткриминальная ситуации, стадии предварительного следствия, судебного разбирательства.

Таким образом, можно определить объект исследования эксперта-психолога как психическую деятельность подэкспертного лица в юридически значимых ситуациях.

Таблица 1.

Юридически значимые ситуации в разных видах судебно-психологической экспертизы

Объект экспертизы	Юридическая ситуация				
	Предкрим-инальная	Крими-нальная	Посткрими-нальная	Следствен-ная	Судеб-ная
Обвиняемые:					
1) индивидуально-психологические особенности	+	++	+	-	-
2) аффект					
Несовершеннолетние обвиняемые	-	+	-	-	-
Свидетели	+	+	+	+	+
Потерпевшие	-	+	-	-	-
Лица, окончившие жизнь самоубийством	+	+*	-	-	-

* Примечание. Ситуация совершения суицида

Особенностью такого определения является то, что оно практически не отличается от определения объекта судебно-психиатрической экспертизы [7]. Действительно, при судебно-психологической, так же как и при судебно-психиатрической экспертизе, в качестве противостоящего субъекту познания элемента объективной реальности выступает вся психическая сфера испытуемого в рамках заданных эксперту ситуаций, и только на предметном уровне психолог и психиатр находят свой аспект гносеологического освоения объекта. В то же время данное определение позволяет участвовать психологу в комплексной психолого-психиатрической экспертизе не только в зоне "перекрытия", под которой понимаются пограничные состояния психики [5], но и в работе с любыми испытуемыми - психически больными, здоровыми, с пограничными состояниями. Это имеет важное значение для перспектив судебно-психологической и комплексных с нею экспертиз. Уже в настоящее время намечаются проблемы, в решении которых психолог-эксперт может участвовать наряду с психиатрами, несмотря на то, что речь будет идти о психически больных в собственном смысле (шизофрения и пр.), - это проблемы ограниченной вменяемости, процессуальной дееспособности и др.

Как уже отмечалось, при всей схожести объектов судебной психологической и психиатрической экспертиз предметы их различны. Это различие вытекает из различия предмета базовых научных дисциплин - психиатрии и психологии. Под предметом познания в общем виде понимаются зафиксированные в опыте и включенные в процесс практической деятельности человека стороны, свойства и отношения объекта, исследуемые с определенной целью в данных условиях и обстоятельствах [11, с. 292]. Психиатрия имеет дело с закономерностями проявлений нарушенных психических процессов, а психология - с закономерностями протекания или структуры (а патопсихология - с их нарушениями) самих психических процессов [8, с. 7]. Предметом судебной психиатрии, по определению С.Н. Шишкова [15], являются психические расстройства, имеющие юридическое значение в уголовном и гражданском процессах. Юридически значимы такие расстройства, которые в достаточной мере дизрегулируют поведение субъекта права, лишая его способностей, обязательных для самостоятельного осуществления прав и обязанностей, несения ответственности и т.п. Такие расстройства осваиваются правом в категориях невменяемости, недееспособности и некоторых других [15, с. 33-34].

Соответственно, предметом исследования судебного психолога-эксперта выступают закономерности и особенности протекания и структуры психических процессов (психической деятельности), имеющие юридическое значение и влекущие определенные правовые последствия.

В этом определении подчеркнуто, что предметом экспертного исследования психолога являются особенности функционирования психической деятельности человека в юридически значимых ситуациях, независимо от того, являются ли они патологическими или возрастными, личностными, эмоциональными, и четко указана конечная цель, ради достижения которой они исследуются. Суд интересует не собственно диагностика особенностей психики человека, а наличие или отсутствие таких ее свойств, которые определяют их юридическую значимость, что отражено в праве в качестве юридических критериев той или иной способности подэкспертного лица - например, способности свидетелей правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания, способности потерпевших по сексуальным правонарушениям понимать характер и значение совершаемых с ними действий или оказывать сопротивление и т.п.

2.2. Специальные познания и пределы компетенции судебного эксперта-психолога

Обобщенное определение специальных познаний в отечественном уголовном праве дано В.Н. Маховым: "Специальные знания в <... > уголовном процессе - это знания, присущие различным видам профессиональной деятельности, за исключением знаний, являющихся профессиональными для следователя и судьи, используемые при расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел в суде в целях содействия установлению истины по делу в случаях, формах и порядке, определенных уголовно-процессуальным законодательством" [6, с. 60]. В этом определении термину "познания" предпочитается понятие "знания", как более согласующееся с категориальным аппаратом современной гносеологии, и акцентируется внимание на том, что это определение не специальных знаний вообще, а только специальных знаний, используемых в уголовном судопроизводстве.

Исходя из этой формулировки, проанализируем специальные познания, необходимые для проведения судебно-психологической экспертизы. Во-первых, это должны быть знания относительно сущности предмета судебно-психологической экспертизы, и их особенностью является то, что они не выступают как чисто теоретические - достижения теории психологии и различные методические средства психодиагностики и психологического анализа объекта исследования должны быть научно обоснованными, внедренными в практику и составлять часть профессионального опыта. Такое ограничение связано с тем обстоятельством, что в современной научной психологии существует множество общепсихологических и более специализированных теорий и концепций (одно их перечисление заняло бы объем настоящей главы), эклектичное и некритичное использование которых в целях экспертизы внесло бы сумятицу в головы следователей и судей и не позволило бы использовать заключения психолога-эксперта в целях установления истины по делу. Так, по одному и тому же делу психоаналитическая трактовка глубинных бессознательных механизмов преступных действий и бихевиористская интерпретация поведения в рамках парадигмы "стимул-реакция" мало совместимы друг с другом и не согласуются с общими представлениями о человеке в отечественном уголовном праве. Раскроем это положение на примере анализа возможности применения теории психоанализа в судебной экспертизе (подробнее на эту тему см. [9]).

Если внимательно вникнуть в содержание действующего уголовного законодательства, особенно статей, посвященных вине, то нетрудно прийти к выводу, что отечественному уголовному праву человек (как субъект преступления) представляется существом сугубо рациональным. Он всегда, кроме случаев невменяемости и недостижения определенного возраста, осознает свои поступки, предвидит возможные последствия своего поведения, имеет возможность их не допустить, спланировав свои действия заранее и таким образом, чтобы избежать нарушения уголовно-правового запрета. Перечисленные психологические качества субъекта делают возможной саму постановку вопроса об ответственности, и когда человек ими не обладает (например, все тот же невменяемый), возложение уголовной ответственности недопустимо.

Такому взгляду наиболее адекватно отвечают "рационалистические" представления о человеке. Классический же психоанализ парадоксальным образом сочетает идеи о психологической структуре личности, которые примыкают к представлениям антропологической и социологической школ уголовного права.

С одной стороны, главными детерминантами человеческой активности в фрейдизме выступают имманентно присущие человеку эгоизм, агрессивность, стремление к разрушению, к смерти и другие бессознательные инстинктивные влечения, подчиняющиеся "принципу удовольствия" (обозначаемые структурным образованием "Id", или "Оно"), что сближает психоаналитическую концепцию личности с биологизаторскими теориями антропологической школы уголовного права о детерминированности преступления исключительно биологическими факторами. С другой стороны, психоанализ постулирует зависимость поведения от социальных факторов, ситуационных воздействий,

которые ответственны за формирование такой инстанции личности, как SuperEgo (Сверх Я), включающей социальные запреты (в том числе и правовые), нравственные и моральные нормы, одобряемые обществом ценности и идеалы, т.е. выполняющей функции общественной цензуры. Следует отметить, что Сверх Я действует в сфере бессознательного [14]. Ответственность за правовое поведение в таком случае возлагается не на ущербную, изначально аморальную и управляемую только инфантильными инстинктами личность, а, соответственно взглядам социологической школы уголовного права, на общество в целом, на окружающую среду. Оба подхода снимают проблему личной и социальной ответственности человека, поскольку, и в том и в другом случае, по выражению В.Франкла, "человек остается лишь движимым, он не становится принимающим решения, тем более нравственные" [13, с. 125-126]. Таким образом, мы видим общую несовместимость "рационалистических" концепций человеческой природы с представлениями о человеке в психоанализе.

Подчеркнем, что научные положения и методы исследования, применяемые экспертом-психологом, должны быть апробированы именно в экспертной практике, поскольку научно обоснованные теории и методы в одной области прикладной психологии (к примеру, тот же психоанализ в психотерапии) не всегда могут быть адекватно применены в другой.

Во-вторых, специальные знания (познания) эксперта-психолога должны быть профессиональными психологическими, полученными в результате специальной подготовки (образования) и не пересекаться с юридическими знаниями: дело в том, что некоторые понятия, такие как личность, мотивы и др., являются объектом рассмотрения и в рамках уголовного права - так, некоторые юридически значимые мотивы согласно действующему уголовному законодательству введены в состав преступления в качестве его элементов или выступают в качестве квалифицирующего обстоятельства. К тому же юристы изучают в процессе своей профессиональной подготовки основы судебной психологии. Поэтому важно дифференцировать психологический и юридический подходы к некоторым психологическим закономерностям душевной жизни человека - специальные психологические знания нельзя идентифицировать с профессиональными знаниями следователя и судьи, они неотделимы от базовой психологической науки.

Таким образом, специальные познания (знания) эксперта-психолога - это психологические теоретические и методологические знания о закономерностях и особенностях протекания и структуры психической деятельности человека, имеющих юридическое значение, полученные в результате специальной профессиональной психологической подготовки и внедренные в практику судебной экспертизы, которые используются при расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел в суде в целях содействия установлению истины по делу по основаниям и в порядке, определенном уголовно-процессуальным кодексом.

Определение специальных познаний психолога, используемых в судебной экспертизе, позволяет более четко очертить и сферу его профессиональной компетенции. Включение в определение специальных познаний предмета исследования судебно-психологической экспертизы позволяет четко отделить именно на предметном уровне профессиональную компетенцию эксперта-психолога от профессиональной компетенции судебного психиатра, с одной стороны, и от компетенции следователей и судей - с другой.

Указание на обязательное использование специальных научных познаний, уже внедренных в экспертную практику, выносит за границы профессиональной компетенции судебного эксперта-психолога следующие моменты:

- явления, которые недоступны познанию с точки зрения уровня развития современной психологической науки - например, разного рода парапсихологические феномены, широко обсуждаемые в последнее время явления "зомбирования", "колдовства" и пр. В литературе могут существовать различные теоретические концепции, объясняющие такого рода

явления, однако они не разделяются большинством специалистов, а считаются гипотезами, нуждающимися в последующей проверке;
- спекулятивные, малоизвестные, неапробированные в научной психологии и в экспертной практике теоретические положения и методы исследования - предпочтение должно отдаваться испытанным, признаваемым научным сообществом теориям (к тому же совместимым с имплицитным представлением о человеке в действующем законодательстве), валидным и надежным методам, отработанным и получившим широкое распространение в судебной экспертизе;
- явления, которые невозможно исследовать из-за методической специфики проведения судебно-психологической экспертизы, которая часто должна реконструировать сущность психических процессов в юридически значимых ситуациях, относящихся к прошлому в момент исследования. Так, недоступно ретроспективное изучение, к примеру, содержания сознания свидетеля в момент совершения преступления, очевидцем которого он был, т.е. невозможно ответить на вопрос, воспринял ли он те или иные события на самом деле. Невозможно реконструировать, понимал ли обвиняемый в изнасиловании, что потерпевшая находилась в беспомощном состоянии вследствие психологических причин;
явления, имеющие значение для суда и следствия, но не являющиеся предметом исследования эксперта-психолога, и относящиеся к компетенции органа, ведущего производство по делу. Так, оценка достоверности показаний и все вопросы, связанные с этим ("Чем можно объяснить изменение показаний обвиняемого в ходе следствия?", "Не склонен ли обвиняемый ко лжи?" и т.п.) относятся исключительно к компетенции юридических органов, которые определяют достоверность показаний на основании оценки всех доказательств, собранных по делу;
- явления, относящиеся к изучению психических процессов, но составляющие предмет исследования экспертов-психиатров и находящихся в их компетенции. Например, недопустимо в рамках судебно-психологической экспертизы исследовать способность обвиняемого осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими;
- психические процессы и состояния, в целом входящие в компетенцию эксперта-психолога, но не имеющие юридического значения при тех или иных предметных видах экспертизы. Так, ошибочно при экспертизе свидетелей выносить в постановление (определение) вопрос о способности подэкспертного правильно понимать характер и значение действий обвиняемого, так как этот вопрос имеет значение только при экспертизе потерпевших по делам об изнасилованиях.

И, наконец, определение специальных познаний эксперта-психолога не дает оснований разграничивать пределы его компетенции при участии в разных видах судебной экспертизы - судебно-психологической и комплексной психолого-психиатрической.

2.3. Подготовка судебных экспертов-психологов

В настоящее время проблема подготовки квалифицированных профессиональных кадров для судебно-психологической экспертизы является малоразработанной. Следует признать, что система подготовки судебных психологов-экспертов в нашей стране поставлена неудовлетворительно. Согласно действующему законодательству, судебно-следственные органы имеют право привлекать в качестве эксперта любое лицо, обладающее необходимыми познаниями для дачи заключения, но на практике экспертом назначают человека, имеющего по диплому специальность психолога, независимо от того, является ли привлекаемый к экспертизе психолог специалистом в судебной психологии: можно допустить ситуации, когда в качестве эксперта может выступать человек, занимающийся психофизиологией, инженерной психологией или зоопсихологией. Между тем, за исключением проведения экспертиз в специализированных экспертных учреждениях, в целом по стране судебно-психологические экспертизы в основном

проводят преподаватели психологии высших учебных заведений и медицинские психологи, работающие в психиатрических клиниках. Многие из них, приступая к экспертизе, не имеют четких представлений о сущности экспертного исследования, о необходимых специальных психологических познаниях, о пределах своей профессиональной компетенции, о методах исследования объекта экспертизы, о процессуальных нормах, которых они должны придерживаться, - в результате чего проводят экспертное исследование неквалифицированно. В масштабах страны такое положение дел приводит к судебным ошибкам или большому числу повторных и дополнительных судебных экспертиз, к неоправданному продлению сроков пребывания под стражей обвиняемых, т.е. к существенным моральным и материальным издержкам.

Какие же основные требования можно предъявить к системе образования и подготовки судебных психологов-экспертов? Психолог, регулярно участвующий в проведении судебной экспертизы, должен всесторонне обладать всей совокупностью специальных профессиональных познаний. Основное, что следует из сформулированного выше понимания проблемы специальных познаний, - это положение о том, что лицо, привлекаемое к судебно-психологической экспертизе, должно иметь высшее психологическое образование и ориентироваться во всем спектре современных психологических проблем.

Какими теоретическими психологическими дисциплинами, кроме общей психологии, психолог-эксперт должен владеть в первую очередь? Если рассмотреть тот круг задач, которые решаются судебно-психологической экспертизой, то становится ясным, что они требуют профессиональных знаний прежде всего в областях возрастной, клинической и социальной психологии. Кроме того, необходимо знать основы таких дисциплин, как психиатрия, уголовное и уголовно-процессуальное право. И, наконец, в систему высшего образования судебных психологов в обязательном порядке должны входить такие дисциплины, как теория, практика судебно-психологической экспертизы и основы комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы.

Особого внимания требует система постдипломной подготовки специалистов. На сегодняшний день в области судебно-психологической экспертизы сложилась парадоксальная ситуация: в специализированных экспертных учреждениях (например, в ГНЦ социальной и судебной психиатрии им. Сербского) психологи, которые в основном владеют специальными познаниями в очерченном выше объеме, обязаны обучаться практике экспертизы около года перед получением права самостоятельной подписи заключений судебно-психологической и комплексной психолого-психиатрической экспертиз, а привлекаемые в качестве экспертов психологи, не являющиеся сотрудниками специализированных экспертных учреждений, могут приступать к экспертной работе, не обладая зачастую ни необходимыми познаниями, ни практическим опытом в этой области.

Такое положение дел приводит к необходимости дополнительного обучения психологов с высшим образованием, желающих работать в области судебной экспертизы. По окончании обучения в полномочных комиссиях психологи получали бы право на привлечение их в качестве судебных экспертов в рамках психологической или комплексной психолого-психиатрической экспертиз, оформленное в виде сертификата. Кроме того, возможно и лицензирование судебных экспертов-психологов. Для юридических органов названные документы служили бы достаточной гарантией того, что психолог обладает необходимыми для проведения экспертизы специальными профессиональными познаниями.

В настоящее время такое постдипломное образование осуществляется только на кафедре социальной и судебной психиатрии факультета последипломного профессионального образования Московской медицинской академии им. И.М. Сеченова (на базе ГНЦ социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского). Один раз в год проводится цикл тематического усовершенствования "Медицинская и судебная психология" для медицинских и судебных психологов, работающих в области судебной

экспертизы. Продолжительность обучения - 10 дней (60 часов). Целью обучения является совершенствование теоретических знаний и практических навыков в области организационных и правовых аспектов комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы, современных проблем патопсихологии и психодиагностики. Цикл обучения строится на базе утвержденного Министерством здравоохранения РФ курса "Основы судебной и медицинской психологии" (составитель - Ф.С. Сафуанов), в него включены и разделы курсов по социальной и судебной психиатрии, наркологии, сексологии, основам уголовного и уголовно-процессуального права [10]. По его окончании выдается свидетельство о прохождении повышения квалификации в области медицинской и судебной психологии.

Резюме

Объектом исследования эксперта-психолога является психическая деятельность подэкспертного лица в юридически значимых ситуациях.

Предметом исследования судебного психолога-эксперта являются закономерности и особенности протекания и структуры психических процессов (психической деятельности), имеющие юридическое значение и влекущие определенные правовые последствия.

Специальные познания (знания) эксперта-психолога - это психологические теоретические и методологические знания о закономерностях и особенностях протекания и структуры психической деятельности человека, имеющих юридическое значение, полученные в результате специальной профессиональной психологической подготовки и внедренные в практику судебной экспертизы, которые используются при расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел в суде в целях содействия установлению истины по делу по основаниям и в порядке, определенном уголовно-процессуальным кодексом.

За пределами профессиональной компетенции судебного эксперта-психолога находятся:

явления, которые недоступны познанию с точки зрения уровня развития современной психологической науки; использование спекулятивных, малоизвестных, не апробированных в научной психологии и в экспертной практике теоретических положений и методов исследования; содержание сознания подэкспертных, которое невозможно исследовать из-за методической специфики проведения судебно-психологической экспертизы;

обстоятельства, имеющие значение для суда и следствия, но не являющиеся предметом исследования эксперта-психолога и относящиеся к компетенции органа, ведущего производство по делу;

явления, относящиеся к изучению психических процессов, но составляющие предмет исследования экспертов-психиатров и находящиеся в их компетенции; психические процессы и состояния, в целом входящие в компетенцию эксперта-психолога, но не имеющие юридического значения при тех или иных предметных видах экспертизы.

Лицо, привлекаемое к проведению судебно-психологической экспертизы, должно иметь высшее психологическое образование и специализированное постдипломное образование по судебной психологии. Объем специальных познаний эксперта-психолога включает теоретические и методические знания в областях общей, возрастной, клинической и социальной психологии; знания основ судебной психиатрии, уголовного и уголовно-процессуального права; знания специализированных дисциплин -теории и практики судебно-психологической и комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы.

Литература

1. Виндберг А.И., Малаховская Н. Т. Судебная экспертология. Волгоград, 1979.

2. Жирное В.Д. К вопросу о предмете и методе медицины // Вестник АМН СССР. 1972. № 3. С. 17-22.

3. Коченов М.М. Введение в судебно-психологическую экспертизу. М., 1980.

4. Коченов М.М. Теоретические основы судебно-психологической экспертизы / Автореф. дисс.... д-ра психол. наук. М., 1991.

5. Кудрявцев И.А. Судебная психолого-психиатрическая экспертиза. М.,1988.

6. Махов В.Н. Сущность и понятие специальных знаний в советском уголовном процессе // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1986. Вып. 44. С. 56-66.

7. Метелица Ю.Л., Шишков С.Н. Объекты судебно-психиатрической экспертизы // Современное состояние и перспективы развития новых видов судебной экспертизы. М., 1987. С. 143-153.

8. Поляков Ю.Ф. Проблемы и перспективы экспериментально-психологических исследований шизофрении // Экспериментально-психологические исследования патологии психической деятельности при шизофрении. М., 1982. С. 5-28.

9. Сафуанов Ф.С., Шишков С.Н. Человек в зеркале психоанализа и уголовное право // Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В.М. Бехтерева, 1992. № 3. С. 92-97.

10. Унифицированная программа последипломного образования врачей по социальной и судебной психиатрии. М., 1995.

11. Философский словарь. М., 1980.

12. Философский энциклопедический словарь. М., 1983.

13. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.

14. Фрейд З. Психология бессознательного. М., 1990.

15. Шишков С.Н. Предмет судебной психиатрии // Советское государство и право. 1990. № 11. С. 31-38.

Дополнительная литература:

1. Сафуанов Ф.С. Об основных категориях судебно-психологической экспертизы в уголовном процессе // Психологический журнал. 1994. Т. 17. № 3. С. 51-54

3. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

3.1. Методологические принципы судебно-психологического экспертного исследования

3.1.1. Системный подход

Основой производства судебно-психологической экспертизы является психодиагностическая деятельность эксперта. Потребность в применении специальных психологических познаний появляется у судебно-следственных органов именно тогда, когда они не могут доступными им средствами получить объективные данные об особенностях психической деятельности человека, имеющих значение для принятия судебного решения, и которые могут быть получены только в результате психодиагностического исследования, проведенного профессиональным психологом.

Психодиагностика в целом - это теория и практика постановки психологического диагноза. Психодиагностика применяется в самых разных прикладных отраслях психологии, и различия психодиагностической деятельности психологов, практикующих в этих областях, определяются не столько тем, какие методы психологического исследования они применяют, сколько тем, какой методологии они придерживаются в своей работе.

Психодиагностическая деятельность эксперта-психолога имеет свою ярко выраженную специфику, обусловленную тем, что она вплотную примыкает к деятельности судебно-следственных органов. Эта специфика вытекает из своеобразного положения психодиагностической деятельности эксперта-психолога, определяемой необходимостью использования специальных психологических познаний для исследования разных сторон психики человека в целях правильного решения правовых вопросов.

Предметом исследования эксперта-психолога являются особенности и нарушения структуры и динамики психической деятельности, имеющие юридическое значение и влекущие определенные правовые последствия. В большинстве предметных видов судебно-психологической экспертизы объектом внимания становятся такие свойства психики, которые нарушают способность подэкспертного лица к осуществлению той или иной деятельности, предусмотренной уголовным правом и сформулированной в определенных юридических критериях. Эти юридические критерии, являясь уголовно-правовыми нормами, сформулированы в психологических понятиях, раскрывающих наиболее интегративные, обобщенные особенности отражения окружающего мира и регуляции поведения.

Следовательно, основным методологическим принципом исследования психической деятельности подэкспертных лиц является системный подход. Для конкретизации особенностей системного подхода в судебной экспертизе необходимо проанализировать проблему нормы и патологии регуляции поведения.

Можно выделить три основных операциональных подхода к этой проблеме. Следует подчеркнуть, что они употребляются практически одновременно, только в разных ситуациях на первый план могут выступать те или иные элементы.

Первый-подход можно обозначить как "измерительный". В предельном своем выражении такой подход приводит к пониманию различий между нормой и патологией как количественных. Это, например, методологический принцип Кречмера, рассматривающий различия между здоровьем и психическими заболеваниями как количественные. Согласно такому подходу, существует цепочка "нормальные характеры - акцентуированные характеры - психопатические характеры", и не случайно центральным становится понятие не "личности", а "характера", поскольку в психологии с измерительным подходом связывают в первую очередь инструментальные проявления - характер и темперамент. В судебной психиатрии - это так называемая "осевая" модель [II], построенная по принципу измерения глубины психических расстройств. Таким образом, одним из вариантов рассмотрения проблемы нормы и патологии в отношении свойств психики является понятие "количественной (статистической) нормы".

Другой подход можно обозначить как "оценочный". В крайнем своем выражении такой подход подразумевает патологию как социальную патологию, поскольку нормативное, адаптивное поведение предполагает социализацию, приспособление к окружающей действительности. Положение о том, что различие между нормой и патологией выступает как социальное, или оценочное, хорошо иллюстрирует история становления взглядов на проблему психопатий. Широко известны попытки ввести термин "социопатия". В основе понимания психопатии как "анетопатии" также лежат социальные основания: отсутствие совести, чувства любви, вины и т.д. В судебной психиатрии такой подход необходим, например, при выборе вида принудительных мер медицинского характера, при оценке "социальной опасности" больных, совершивших общественно опасные действия. Итак, другим вариантом соотношения нормы и патологии психических особенностей человека является понятие "социальной нормы".

Третий подход к проблеме нормы и патологии - с позиций изучения структуры психики (структурно-динамических особенностей мотивационной, эмоциональной, волевой, смысловой сфер и т.д.). В центре внимания такого подхода оказываются различные аспекты психической деятельности, но их объединяет понимание различий между нормой и патологией как различий в структуре психики, мотивации, поведения. Патология выступает как расстройство нормальной структуры психических функций, как системное нарушение. При таком подходе на первый план выходит "системно-структурная норма".

Итак, проблема нормы и патологии решается с помощью трех элементов: 1) через установление количественных изменений (измерительный подход), 2) через социальную оценку (оценочный подход), либо 3) через установление различий в системно-структурной организации психических процессов (объяснительный подход). Оговоримся, что в термине "объяснительный" главным является не вопрос "почему", не причины поведения, а вопрос "как" - важно, каким образом нарушена структура регуляции поведения.

Понятие "нормы" с позиций уголовного права выступает как норма регуляции поведения или лежащей в его основе психической деятельности. У разных подэкспертных данная норма наполняется определенным смысловым содержанием и выступает как норма регуляции криминального поведения у обвиняемых или норма регуляции осознания поведения виновного и способности производить по отношению к нему особые действия у потерпевших, и т.д. Именно сохранность у подэкспертных рассматриваемых норм и позволяет им быть полноценными участниками уголовного процесса. Иными словами, если не затрагивать онтологический и гносеологический аспекты проблемы нормы, то в практическом плане это понятие зафиксировано в уголовном праве в виде различных юридических критериев и сформулировано в психологических понятиях "способности" подэкспертных к тем или иным действиям, раскрывающих, как отмечалось выше, результирующие, наиболее обобщенные особенности отражения окружающего мира и регуляции поведения. Необходимость выяснения степени влияния психической патологии на нормальную регуляцию поведения требует в первую очередь объяснительного подхода, системного анализа и экспертной оценки структуры психики.

В свою очередь, системно-структурный подход в судебно-психологической экспертизе раскрывается посредством ряда методологических принципов.

3.1.2. Уровневый анализ поведения и деятельности

Конечная цель судебно-психологического исследования - анализ регуляции поведения и деятельности подэкспертного лица (обвиняемого, свидетеля, потерпевшего) -требует системного рассмотрения иерархической структуры регуляции поведения и

деятельности. В современной психологии существует множество подходов к изучению мотивации поведения, но в качестве наиболее обобщенной схемы можно взять схему поведения, разработанную в рамках криминальной психологии [4] и отражающую наиболее значимые звенья генеза поведения.

Первым этапом и одновременно высшим звеном мотивации поведения является формирование личности с определенной социальной ориентацией. Главные ценности личности, ее социальные установки задают основное направление формирования актуальной ситуативной мотивации, однако не предопределяют однозначно содержания конкретных мотивов поведения и планирования поступков.

Между "ядром" личности и поступком существует статистическая связь с достаточно высокой вероятностью, но наблюдаемая не всегда, не во всех случаях.

Следующий уровень - формирование у человека конкретной мотивации. В возникновении и выборе конкретных мотивов деятельности важнейшим личностным фактором выступает умение и способность адекватно соотносить ее субъективные моменты с объективно существующими требованиями, связями и отношениями окружающей действительности и имеющейся ситуации. Последнее неизбежно предполагает наличие у субъекта адекватного целостного образа ситуации, в которой осуществляется деятельность. На основе данного образа происходит выбор конкретных актуальных мотивов и целей деятельности, построение схем поведения.

Между мотивацией и поступком лежит еще одно звено - планирование и принятие решения. В основе этого этапа формирования поведения лежит психологический процесс целеполагания, т.е. выбора и постановки целей, на достижение которых будет направлен поступок. Одна из основных личностных структур, участвующих в целеполагании, - это самооценка. При планировании человек должен оценить свои возможности и способности, необходимые для достижения цели, и соотнести их с объективными условиями ситуации.

Последний этап - процесс реализации принятого решения, выбор способа достижения цели.

На каждом этапе происходит субъективная оценка как функция самосознания, с одной стороны, и осознания окружающей действительности - с другой. На основе соотнесения этих оценок осуществляется личностный контроль формирования каждого этапа мотивации поведения и соответствующая результатам контроля коррекция каждого иерархического звена формирования поведения.

Соответственно уровневой организации поведения и деятельности необходимо рассматривать и иерархическую структуру личности. В наиболее широком плане можно выделить различные уровни интеграции личности, влияющие на отдельные звенья генеза мотивации. Так, ценности личности, как осознанные и принятые человеком главные мотивы его жизнедеятельности, в совокупности с общим строением мотивов личности, их иерархией, имеют определяющее значение при формировании конкретной ситуационной мотивации. Характер и темперамент, определяющие в большей степени не содержательные, а инструментальные аспекты поведения, типичные способы действия, влияют на этапы принятия решения и реализации цели. Черты личности, отражающие как особенности мотивационной сферы, так и инструментальные проявления, определяют, в зависимости от обстоятельств, тот или иной уровень деятельности.

Можно рассматривать организацию личности и более широко, как структурно-динамическую организацию познавательных, аффективных, волевых, физиологических и морфологических особенностей индивида [9, с. 104]. В любом случае при экспертном исследовании психолог должен уметь выделять интересующий его уровень поведения, деятельности, личности, объясняющий действия подэкспертного лица и, соответственно, имеющий значение для уголовного дела, для целенаправленного аналитического и экспериментального изучения.

3.1.3. Взаимодействие личностных и ситуационных факторов

Объектом исследования эксперта-психолога является психическая деятельность подэкспертного лица в юридически значимых ситуациях. В судебной экспертизе в преобладающем большинстве случаев следственные органы и суд интересуют не особенности психики человека вообще, а их функционирование в конкретных ситуациях- например, у обвиняемого или подсудимого в ситуации совершения правонарушения, у свидетелей - в ситуациях совершения преступления, в следственной ситуации и в ситуации судебного разбирательства. Это требует от эксперта обязательного учета влияния на психическую деятельность не только личностных факторов, но и различных ситуационных переменных.

При анализе ситуационных факторов необходимо учитывать, каким именно образом они могут оказывать влияние на поведение и интересующие судебно-следственные органы способности человека к осуществлению той или иной деятельности. Как известно, в истории психологии можно проследить две крайние точки зрения на мотивацию поведения: одна из них абсолютизирует ситуационные воздействия, здесь поведение рассматривается как реакция на внешние стимулы (бихевиоризм), другая - игнорируя внешние факторы, утверждает приоритет внутренних субъективных (часто неосознаваемых) детерминант поведения (психоанализ и др.).

В современной психологии мотивация поведения рассматривается как взаимодействие личностных и ситуационных переменных (см. обзор в [10]). Следует учесть, что ситуационные факторы в рамках этих представлений нельзя рассматривать упрощенно, как что-то внешнее, противостоящее внутреннему личностному, и как что-то, предшествующее по времени действию и являющееся стимулом, на который реагирует человек. И личностные диспозиции, и особенности ситуации в психологическом взаимодействии репрезентированы в сознании и в когнитивных схемах, которые непрестанно видоизменяются в циклических процессах, включающих действие и воспринимаемую обратную связь с его последствиями. Поскольку когнитивные схемы зависимы от возрастного развития и от различных аномалий психики, обусловливающих нарушения и особенности когнитивных процессов и смысловой оценки, необходимо в рамках личностных переменных учитывать возрастные особенности и психические расстройства человека. Основные элементы психологически адекватного понятия взаимодействия личности и ситуации сформулированы Д. Магнуссоном и Н. Эндлером:

актуальное поведение - функция непрерывного многонаправленного взаимодействия или обратной связи между индивидом и ситуацией, в которую он включен;

в этом процессе человек является активным деятелем, преследующим свои цели;

существенными признаками личностных переменных взаимодействия являются когнитивные и мотивационные факторы;

решающим аспектом ситуационного фактора является то психологическое значение, которое ситуация имеет для человека (цит. по [10]).

3.1.4. Единство сознания и деятельности

Сознание - это отношение к миру со знанием его объективных закономерностей, включающее в себя категорию активности и охватывающее эмоционально-ценностный аспект, соотнесение своих действий с нравственно-этическими ценностями и правовыми нормами, отражение смысловой оценки последствий своих действий, т.е. оно является высшим регулятором деятельности. Это обстоятельство отражено в уголовном праве: каждый юридический критерий, исследуемый экспертом-психологом, представлен не только в психологических понятиях, но состоит из двух частей, характеризующих способность, во-первых, к адекватному осознанию окружающей действительности и самосознанию, во-вторых - к полноценной произвольной регуляции своих действий. Так,

при экспертизе потерпевших необходимо исследовать как способность к пониманию характера и значения действий виновного лица, совершившего сексуальное насилие, так и способность оказать ему осознанное сопротивление; у свидетеля важно установить не только его способность правильно воспринимать имеющие значение для дела обстоятельства, но и способность давать о них правильные показания. Эти примеры показывают обязательность учета и принципа единства сознания и деятельности при проведении конкретных судебно-психологических экспертиз.

Важно учитывать, что если способность к адекватному осознанию себя и окружающего в интересующей следствие или суд ситуации нарушена, то нарушена бывает и произвольная регуляция своих действий, поскольку действие всегда реализует цель - а цель является осознанным образом предвосхищаемого результата действия. Но если структуры сознания в рассматриваемой ситуации сохранны, необходимо отдельно анализировать звено регуляции поведения или деятельности, которое может быть расстроено и при полном осознании своих действий.

3.1.5. Принцип развития

Достаточно очевидно, что при экспертном исследовании психологу, чтобы полноценно ответить на вопросы судебно-следственных органов, необходимо изучать не только актуальную психическую деятельность человека в юридически значимой ситуации, но и проанализировать становление психических особенностей человека в его макродинамике - по существу в каждой отдельной экспертизе без глубокого исследования "психологической биографии" человека невозможно провести полноценное экспертное исследование. Изучение психики подэкспертного лица в его динамике позволяет понять становление его ценностных ориентации, мотивационного строения личности, его характера и темперамента, дает возможность выявить уровень развития и особенности отдельных психических процессов - смыслового восприятия, памяти, внимания, мышления и т.п.

В то же время чрезвычайно важно учитывать и "микродинамику" психической деятельности в конкретно разворачивающейся ситуации. Юридически значимые ситуации не бывают одномоментными - они всегда занимают более или менее длительный промежуток времени с изменяющимися окружающими условиями. Понимание мотивации поведения как непрерывного взаимодействия личностных и ситуационных факторов диктует необходимость анализа полной динамики психических процессов в интересующий суд и следствие промежуток времени. Часто именно типичность подобной динамики и позволяет точно квалифицировать психическое состояние подэкспертного лица, как это происходит, к примеру, при диагностике аффекта.

Изменения психического состояния подэкспертного могут даже привести к разным ответам на вопросы судебно-следственных органов применительно к различным юридически значимым ситуациям - например, способность свидетелей преступления правильно воспринимать имеющую значение для дела информацию и давать о них правильные показания относится и к ситуации совершения криминала, и к ситуации следствия (которая может занимать довольно длинный промежуток времени), и к ситуации судебного разбирательства. Ясно, что за это время психика человека претерпевает изменения, и варианты такой динамики, как показывает экспертная практика, достаточно разнообразны.

При таком понимании принципа развития системный подход в судебно-психологической экспертизе предстает не только как структурный, но и как структурно-динамический.

Таким образом, наиболее общими принципами психодиагностического исследования судебного эксперта-психолога являются системный структурно-

динамический подход, учитывающий единство сознания и деятельности, а также тесное взаимодействие личностных и ситуационных факторов.

3.2. Структура психодиагностической деятельности эксперта-психолога

3.2.1. Этапы планирования психодиагностического исследования

Полноценное планирование психодиагностического исследования требует четкого понимания структуры и этапов взаимодействия эксперта-психолога с органом, назначившим экспертизу, с одной стороны, и с подэкспертным лицом - с другой (см. рис. 4).

На первом этапе определяется задача психодиагностического исследования. При судебно-психологической экспертизе в роли "заказчика", определяющего задачи исследования, выступают судебно-следственные органы. Данные психодиагностического исследования, сформулированные в заключении судебно-психологической экспертизы, используются судом для принятия судебного (правового, юридического) решения.

Это обстоятельство ставит перед экспертом-психологом довольно непростую проблему формулировки своего психодиагностического заключения на понятном для заказчика языке. Экспертные выводы должны быть представлены таким образом, чтобы их могли полноценно использовать судебно-следственные органы и в то же время они не должны терять своей психологической сущности, адекватно отражая исследуемое явление на высоком научном уровне, которым может обладать только профессионал, владеющий специальными познаниями в психологии.

Данная проблема обычно решается путем исследования "юридических критериев", сформулированных в уголовном и уголовно-процессуальном кодексе исключительно в психологических понятиях. Эти критерии, отражая закономерности структуры и динамики психики, являются одновременно и юридическими понятиями, поскольку касаются регуляции таких видов психической деятельности, которые имеют юридическое значение и влекут определенные правовые последствия. Поэтому они являются своеобразными правовыми нормами, наполненными психологическим содержанием.

Таким образом, экспертные психологические выводы формулируются на языке юридических критериев, которые результируют психодиагностическое исследование способности лица к осознанию и регуляции определенного вида деятельности и в то же время являются правовыми понятиями, встроенными в уголовный и уголовно-процессуальный кодекс. Основой же формулирования экспертного вывода на языке юридического критерия является психодиагностическое исследование психологических закономерностей и механизмов, которое описывается в заключении эксперта-психолога в узкопрофессиональной терминологии, которая может быть и малопонятной людям, не обладающим познаниями в психологии, но позволяет суду, как отмечает И.А. Кудрявцев, проверить фактическую и научную обоснованность экспертного заключения по внутреннему убеждению, путем привлечения иных специалистов или повторных экспертиз [5].

На втором этапе производства экспертизы психолог выделяет предмет исследования, т.е. уясняет, какое явление необходимо диагностировать.

В общем случае предмет психодиагностического исследования определяется вопросами, заданными эксперту органом, назначившим экспертизу. В то же время важное значение имеет предварительное ознакомление с материалами уголовного дела с четким представлением фабулы происшедшего. Дело в том, что некоторые вопросы судебно-следственных органов могут быть сформулированы достаточно обобщенно, и эксперт-психолог, основываясь на своих специальных познаниях в теоретической психологии (психологии личности, психологии познавательной деятельности, психологии эмоциональных явлений и т.д.), должен самостоятельно выделить, каким аспектам

изучаемого явления он должен уделить основное внимание. Например, при задаче исследования индивидуально-психологических особенностей подэкспертного судебно-следственные органы, как правило, не конкретизируют, какие стороны личности (ценностная сфера, мотивационное строение личности, черты личности, характер, темперамент и т.п.) подлежат исследованию и в каком объеме - это решает сам эксперт-психолог, исходя из предварительного анализа фабулы уголовного дела и существенных для дела фактов. Кроме того, как отмечалось в первой главе, эксперт-психолог имеет право делать экспертные выводы, касающиеся тех обстоятельств, относительно которых не было задано вопросов, - очевидно, что выделение этих обстоятельств, подлежащих экспертному исследованию, также является прерогативой самого эксперта-психолога и должно основываться на его опыте, степени владения специальными познаниями в психологии и анализе материалов уголовного дела.

Кроме того, выделение предмета психодиагностического исследования диктуется в каждом конкретном случае и четким представлением эксперта-психолога о юридическом значении экспертного заключения, о том, каким образом суд может использовать его выводы, какие возможные правовые последствия из них вытекают.

На третьем этапе планирования производства экспертизы решается самый важный вопрос: как именно исследовать подэкспертное лицо, какие методы применить в конкретном экспертном исследовании?

Не существует и не может существовать заранее подготовленного универсального набора психодиагностических методик, который можно было бы применить ко всем подэкспертным лицам. Каждая судебно-психологическая экспертиза - это уникальная процедура психодиагностического исследования с выбором конкретных методов исследования, зависящим от множества факторов.

Перечислим наиболее важные из них.

1. Профессиональные знания эксперта-психолога в психодиагностике, в частности - владение различными методами исследования и понимание их направленности.

Наиболее общая классификация психодиагностических методов выделяет три крупные группы.

Первую группу составляют методы, позволяющие получить L-данные путем регистрации реального поведения человека (life record data). В рамках деятельности эксперта-психолога к этой группе можно отнести:

- метод наблюдения во время клинико-психологической беседы и проведения экспериментально-психологического исследования,
- анализ дневниковых записей среднего медицинского персонала о поведении подэкспертных во время проведения стационарной комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы,
- анализ показаний свидетелей и других материалов уголовного дела, в которых фиксируются особенности поведения подэкспертного лица.

Другая группа - Q-данные, полученные путем различных опросников и других методов самооценки и самоотчета (questionnairy data). В судебной экспертизе используются разнообразные методы стандартизированного самоотчета, включающие отличающиеся друг от друга техники психодиагностики (опросники, шкалирование, выбор, классификация и т.п.) и направленные на исследование различных сторон личности, психических состояний, структур самосознания, отдельных психических процессов, интеллекта и пр.

Третью группу составляют Т-данные, получаемые при непосредственном экспериментальном исследовании испытуемых (objective test data). В рамках деятельности эксперта-психолога - это обычно методы, используемые в классическом патопсихологическом экспериментальном исследовании познавательных процессов и уровня интеллектуального развития.

Эксперт-психолог должен четко представлять возможности используемых психодиагностических методов, и в первую очередь - направленность метода, а также особенности техники, процедуры психодиагностического исследования. По этим двум основаниям А.Г. Шмелевым разработана более дифференцированная классификация психодиагностических методов [7], которую мы приводим в виде, видоизмененном применительно к целям судебно-психологической экспертизы.

Классификация психодиагностических методов по процедуре исследования:

а) Биографический метод. В деятельности эксперта-психолога данная процедура предстает в виде психологического анализа уголовного дела и приобщенных к нему материалов и включает в себя элементы контент-анализа и герменевтики.

Психологический анализ материалов уголовного дела состоит из следующих основных компонентов:

- изучение объективного анамнеза жизни подэкспертного лица - по документам, отражающим его жизненный путь; показаниям родственников, друзей, сослуживцев и т.п.; по медицинской документации (истории болезни, медицинские карты, акты судебно-психиатрической экспертизы и др.);
- изучение субъективного анамнеза жизни - по показаниям подэкспертного лица, по данным клинико-психологической беседы;
- изучение динамики психической деятельности подэкспертного лица в интересующий судебно-следственные органы период времени - по показаниям свидетелей; по показаниям подэкспертного лица во время следствия и судебного разбирательства (в случае, когда подэкспертный является обвиняемым или подсудимым - и из явки с повинной и чистосердечного признания); из следственных экспериментов и выхода на место происшествия; из материалов других экспертиз (в первую очередь - судебно-медицинских и судебно-психиатрических).

б) Наблюдение. Включает в себя наблюдение подэкспертного во время проведения экспертизы, а также просмотр различных видеоматериалов (если имеются видеозаписи допросов, выхода на место происшествия).

в) Диалоговые методы. Основной диалоговый метод - это беседа, которая при обследовании несовершеннолетних и малолетних подэкспертных (свидетелей, потерпевших по делам об изнасилованиях) может дополняться различными игровыми интерактивными методами. Основные функции беседы - установление доверительного контакта с подэкспертным, собирание биографических сведений, анализ субъективного отчета о динамике психического состояния в интересующей суд и следствие ситуации, ее смыслового восприятия и осмысления, диагностика особенностей самосознания, личностных черт, особенностей характера, эмоционального реагирования, реакции на стресс, фрустрации, конфликтов и других свойств личности.

Наблюдение, осуществляемое экспертом-психологом, непосредственно связано с особенностями клинико-психологической беседы. Беседа строится обычно свободно и не директивно, не формализованно, но в ней обязательно должны присутствовать определенные компоненты. Наболее важными из них является, во-первых, опрос испытуемого по пунктам, имеющим значение для производства экспертизы: анамнез жизни, особенности самосознания, динамика психического состояния в юридически значимой ситуации, отношение подэкспертного к криминальной ситуации и к ситуации судебной экспертизы и т.п.; во-вторых, моделирование в рамках беседы разных ситуаций диалогового взаимодействия с регистрацией поведения испытуемого.

Следует отметить, что эффективность наблюдения зависит от многих факторов [9, с. ИЗ], наиболее существенными из которых являются: квалификация эксперта-психолога; личность испытуемого - например, легче наблюдать экстравертированных, нежели интравертированных испытуемых; природа черт личности - так, явные черты, такие как

импульсивность, властность, оцениваются точнее, чем скрытые черты - такие, как объективность-субъективность и др. Это обстоятельство определяет еще одну необходимую функцию наблюдения - формулировку гипотез, которые могут подвергаться экспериментальной проверке и требуют применения соответствующих методов исследования.

г) Объективные тесты. Характеризуются наличием правильных или нормативных ответов. В деятельности эксперта-психолога обычно используются психометрические методы (типа тестов Векслера, Равена), позволяющие измерить уровень интеллектуального развития, и классические патопсихологические методы исследования познавательных процессов - внимания, памяти, мышления (10 слов, Опосредованное запоминание по Леонтьеву, Пиктограмма, Классификация предметов, Исключение понятий, Исключение предметов, Сравнение понятий, Аналогии, Счет по Крепелину, Проба Бурдона, Отсчитывание, Таблицы Шульте и др. [3,8]), с акцентом на качественный анализ данных, отличающихся от нормативных.

д) Стандартизированные самоотчеты.

Тесты-опросники. Опросники могут основываться на клини-ко-психологической типологии личности (MMPI), типологии черт личности (16-факторный опросник Кеттелла), характера (опросник Шмишека, ПДО А.Е. Личко), темперамента (опросник Стреляу, EPI Айзенка), отдельных черт личности и психических состояний (опросник субъективной локализации контроля Роттера, агрессии Басса-Дарки, тревожности Спилбергера и др.).

Субъективное шкалирование. Чаще всего в судебно-психологической экспертизе применяют шкалы самооценки по Дембо-Рубинштейн или более сложные техники выявления личностных конструктов по Келли (репертуарные решетки и др.).

е) Проективные техники.

Классическая словесная апперцепция. От испытуемых требуется дать вербальное описание достаточно неструктурированного неопределенного стимульного материала или составить на его основе рассказ (ТАТ, тест Роршаха, тест руки Вагнера и др.).

Проективное предпочтение. Методы, основанные на выборе испытуемым одного или нескольких из предлагаемых стимулов (цветовой тест Люшера, тест Сцонди, цветовой тест отношений А.Эткиндаидр.).

Рисуночные тесты. Чаще всего используются рисунок человека, несуществующего животного, семьи. Применяется достаточно унифицированная стандартизированная схема интерпретации. Эффективен при работе прежде всего с малолетними и несовершеннолетними испытуемыми.

Полупроективные тесты. К ним можно отнести тест Розенцвейга, методы незаконченных предложений, Пиктограмму.

ж) Анализ продуктов спонтанного творчества. Применяется в тех случаях, когда в распоряжении эксперта-психолога есть рисунки, картины, литературные произведения подэкспертного.

Классификация методов по объекту психодиагностики:

а) Индивидуально-психологические особенности:

- Темперамент (опросник Стреляу, опросник Айзенка).
-Характер (опросник Шмишека, ПДО).
- Черты личности (опросник Кеттелла).
- Интегративные типы личности (MMPI).

б) Отдельные психические функции (патопсихологические методы исследования внимания, памяти, мышления).

в) Функциональные и эмоциональные состояния (тест Люшера).

г) Интеллект (тест Векслера, матрицы Равена и др.).

д) Самосознание и самооценка (Репертуарные решетки Келли, шкалы самооценки по Дембо-Рубинштейн).

е) Ценности, социальные установки (тест Рокича).
ж) Эмоционалъно-мотивационная сфера (ТАТ, тест Роршаха, тест Розенцвейга и др.).
з) Саморегуляция (методика "Уровень притязаний" Хоппе, субъективная локализация контроля Роттера).

При выборе конкретных методов психодиагностики важно учитывать и такую характеристику тестов, как экологическая репрезентативность, т.е. приближенность эксперимента к реальным условиям существования человека.

Так, если психолога интересует общее интеллектуальное развитие испытуемого, то он будет применять методы, направленные на изучение уровня обобщения и абстрагирования, в то же время исследование проявлений мыслительных способностей в реальной жизни требует изучения и ориентировки испытуемого в практических ситуациях, общей осведомленности.

При необходимости клинической диагностики испытуемого можно применять такие методы, как тест Роршаха с искусственным стимульным материалом, а для исследования взаимодействия личности с ситуацией более адекватными являются методики со стимульным материалом, близким к тому, с чем сталкивается человек в обыденной жизни - например, тест Розенцвейга выявляет особенности поведения испытуемых в конфликтных ситуациях, при фрустрирующих обстоятельствах; опросник Кеттелла построен на альтернативном выборе вариантов поведения в реальных жизненных ситуациях.

2. Возможность применения методов именно в судебно-психологической экспертизе.

В определении специальных познаний эксперта-психолога (см. главу 2) не случайно подчеркивается, что методы психодиагностического исследования должны быть внедрены в практику судебной экспертизы.

Методы психодиагностики, применяемые в судебно-психологической экспертизе, должны обладать двумя основными характеристиками - валидностью и надежностью.

Валидность является комплексной характеристикой методики, включающей сведения об области исследуемых явлений и репрезентативности диагностической процедуры по отношению к ним. По выражению А. Анастази, это понятие, показывающее, что тест измеряет и насколько хорошо он это делает [I].

Наболее важные типы валидности - это диагностическая (конкурентная, текущая), отражающая способность теста различать испытуемых на основе диагностического признака, являющегося объектом исследования в данной методике, и прогностическая (предсказательная) - отражающая степень точности и обоснованности суждения о диагностируемом психологическом качестве по его результату спустя определенное время после диагностики. Диагностическая и прогностическая валидность в совокупности образуют эмпирическую валидность - наиболее существенное свойство для любой методики, используемой экспертом-психологом.

При психодиагностике малолетних и несовершеннолетних подэкспертных необходимо учитывать также такое важное свойство теста, как валидность по возрастной дифференциации. Это свойство методики отражает соответствие результатов теста теоретически ожидаемым и практически наблюдаемым возрастным изменениям диагностируемого качества. Является одним из главных критериев тестов интеллекта [2].

Другая необходимая для возможности применения методики в психодиагностических целях характеристика - это надежность теста - понятие, отражающее точность психодиагностического исследования и устойчивость результатов к воздействию посторонних факторов.

Одной из главных особенностей контингента испытуемых в условиях судебно-психологической и психолого-психиатрической экспертизы является наличие как раз таких дополнительных факторов, которые существенно снижают валидность и

надежность психодиагностических исследований. В первую очередь, это различные психогенные реактивные наслоения на психическую деятельность подэкспертных, связанные с ситуацией привлечения к уголовной ответственности, с реакцией на содеянное, с лишением свободы и помещением в новые условия жизнедеятельности. Так, экспериментально показано, что даже у психически здоровых людей ситуация привлечения к уголовной ответственности существенно изменяет структуру самооценки, определяя изменение содержания системы измерений (факторов) самоотношения и самоконтроля [б]. Следует учитывать, что объектом психодиагностической деятельности эксперта-психолога, особенно в рамках комплексной психолого-психиатрической экспертизы, часто являются лица с различными формами психических аномалий, что накладывает дополнительный отпечаток на их смысловое восприятие и осмысление изменившейся ситуации существования, на их эмоциональную реактивность, функциональное состояние и другие стороны психической деятельности. И, наконец, одним из ведущих факторов, искажающих результаты психодиагностических методов, являются разнообразные установки подэкспертных по отношению к исходу экспертизы. Психически здоровые лица, обвиняемые в тяжких преступлениях, которым грозит исключительная мера наказания, могут симулировать психические расстройства; напротив, лица с наличием психических нарушений, совершившие незначительные преступления, в ряде случаев скрывают собственные психопатологические переживания.

Поэтому в практике производства судебно-психологической экспертизы адекватно может применяться довольно ограниченный круг психодиагностических методов, которые прошли многолетнюю апробацию в условиях экспертного исследования и доказали свою эффективность. Обобщение многолетнего опыта работы судебных экспертов-психологов показывает, что многие методы, применяемые в ситуации психологического консультирования, профессионального отбора, в других прикладных отраслях психологии, не обладают достаточной валидностью и надежностью в ситуации судебного экспертного психодиагностического обследования.

С этой точки зрения предпочтительнее использовать такие методы исследования, которые содержат оценочные шкалы, отражающие влияние личностных установок и эмоциональных состояний испытуемого (как это сделано в MMPI), или защищены от искажающих влияний при конструировании теста (опросник Кеттелла), или показали свою универсальность и эффективность на протяжении нескольких десятков лет их применения (например, тест Роршаха или ТАТ).

3. Процессуальное положение подэкспертного лица.

При планировании психодиагностического исследования и выборе конкретных методик эксперт-психолог должен обязательно учитывать процессуальное положение испытуемого. Это связано с тем, что в основе интересующей судебно-следственные органы способности подэкспертных лиц к осуществлению той или иной юридически значимой психической деятельности в зависимости от того, является ли обследуемое лицо обвиняемым (подсудимым), свидетелем или потерпевшим, лежат разные психологические предпосылки и, соответственно, разные объекты психодиагностического исследования.

4. Половозрастные факторы.

Психодиагностические методы, как правило, валидизируются на определенных возрастных группах и с учетом половой дифференциации. Валидные и надежные методики обычно имеют различные нормативы обработки и интерпретации данных для определенных возрастных интервалов, содержат мужские и женские варианты. Некоторые методы можно применять только для определенного возрастного контингента испытуемых (нам известен случай, когда судом была назначена повторная экспертиза только на

основании того, что экспертом-психологом выводы строились на данных обследования 20-летнего обвиняемого Патохарактерологическим диагностическим опросником, рассчитанным на исследование подростков до 18 лет). Другие, такие как тест Векслера, тест Розенцвейга, опросник Кеттелла и др., имеют варианты для каждого определенного возраста. Только точное знание половозрастной адресации психодиагностического метода позволяет избежать ошибки при комплектовании набора методик в отношении конкретного подэкспертного.

5. Психические аномалии и умственное развитие подэкспертного лица.

Индивидуально-психологические (в том числе и психопатологические) особенности каждого конкретного испытуемого определяют пригодность применения по отношению к нему той или иной методики. Разные психодиагностические методы требуют деятельности испытуемого различной сложности. Испытуемым с низким уровнем умственного развития, с недостатком образования часто недоступно понимание даже инструкций многих используемых методов. В случаях, когда не решается специально задача определения уровня интеллекта, следует отбирать для исследования такие методики, которые позволяют изучать интересующее психолога явление, и в то же время их выполнение будет доступно для обследуемого лица.

6. Вид экспертизы по месту и условиям проведения.

Этот фактор часто определяет трудоемкость проведения психодиагностического исследования. При комплектовании батареи методов эксперт-психолог неизбежно сталкивается с проблемой затрат времени, необходимых для проведения экспериментального исследования, обработки и интерпретации полученных данных, соотнесения их с данными психологического анализа материалов уголовного дела, составления заключения и формулирования экспертных выводов. Ясно, что в условиях стационарной комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (длящейся обычно месяц) психодиагностическое исследование может включать в себя больший объем применяемых методов, с возможной верификацией данных, полученных разными методами, направленными на изучение одного и того же явления, и с возможным ретестированием испытуемого одной и той же методикой. В условиях амбулаторной экспертизы или экспертизы в зале судебного заседания ресурсы времени более ограничены, что накладывает отпечаток на объем психодиагностического исследования и на выбор конкретных тестов. В условиях дефицита времени предпочтение следует отдавать наиболее информативным и занимающим меньше времени тестам.

7. Уровень квалификации эксперта-психолога.

Конечно, в идеале желательно иметь в качестве экспертов таких психологов, которые в совершенстве владели бы всеми методиками, применяемыми в судебной экспертизе. Но на практике экспертизу проводят психологи, обучавшиеся в различных по качеству образования высших учебных заведениях, имеющие различную базовую подготовку, разный опыт работы в экспертизе. Одни эксперты доверяют больше одним психодиагностическим методам, другие - иным. Поэтому в качестве общей рекомендации можно сказать, что предпочтительнее применять меньшее число экспериментальных методов, которыми эксперт владеет на высоком уровне, чем гнаться за количеством и использовать отдельные методы исследования неквалифицированно, неправильно обрабатывая и интерпретируя их результаты. Следует всегда учитывать, что при производстве экспертизы окончательные выводы психолога складываются не только из данных экспериментально-психологического исследования, но и требуют обязательного психологического анализа поведения и деятельности подэкспертного лица по всем имеющимся в распоряжении эксперта материалам. Только при сопоставлении и

верификации данных анализа материалов уголовного дела с экспериментальными можно обоснованно формулировать экспертные выводы.

(Рис.4. Структура психодиагностической деятельности судебного эксперта-психолога)

3.2.2. Этапы проведения психодиагностического исследования

Основные этапы психологического исследования при производстве судебно-психологической и комплексных с нею экспертиз можно представить в виде следующей обобщенной схемы:

1. Четкое уяснение фабулы дела. Эксперт-психолог реконструирует временную последовательность событий, используя все имеющиеся в деле показания (обвиняемого, свидетелей, потерпевших), материалы выхода на место происшествия и следственных экспериментов, а также данные судебных экспертиз. Существенно облегчает понимание динамики ситуации и поведения подэкспертного текст обвинительного заключения, если оно имеется в уголовном деле.

2. Психологический анализ индивидуально-психологических особенностей подэкспертного по уголовному делу и приобщенным к нему материалам.

3. Психологический анализ динамики психического состояния и психической деятельности подэкспертного по материалам дела.

4. Проведение клинико-психологической беседы и экспериментально-психологического исследования с одновременным наблюдением подэкспертного.

5. Сопоставительный анализ данных психологического изучения уголовного дела, данных беседы, наблюдения и результатов экспериментального исследования.

6. Анализ взаимодействия личности подэкспертного с юридически значимой ситуацией, исследования особенностей отражения, осознания, понимания, смыслового восприятия ситуации, произвольной волевой регуляции своих действий, контроля своего поведения, прогностических возможностей, степени опосредованности действий и других регуляторных психологических механизмов - с учетом индивидуально-психологических возможностей, эмоционального и функционального состояния, особенностей уровня психического развития, психических расстройств.

7. Составление заключения с формулировкой экспертных выводов (ответов на вопросы судебно-следственных органов).

Резюме

Специфика психодиагностической деятельности эксперта-психолога определяется необходимостью использования специальных психологических познаний для исследования разных сторон психической деятельности в целях правильного решения уголовно-правовых вопросов.

Методологической основой судебно-психологического исследования подэкспертных лиц является системно-структурный подход к установлению нормы регуляции поведения и психической деятельности.

Основными принципами системно-структурного подхода в судебно-психологической экспертизе являются:
уровневый анализ поведения и деятельности;
взаимодействие личностных и ситуационных факторов;
единство сознания и деятельности;
принцип развития.

Этапы планирования психодиагностического исследования эксперта-психолога включают:
определение задачи психодиагностического исследования;
выделение предмета исследования;
выбор методов экспертного исследования. Выбор психодиагностических методов определяется:
- профессиональными познаниями эксперта-психолога в теоретической и практической психодиагностике, уровнем его квалификации;
- внедренностью психодиагностических методов в практику судебно-психологической экспертизы, их валидностью и надежностью;
- процессуальным положением, половозрастными особенностями, уровнем психического развития подэкспертного лица и наличием у него психических аномалий;
- видом судебно-психологической экспертизы по месту и условиям проведения.

Основные этапы психодиагностического исследования при производстве судебно-психологической экспертизы включают:
уяснение фабулы уголовного дела;
психологический анализ индивидуально-психологических особенностей подэкспертного лица по материалам уголовного дела;
психологический анализ динамики психической деятельности подэкспертного лица в юридически значимых ситуациях по материалам уголовного дела;
клинико-психологическая беседа, экспериментально-психологическое исследование, наблюдение;
сопоставительный анализ данных психологического изучения материалов уголовного дела, данных беседы, наблюдения и результатов экспериментально-психологического исследования;
анализ взаимодействия личности подэкспертного с юридически значимой ситуацией, исследование способности подэкспертного к адекватному отражению ситуации, осознанию и регуляции собственных действий;
составление заключения судебно-психологической экспертизы с формулировкой экспертных выводов.

Литература

1. Анастази А. Психологическое тестирование: В 2 т. М., 1982. Т. 1, 2.

2. Бурлачук Л.Ф., Морозов С.Н. Словарь-справочник по психологической диагностике. Киев, 1989.

3. Зейгарник Б.В. Патопсихология. М., 1985.

4. Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982.

5. Кудрявцев И.А. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза ограниченной вменяемости: некоторые проблемы и пути их решения // Ограниченная вменяемость. М., 1996. С. 28-40.

6. Кудрявцев И.А., Сафуанов Ф.С., Тхостов А.Ш., Савина О.Ф. Структурно-иерархическая организация самооценки у аномальных (психопатических) личностей в кризисной ситуации // Психологический журнал. 1991. № 3. С. 57-67.

7. Основы психодиагностики. Ростов-на-Дону, 1996.

8. Рубинштейн С.Я. Экспериментальные методики патопсихологии. М., 1970.

9. Фресс П., Пиаже Ж. Экспериментальная психология. М., 1966. Вып. 1-2.

10. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность: В 2 т. М., 1986. Т. 1.

11. Шишков С.Н. Конвенционализм в судебной психиатрии // Человек. 1994. № 4. С. 5-19.

Дополнительная литература:

1. Березин Ф.Б., Мирошников М.П., Рожанец Р.В. Методика многостороннего исследования личности. М., 1976.

2. Блейхер В.М. Клиническая патопсихология. Ташкент, 1976.

3. Кабанов ММ., Личко А.Е., Смирнов В.М. Методы психологической диагностики и коррекции в клинике. Л., 1983.

4. Мельников В.М., Ямпольский Л.Т. Введение в экспериментальную психологию личности. М., 1985.

5. Общая психодиагностика. М., 1987.

6. Соколова Е.Т. Проективные методы исследования личности. М., 1980.

7. Сафуанов Ф.С. Проблема нормы и патологии в судебной психиатрии // Вопросы общей и пограничной психиатрии. Екатеринбург, 1995. С. 123-127.

8. Франселла Ф., Баннисгер Д. Новый метод исследования личности. М" 1987.

4. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

4.1. Возможности использования психологических познаний в судебно-психиатрической практике

В современной психиатрии использование психологических познаний занимает достаточно значительное место и в настоящее время уже довольно широко внедрено в практику. Теоретические достижения и методические средства клинической психологии активно используются в психодиагностической деятельности врача-психиатра при назначении адекватных способов реабилитации и лечения, и особое место они занимают в судебно-психиатрической экспертизе. Возможности использования профессиональных знаний психолога в экспертной психиатрической практике определяются целым рядом моментов, среди которых первостепенными являются следующие.

Прежде всего рассмотрим соотношение таких теоретических дисциплин, как патопсихология и психопатология. Патопсихология как наука находится на стыке психологии и психиатрии, оставаясь при этом разделом психологии. Она исходит из теоретических представлений общей психологии, но направлена на решение задач (теоретических и прикладных), поставленных перед ней психиатрией. Если общая психология в целом изучает закономерности строения и протекания психической деятельности, то патопсихология исследует закономерности протекания и структуры нарушений или расстройств психической деятельности.

У патопсихологии и психопатологии один и тот же объект исследования - психика человека. Именно это обстоятельство и позволяет объединять усилия психиатров и психологов в самых разных прикладных областях, в частности - в судебной экспертизе. Но предмет каждой из этих наук имеет свои особенности, отличные друг от друга. Если психопатологическое исследование выявляет закономерности проявлений (феноменологии) нарушенных психических процессов, то патопсихологическое - отвечает на вопрос, каковы нарушения или особенности протекания и структуры самих психических процессов при том или ином психическом заболевании [12]. Именно поэтому психопатология описывает психику человека на другом языке, нежели патопсихология - на языке клинических симптомов, синдромов, т.е. поведенческих проявлений, в то время как патопсихология оперирует психологическими понятиями, требующими проникновения в механизмы психической деятельности и психодиагностического исследования. Понятийные аппараты патопсихологии и психопатологии лишь частично пересекаются в тех областях, где психология описывает проявления поведения (такова, к примеру, категория «характера»). Некоторые понятия, внешне сходные в употреблении психиатров и психологов (например, «сознание»), наполнены в этих науках разным содержанием. Не случайно патопсихология может выступать как теория психопатологии - по существу, в истории психиатрии прослеживаются только два направления теоретических исследований - биологическое и психологическое [13]. Примером психологического направления может служить глубинная психология, или психоанализ, являющийся теоретической и методологической основой психодинамической психиатрии. Методы психопатологии - опрос, собирание анамнеза, наблюдение, изучение продуктов творчества - тоже направлены на изучение феноменологии, а психология использует психодиагностику, центральное место в которой занимает экспериментальный подход.

Из этого следует, что экспериментально-психологическое исследование может выступать как дополнение клинического изучения психики человека и является одним из наиболее эффективных параклинических методов психиатрии. Этому способствует нацеленность экспериментально-психологического исследования на решение задач, соотносимых с практическими задачами клинической диагностики в судебно-психиатрической экспертизе.

Экспериментально-психологическое исследование дополняет клиническое исследование, реализуя естественнонаучный, экспериментальный подход к психике человека как целостной системе, осуществляя при этом сочетание качественного и количественного анализа патопсихологических данных и учитывая не только измененные, но и сохранные звенья психической деятельности обследуемого. Эффективное

использование патопсихологического материала в клинических целях обусловлено и широкими возможностями применения патопсихологом в ситуации судебной экспертизы всестороннего методического арсенала: как правило, при экспериментально-психологическом исследовании патопсихолог применяет до 10-15 методик, направленных на изучение особенностей познавательной деятельности (восприятия, внимания, памяти, мышления) и динамики умственной работоспособности, набор ориентированных на исследование личностных особенностей проективных методов, опросников. Кроме того, необходимость решения экспертных медицинских вопросов, касающихся каких-либо периодов жизни испытуемого, приводит к применению метода психологического анализа различных документов - материалов уголовного дела, медицинской документации, содержащих объективные данные об особенностях развития человека, о психическом состоянии в интересующий суд период времени.

Вместе с тем, возможность с помощью психологических методов выявлять и описывать особенности структуры самосознания, мотивации, раскрывать психологические механизмы поведения обусловливает более точное решение экспертных вопросов, касающихся установления и юридических критериев в разных видах судебно-психиатрической экспертизы. Особо высока роль использования психологических данных при судебно-психиатрической оценке пограничной психической патологии, когда клиническая квалификация психического состояния подэкспертного в юридически значимой ситуации не позволяет однозначно и с очевидностью решать вопросы о наличии или отсутствии того или иного юридического критерия, интересующего суд.

В целом, использование психологических познаний в рамках судебно-психиатрической экспертизы способно повысить надежность, достоверность и информативность экспертных психиатрических выводов, обусловить большее доверие к ним со стороны судебных органов. К примеру, экспериментально-психологическому исследованию в ГНЦ социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского в настоящее время подвергаются более 80% всех испытуемых, прошедших разные виды судебно-психиатрической экспертизы за год.

4.2. Основные задачи экспериментально-психологического исследования в судебно-психиатрической экспертизе

Экспериментально-психологическое обследование подэкспертного лица (изучение познавательных процессов и индивидуально-психологических особенностей) является обязательным компонентом экспертного исследования при судебно-психологической и комплексной психолого-психиатрической экспертизах (см. рис. 2,3).

Вопрос об использовании психологического исследования в качестве параклинического метода в процессе судебно-психиатрической экспертизы решается каждый раз индивидуально, но не судом, а психиатром-экспертом (или комиссией психиатров-экспертов). Следует подчеркнуть, что в разных видах судебных экспертиз у психиатров нет обязанности привлекать психологов для решения экспертных вопросов во всех случаях, и они не должны прибегать к помощи психологического исследования в отношении каждого подэкспертного, но могут делать это в тех случаях, когда это представляется целесообразным и необходимым.

Основными самостоятельными задачами экспериментально-психологического исследования в рамках судебно-психиатрической экспертизы являются:

предоставление дополнительных папюпсихологических данных в целях дифференциальной диагностики;

установление степени выраженности (глубины) имеющихся у испытуемого психических расстройств.

Дополнительными задачами по отношению к основным являются:

выявление структуры нарушенных и сохранных звеньев психической деятельности;

определение установок испытуемых по отношению к патопсихологическому обследованию и к ситуации экспертизы в целом.

Их решение обязательно как при решении первой, так и второй самостоятельной задачи (см. рис. 5). Рассмотрим содержание выделенных задач патопсихологического исследования в контексте целей судебно-психиатрической экспертизы подробнее.

(Рис. 5. Структура задач экспериментально-психологического (патопсихологического) исследования в судебно-психиатрической экспертизе)

4.2.1. Дифференциальная диагностика

Основные сложности, возникающие при решении данной задачи, связаны, во-первых, с различными реактивными наслоениями на психическую деятельность вследствие привлечения к уголовной ответственности, во-вторых, с преобладанием в практике судебно-психиатрической экспертизы смешанных и стертых форм психической патологии [5]. Кроме того, у лиц, ранее совершавших правонарушения и подвергавшихся принудительному лечению, наблюдается и лекарственный патоморфоз. Это обусловливает поиск таких эффективных форм организации и проведения экспериментально-психологического исследования, которые нивелировали бы упомянутые сложности. Как известно из патопсихологической литературы, некоторые патопсихологические показатели нарушений психической деятельности чаще встречаются при одних видах психической патологии, а некоторые - при других. В то же время эти показатели не являются нозологически специфичными. Так, искажение процесса обобщения может встречаться как при шизофрении, так и при психопатии [2]. В связи с этим, перспективным путем представления патопсихологических данных в целях дифференциальной диагностики представляется выделение патопсихологических симптомокомплексов нарушений и особенностей познавательной деятельности [9,13,14].

Патопсихологический симптомокомплекс - это совокупность особенностей и нарушений познавательных процессов, относительно специфичных для той или иной клинической нозологии, имеющая в своей основе определенные психологические механизмы [8]. Автором в результате статистической обработки большого массива экспериментально-психологических заключений выделены и описаны патопсихологические симптомокомплексы нарушений и особенностей познавательной деятельности при шизофрении, психопатии и органическом поражении головного мозга, т.е. при наиболее часто встречаемых в судебно-психиатрической экспертизе нозологических формах психической патологии [8]. Они обладают значительной диагностической информативностью и существенно повышают эффективность клинической диагностики.

Для патопсихологического симптомокомплекса, свойственного больным шизофренией, наиболее патогномичным является следующий набор патопсихологических показателей: неадекватность ассоциаций с их формальностью или выхолощенностью, бессодержательностью; использование при обобщении несущественных, маловероятных (латентных) признаков объектов или субъективных критериев; некритичность мышления; резонерство; явления разноплановости, соскальзывания на случайные ассоциации в суждениях; использование вычурных или усложненных речевых высказываний; искаженное толкование условного смысла; колебания внимания и снижение его активности. Характерно, что выявленный комплекс нарушений познавательных процессов не зависит от уровня интеллекта - в данный симптомокомплекс с равной частотностью входят и категориальный, и функциональный, и конкретный уровни обобщения и абстрагирования.

Патопсихологические расстройства при органическом поражении головного мозга имеют качественно иной характер. В патопсихологическом симптомокомплексе

преобладают нарушения познавательной деятельности, связанные со снижением интеллекта: низкий (конкретный и конкретно-ситуационный) уровень обобщения; конкретность ассоциаций; непонимание условного смысла; трудности установления логических (вербальных и наглядно-образных) связей и отношений. Обнаруживается обстоятельность суждений, инертность мыслительных действий, застревание на несущественных деталях. В целом вербальный интеллект ниже наглядно-образного. Нарушены мнестические процессы: уменьшен объем непосредственного и опосредованного запоминания. Характерны нарушения умственной работоспособности - колебания внимания, снижение его активности (расстройства концентрации и распределения внимания), замедленный и неравномерный темп умственной деятельности.

Основу патопсихологического симптомокомплекса, присущего психопатиям, составляют эмоциональная насыщенность ассоциаций (при их адекватности), аффективно обусловленное рассуждательство, претенциозность суждений, преобладание оценочных комментариев, использование при обобщении субъективных эмоциональных критериев. Отмечается и актуализация несущественных признаков при обобщении, парциальная некритичность. Как и у больных шизофренией, эти качественные нарушения и особенности не зависят от уровня интеллекта.

Выделение патопсихологических симптомокомплексов имеет не только практическую ценность, но и теоретическое значение. Оно позволяет выявить факторы, лежащие в основе тех или иных патопсихологических синдромов.

Так, наши исследования показали, что «органический» симптомокомплекс определяется одним общим фактором - снижением всех психических функций: внимания, памяти, мышления. Патопсихологические симптомокомплексы больных шизофренией и психопатией имеют полиморфную структуру.

В патопсихологическом симптомокомплексе при шизофрении выделяются три группы нарушений. Первая их них, объединяющая Патопсихологические данные о снижении некоторых психических функций, по всей видимости, отражает нарастающий дефект психики у части больных шизофренией. На первый взгляд, он схож с выделенным фактором снижения интеллекта при органическом поражении головного мозга, однако имеются достаточно четкие качественные различия, связанные с иной природой болезненного процесса. При органическом поражении головного мозга снижение интеллекта сопровождается проекцией собственных эмоциональных переживаний в материал заданий, а при шизофрении - формальностью ответов, нередко - их выхолощенностью, а также актуализацией несущественных свойств объектов при обобщении, что отражает типичные изменения мотивационно-смысловой сферы и нарушения селективности познавательной деятельности [II].

Вторая группа нарушений познавательной деятельности определяет качественные операциональные и мотивационно обусловленные нарушения мышления при шизофрении.

Основу последней группы расстройств составляют нарушения логического компонента мышления.

Патопсихологический симптомокомплекс, присущий психопатическим личностям, также состоит из трех групп нарушений и особенностей познавательной деятельности. Первая группа отражает особенности операциональной сферы мышления, имеющие эмоциональную, аффективную природу.

Вторая группа включает претенциозность суждений, склонность к рассуждательству и оценочным комментариям - т.е. те показатели, которые зависят от аффективной логики, характерной для лиц, страдающих психопатиями.

Особый интерес вызывает третья группа нарушений, которая включает в себя такие нарушения мышления, как искажение процесса обобщения с использованием латентных признаков предметов и понятий, искаженное объяснение условного смысла, неадекватность ассоциаций и использование личностных субъективных предпочтений в

обобщениях. Эти нарушения схожи с теми, которые входят в патопсихологический симптомокомплекс, свойственный больным шизофренией, но психологический теоретический и экспериментальный анализ показывает, что несмотря на схожую феноменологию в основе данных нарушений лежат различные психологические механизмы [5-7]. В отличие от нарушений мышления при шизофрении искажения процесса обобщения и абстрагирования у психопатических личностей 1) развиваются в наиболее четкой форме в состояниях эмоциональной напряженности (а не в любых условиях, как при шизофрении), 2) они возникают преимущественно в ответ на аффективно и личностно значимые стимулы экспериментальных методик (а не на нейтральные, как при шизофрении), 3) при психопатиях нарушается смысловой компонент, но не происходит распада значения, как при шизофрении.

Следует отметить, что из-за преобладания у подэкспертных смешанных и стертых форм психической патологии часто при экспериментально-психологическом исследовании обнаруживаются патопсихологические показатели, которые трудно увязать в единый непротиворечивый симптомокомплекс. В связи с этим актуальным и перспективным направлением исследований является разработка проблемы информативности патопсихологических показателей, моделирующая алгоритм вероятностного решения дифференциально-диагностических задач.

Нами [8] проведено исследование информативности патопсихологических показателей особенностей и нарушений познавательной деятельности и умственной работоспособности больных с использованием информационной меры Кульбака и процедуры последовательного распознавания образов [I]. На основе статистического анализа большого массива экспериментально-психологических исследований испытуемых строились таблицы, в которых патопсихологические признаки располагались в порядке их убывающей информативности, для дифференциальной диагностики между шизофренией, психопатией и органическим поражением головного мозга.

Выявилось, что одни показатели экспериментально-психологических заключений имеют большую информативность и должны обязательно учитываться при вынесении диагноза, другие - меньшую, причем следует отметить, что одни и те же показатели могут иметь большую меру информативности при одних видах дифференциальной диагностики и не нести существенной информационной нагрузки - при других. Так, при отграничении шизофрении от органического поражения головного мозга первостепенное значение имеют показатели, отражающие качественные особенности мыслительной деятельности (адекватность ассоциаций, искажение процесса обобщения, разноплановость, резонерство, критичность мышления). При отграничении же органического поражения головного мозга от психопатии на первый план выступают иные показатели: нарушения внимания, уровень обобщения, снижение объема опосредованного запоминания, претенциозность суждений и т.п. При дифференциальной диагностике между шизофренией и психопатией, наряду с качественными особенностями мыслительной деятельности, имеет значение снижение активности внимания, которое обусловлено при шизофрении не нарушениями умственной работоспособности (как при органическом поражении головного мозга), а снижением побудительной силы мотивов. Оказалось также, что данные экспериментально-психологического исследования наиболее информативны при дифференциальной диагностике между шизофренией и органическим поражением головного мозга, и наименее - при разграничении шизофрении и психопатии.

Отметим, что представление об информативности патопсихологических признаков имеет значение не только для психиатров, проводящих дифференциальную диагностику, но и для патопсихологов: прежде всего, становится понятным, квалификация каких нарушений познавательной деятельности важна в тех или иных видах дифференциальной диагностики, кроме того, это приводит к необходимости в патопсихологических заключениях приводить сведения не только о выявленных нарушениях, но и об отсутствии определенных показателей (т.е. целесообразно указывать на сохранность некоторых

сторон познавательной деятельности, имеющих высокую информативность при дифференциальной диагностике).

4.2.2. Определение степени выраженности (глубины) нарушений психической деятельности

Данная задача ставится перед патопсихологом в основном не при диагностических сомнениях экспертов-психиатров, а при определении способности больного (чаще всего это лица с органическими поражениями головного мозга, больные олигофренией с различными формами дебильности) адекватно понимать значение своих поступков и полноценно их регулировать. Экспериментально-психологическое исследование при решении этой задачи, наряду с определением патопсихологического симптомокомплекса психических расстройств, включает выявление следующих обязательных компонентов:

1. Общий уровень развития познавательной сферы.

Выявление общего уровня развития восприятия, внимания, памяти, мышления является основополагающим звеном оценки умственного развития подэкспертного. В психиатрии и психологии накоплен большой объем данных о недоразвитии тех или иных психических процессов при умственной отсталости разной этиологии. В области перцептивных процессов - это прежде всего данные о замедленности и сужении объема зрительного восприятия, нарушения узнавания, опознания предметов, снижение активности восприятия, поверхностность или искажение смыслового восприятия ситуаций различной степени сложности. Наиболее типичные расстройства внимания при психическом недоразвитии или инволюционном развитии - снижение его активности, в основе которого могут лежать нарушения концентрации или распределения внимания; колебания внимания и умственной работоспособности; истощаемость психических процессов. Для умственно отсталых лиц характерны различные нарушения памяти - непосредственного и опосредованного запоминания, долговременной и кратковременной памяти, смыслового и механического запоминания. Основные нарушения мышления у невменяемых лиц - конкретность и примитивный характер обобщений, нарушения функций анализа и синтеза, непонимание условного смысла, недостаточная сформированность или несформированность полноценных умственных действий, нарушения логики суждений, слабость регулирующей функции мышления.

2. Объем общих сведений и знаний испытуемого.

При патопсихологическом обследовании в судебно-психиатрической экспертной практике необходимо выявлять и специальный аспект общего уровня развития познавательных процессов, связанный с определением того, насколько подэкспертное лицо способно усвоить социально-педагогические воздействия: общий словарный запас, объем общих сведений и знаний, полученных в результате учебной деятельности и собственной познавательной активности.

3. Принципиальная способность испытуемого ориентироваться в практических, житейских ситуациях.

Экспериментально-психологические сведения об уровне общей ориентировки подэкспертного, так же как и установление объема общих сведений и знаний, имеют важное косвенное значение для судебно-психиатрической оценки способности обследуемого лица осознавать значение своих действий и осуществлять их произвольную регуляцию.

4. Степень обучаемости.

При экспериментально-психологическом исследовании с целью определения степени выраженности психических расстройств очень важно не ограничиваться установлением только «актуального» уровня психического развития подэкспертного лица - необходимо, особенно при исследовании несовершеннолетних, устанавливать и «зону ближайшего развития» [3], т.е. потенциальные возможности овладения новыми способами

умственных действий, новыми знаниями и умениями. Это имеет большое значение при судебно-психиатрическом отграничении умственной отсталости, связанной с болезненным процессом (олигофрения, органические поражения головного мозга и т.п.) от случаев педагогической или социальной запущенности лиц, являющихся в принципе психически здоровыми или имеющими нерезко выраженные психические аномалии. Выделение этого аспекта психической деятельности при определении глубины психических нарушений у испытуемого обусловливает построение экспериментально-психологического исследования не только как диагностической, но и как обучающей процедуры. Принципы обучающего эксперимента описаны А.Я. Ивановой [3] и включают в себя: использование дозированной помощи со стороны экспериментатора на материале разного рода экспериментальных методов; регламентацию отдельных видов помощи от наиболее скупых и сжатых «подсказок» до развернутых и подробных «уроков»; исследование восприимчивости к помощи, способности к логическому переносу и ориентировочной деятельности испытуемого. Сам эксперимент проводится по схеме, состоящей из трех этапов: ориентировочный, основное задание (находящееся в «зоне трудности» для испытуемого), аналогичное задание.

5. Уровень развития эмоционально-волевых структур.

Это наиболее сложная задача психодиагностического исследования, требующая высокой квалификации патопсихолога. Установление уровня личностной зрелости возможно только при одновременном анализе результатов выполнения экспериментальных методов (ведущее место среди которых занимают проективные методики, задания, направленные на изучение ценностей испытуемого, особенностей смыслового восприятия, структур самосознания), данных беседы и наблюдения, сведений из материалов уголовного дела.

Последовательность перечисленных задач экспериментально-психологического исследования определяет и их приоритетность по отношению к решению общих экспертных вопросов. Так, если общий уровень интеллектуального развития испытуемого таков, что препятствует ему осознавать значение своих действий и руководить ими, то не возникает большой необходимости привлекать патопсихологические данные об уровне развития эмоционально-волевых структур. Если же испытуемый обнаруживает пограничный уровень развития интеллекта, для точного решения вопроса о вменяемости необходимо использовать патопсихологические данные об уровне практической ориентировки, об обучаемости, об особенностях личностного развития и т.п. Такие комплексные требования к патопсихологическому исследованию обусловлены еще и тем, что кроме решения экспертных вопросов возникает необходимость выбора реабилитационных мероприятий в отношении освидетельствуемых лиц, например при отграничении умственной отсталости от отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, вследствие социальной и педагогической запущенности. Необходимо отметить, однако, что определение уровня зрелости эмоционально-волевых структур является наиболее сложной и наименее разработанной клинико-психологической проблемой.

4.2.3. Определение структуры нарушений психической деятельности

Нацеленность экспериментально-психологического исследования на решение экспертных вопросов требует обязательного решения данной задачи и при дифференциально-диагностической направленности патопсихологического исследования, и при определении глубины психической патологии испытуемого. Это обусловлено прежде всего тем, что не существует однозначного соответствия между клинико-нозологической диагностикой и решением экспертных вопросов: так, часть больных

шизофренией в ремиссии могут признаваться вменяемыми, напротив, часть страдающих психопатией в состоянии декомпенсации могут быть признаны невменяемыми - в конечном итоге экспертное решение во многом зависит не только от диагноза, но и от установления структуры психических нарушений, соотношения сохранных и патологических структур психики, содержания психологических факторов, лежащих в основе тех или иных нарушений психической деятельности.

Здесь особенно наглядно проявляется принцип системно-структурного анализа психической деятельности: выявление качественных особенностей отражательных и регуляторных структур, соотношения их сохранных и нарушенных компонентов чрезвычайно важно для экспертного определения способности подэкспертного осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими. Следует также особо отметить, что количественные данные многих методик (типа теста Векслера) не являются информативными по отношению к решению экспертных вопросов - часто результаты вменяемых и невменяемых лиц по этим методикам не отличаются друг от друга.

Задача определения структуры нарушений психических процессов, их соотношения с сохранными сторонами психической деятельности может при определенных видах судебно-психиатрической экспертизы выступать и как самостоятельная задача исследования.

Так, в рамках судебно-психиатрической экспертизы при определении ограниченной способности обвиняемого осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими вследствие психического расстройства, в заключении экспериментально-психологического исследования, кроме определения степени выраженности расстройств психической деятельности, рекомендуется отразить прежде всего структуру психических нарушений, соотношение сохранных и патологических звеньев психической деятельности, содержание психологических факторов, лежащих в основе тех или иных нарушений психической деятельности. Особое внимание следует обратить на сохранность критичности, степень опосредованности своих действий, компенсаторные психологические механизмы и т.п.

В судебно-психологической экспертизе определение структуры нарушенных и сохранных звеньев психической деятельности также является основной задачей, создавая предпосылки ответа на экспертные вопросы, задаваемые эксперту-психологу судебно-следственными органами. Особо важное значение решение данной задачи имеет при судебно-психологическом определении меры регуляции криминального поведения у несовершеннолетнего обвиняемого с отставанием в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, а также при установлении существенного влияния индивидуально-психологических особенностей взрослого обвиняемого на его поведение в криминальной ситуации.

4.2.4. Определение установок испытуемых

Различные смысловые установки испытуемых по отношению к экспертизе в целом и, в частности, к ситуации патопсихологического обследования очень широко представлены в судебно-психологической, судебно-психиатрической и комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизах [10].

Это прежде всего симуляция - осознанное и целенаправленное предъявление несуществующих признаков психических расстройств.

Более сложными для диагностики являются формы симуляции, возникающие на патологической почве, у лиц с уже имеющимися психическими нарушениями - аггравация, метасимуляция и сюрсимуляция.

Аггравация - осознанное преувеличение незначительно выраженных психических изменений, особенно часто проявляющееся при экспериментально-психологическом

исследовании в виде демонстрации выраженного слабоумия лицами, имеющими нерезко выраженный интеллектуальный дефект (пограничные случаи олигофрении, больные с органическими поражениями головного мозга и др.).

Метасимуляция заключается в осознанном предъявлении психопатологической симптоматики когда-то перенесенного психического заболевания, которым к моменту исследования подэкспертный уже не страдает.

Особо сложным для распознавания является сюрсимуляция - когда подэкспертный действительно страдает каким-либо психическим заболеванием, но при этом предъявляет картину другого, не свойственного ему, нарушенного психического состояния. Поведение больного в этих случая определяется сложным переплетением смысловой установки с искаженным восприятием действительности и самого себя, психопатологическими мотивами и нарушениями мышления, характерными для его психического заболевания.

Кроме того, необходимо выделить деятельность подэкспертного, обратную симуляции, -диссимуляиню. Диссимуляция -это сокрытие, или утаивание, психически больным проявлений своего болезненного состояния, собственных психических расстройств.

Такое разнообразное проявление различных смысловых установок по отношению к ситуации судебной экспертизы определяет необходимость их выявления практически при каждом экспериментально-психологическом исследовании подэкспертных для реализации его основных задач - определения патопсихологического симптомокомплекса в целях дифференциальной диагностики и установления истинной степени выраженности имеющихся психических расстройств. При решении данной задачи особую актуальность приобретает разработка адекватных приемов квалификации установок испытуемых: в первую очередь, эффективными способами определения установок являются целостный синдромальный анализ данных патопсихологического исследования и применение некоторых дополнительных критериев - сопоставление прямых и косвенных результатов деятельности испытуемых в ситуации эксперимента, сопоставление уровня объективной сложности патопсихологической методики и уровня их выполнения испытуемым и др.[5]. Не теряют своей актуальности и описанные Я.М. Калашником [4] приемы распознавания аггравации: предъявление сверхлегких заданий, которые заведомо выполняются и слабоумными больными, сопоставление латентного периода при выполнении методик разного уровня сложности и т.п.

Определение вида смысловой установки подэкспертного имеет значение и для судебно-психиатрического распознавания симуляции и ее разновидностей. Следует, однако, иметь в виду, что часто подэкспертные, подготовившись к демонстрации, предъявлению несуществующих у них психопатологических симптомов перед врачами-психиатрами, теряются в ситуации экспериментально-психологического исследования, поскольку готовы к искажению своего анамнеза, соответствующему поведению во время клинической беседы, при общении с другими подэкспертными, но не понимают, как те же поведенческие и речевые нарушения должны проявляться при выполнении экспериментальных методик. В то же время сама ситуация экспериментального исследования нередко провоцирует подэкспертных к тем или иным формам симуляции, которые не проявляются при клиническом психиатрическом обследовании - так, при выполнении заданий, направленных на изучение уровня интеллекта, может проявиться аггравация; характер вопросов опросника MMPI иногда провоцирует ответы, утяжеляющие психическое состояние, или напротив, способствует диссимуляции имеющихся психических нарушений.

4.3. Заключение по результатам экспериментально-психологического исследования

Данные (результаты) экспериментально-психологического исследования оформляются психологом в виде заключения, которое сохраняется в медицинской

документации, а его резюмирующая часть может быть включена в заключение (акт) судебно-психиатрической экспертизы в раздел «психический статус» для обоснования экспертных выводов. В структуре заключения рекомендуется отразить следующие моменты:

- общее введение: особенности поведения испытуемого в исследовании и в беседе, понимание цели экспертизы, психологические аспекты внутренней картины болезни, актуальные установки, планы на будущее, жалобы;
- особенности деятельности испытуемого в экспериментальной ситуации: понимание и усвоение инструкций, особенности выполнения заданий, реакция на успех и неуспех, на коррегирующие замечания, помощь, здесь же можно отразить особенности умственной работоспособности, внимания;
- данные об уровне развития различных сторон памяти, об особенностях и нарушениях мнестических процессов;
- данные об особенностях ассоциативных процессов;
- данные об уровне развития интеллекта, об операциональных, динамических и мотивационных нарушениях процесса обобщения и абстрагирования, о расстройствах логики и особенностях других сторон мыслительной деятельности;

данные об особенностях личности, эмоционально-волевой сферы, смыслового восприятия, самосознания и т.п.;

- резюмирующая часть: обобщение экспериментальных данных об особенностях и нарушениях познавательной деятельности и личностной сферы и результатов наблюдения при исследовании. Форма представления обобщенных патопсихологических данных должна определяться тем, какого рода затруднения испытывает эксперт-психиатр при решении им диагностических и экспертных вопросов, и, соответственно задачей, которую он ставит перед психологом.

Приведем некоторые типичные образцы заключений патопсихолога по данным экспериментально-психологического исследования.

А) Испытуемая Б., обвиняется в хищении важных документов. Задача исследования: дифференциальная диагностика между шизофренией и психопатией. Экспертам-психиатрам, кроме традиционных вопросов о наличии душевного заболевания у Б. и ее способности отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими, следователем был задан вопрос о склонности Б. к патологическому фантазированию.

Во время исследования испытуемая держится ровно, спокойно, на вопросы отвечает последовательно, по существу. Цель экспертизы понимает верно, свое психическое состояние в период инкриминируемых ей действий и в настоящее время оценивает как «нормальное». Причины суицидальной попытки объясняет кратко («не нашла выход из сложившейся ситуации»), свои переживания не раскрывает. Жалоб не предъявляет.

При выполнении экспериментальных заданий инструкции усваивает, придерживается их в работе. Уровень притязаний достаточно высокий. Выраженных расстройств внимания и умственной работоспособности не обнаруживается, темп деятельности средний.

Объем запоминания в пределах нормы. При непосредственном запоминании из 10 слов воспроизводит 5,10, спустя 1 час - 9 слов. При опосредованном запоминании («Пиктограмма») из 15 понятий, опосредованных образными ассоциациями, верно воспроизводит все 15. Ассоциации в целом высокого уровня (метафорические, символические), в ряде случаев - формальны и отдаленны. Например, на слово «одиночество» рисует дерево («есть песня про рябину в поле, которая стоит одна»), понятие «надежда» опосредует рисунком телефона («обычно все хорошие новости я узнавала по телефону»).

При исследовании мыслительной деятельности на фоне доступности испытуемой категориальных обобщений в целом обнаруживается неравномерность процесса обобщения с трудностями дифференцирования существенного и несущественного и эпизодическим снижением качества ответов вне зависимости от объективной сложности стимульного материала (может сложные задания выполнять на категориальном уровне, а более простые - на конкретно-ситуационном). Выявляется нечеткость мышления с использованием широких обобщений: так, объединяет в одну группу цветок, яблоко и пальто («везде растения, если пальто х/б - тоже растение»), противопоставляет изображение журавля группе, состоящей из молотка, стола и очков («журавль - это полет, свобода, а остальное - приземленное, усидчивость, работа»), находит общее между сумкой, чемоданом, кошельком и книгой в том, что это «вместилища», при этом указывает, что книга - «вместилище духовных, а другие - материальных вещей», находит различие между ветром и солью в том, что «соль - материальная субстанция, а ветер ни увидеть, ни подержать нельзя». В ряде случаев использует при обобщении маловероятные латентные признаки объектов. К примеру, объединяет гитару, телефон и радио - «звук издают», находит общее между ботинком и карандашом - «ботинком можно писать, подошва пишет на полу, рисует на песке, снегу», различие между рекой и озером находит в том, что «река - это полоса, а озеро - это круг или овал». Условный смысл пословиц передает верно. Способна к установлению логических связей и отношений («Пиктограмма», «Исключение предметов», «Исключение понятий», «Пословицы», «Простые аналогии», «Сравнение понятий»).

Применение проективной методики ТАТ и направленной беседы повышенной склонности к фантазированию не обнаруживает. Напротив, рассказы, продуцируемые испытуемой по неструктурированным сюжетным картинкам, очень кратки, редуцированны, в них отсутствует проникновение во внутренний мир персонажей, развитие сюжета. Действия персонажей характеризуются неконкретно, приблизительно, не может придумать, что предшествовало ситуации, изображенной на картинке, и чем она закончится.

По данным MMPI, опросника Кеттелла и теста Розенцвейга, выявляются следующие индивидуально-психологические особенности: выраженная интровертированность, отгороженность, эмоциональная холодность, независимость от групповых мнений и оценок сниженная чувствительность к нюансам межличностного общения, нерешительность, сдержанность, подчиняемость, ригидность установок, эмоциональная незрелость, высокий контроль своего поведения, склонность усложнять внутренние проблемы и фиксироваться на фрустрирующих обстоятельствах, хорошее осознание социальных требований, эмоциональная устойчивость. Следует отметить невыраженность в настоящее время тревоги и эмоциональной напряженности.

Таким образом, при экспериментально-психологическом исследовании на первый план выступают нарушения мыслительной деятельности: нечеткость мышления и неравномерность процесса обобщения с трудностями дифференцирования существенного и несущественного, эпизодическим снижением качества ответов вне зависимости от объективной сложности заданий, искажение процесса обобщения с использованием широких обобщений и маловероятных латентных признаков объектов, а также отдаленных ассоциативных связей. Выраженных расстройств внимания, памяти, умственной работоспособности не обнаруживается. Интеллектуальный уровень в целом высокий - испытуемая способна к абстрагированию, объяснению условного смысла, установлению логических связей. Повышенной склонности к фантазированию не отмечается. Выявляется выраженная интровертированность, отгороженность в сочетании с эмоциональной холодностью, сниженная чувствительность к нюансам межличностного общения.

Окончательный диагноз: шизофрения.

Б) Испытуемый Ш., обвиняется в убийстве. Задача исследования: дифференциальная диагностика между психопатией и органическим поражением головного мозга.

Во время исследования испытуемый подробно рассказывает о себе, о содеянном, часто плачет. Склонен в сложившейся ситуации обвинять себя, свою «бесхарактерность». Считает себя «очень нервным». Фон настроения снижен. Эмоционально неустойчив. Оценивая свои качества, говорит, что он «довольно умный, с хорошим, но податливым характером», заявляет, что «если бы все такие были как я - легче бы жилось».

При выполнении заданий придерживается инструкций, активно интересуется результатами выполнения отдельных заданий и исследования в целом, мнением экспериментатора о своих способностях. В ходе исследования в целом и в отдельных методиках обнаруживаются колебания умственной работоспособности (например, на пять таблиц Шульте затрачивает соответственно 90, 75, 50, 85, 72 с), нарушения концентрации и распределения внимания. Темп сенсомоторной деятельности замедлен (12-22 счетных операций в минуту в «Счете по Крепелину»). Под влиянием сильной мотивации достижения деятельность дезорганизуется.

Объем запоминания существенно снижен. При непосредственном запоминании 10 слов воспроизводит: 4, 6, 5, 5, 6, спустя 1 час - 5 слов. В «Пиктограмме» воспроизводит верно 5 и 4 близко по смыслу из 15 опосредованных образными ассоциациями понятий.

Образные ассоциации адекватны, конкретного уровня, отражают ситуационные переживания испытуемого. Например, на слово «печаль» рисует склонившуюся березу: «Природа... а здесь природы нет - одна тоска». При объяснении опосредующей связи понятия и образа склонен к рассуждательству. Вербальные ассоциации в целом адекватные. Выявляется бедность ассоциативных связей: на несколько разных слов-стимулов отвечает одинаково: «любовь - вражда», «мир - вражда», «измена - вражда». Обнаруживаются выраженные колебания времени реакции (от 1 до 20 сек) на общем фоне замедленного ассоциирования (в среднем латентный период ответных ассоциаций 2-5 сек).

При исследовании мыслительной деятельности выявляется снижение уровня обобщения, недостаточность абстрагирования, конкретность мышления. Обобщает предметы по конкретно-ситуационным связям, второстепенным конкретным признакам, затрудняется в подборе обобщающего слова для группы предметов или понятий («Классификация предметов», «Исключение предметов», «Исключение понятий»). Не может объяснить переносного смысла малознакомых или незнакомых пословиц («Объяснение пословиц»), не сразу улавливает смысл короткого рассказа («Проба Эббингауза»), с трудом устанавливает последовательность событий по серии сюжетных картинок. В объяснение простых пословиц привносит собственные переживания, факты своей биографии. В ходе выполнения заданий контроль умственных действий снижен.

Личность испытуемого (по данным теста Розенцвейга и «Самооценки») характеризуется эмоциональной неустойчивостью, эгоцентризмом, ригидностью, склонностью к реакциям самообвинения в сочетании со стремлением возложить ответственность за конфликты на окружающих.

Таким образом, экспериментально-психологическое исследование выявляет интеллектуально-мнестическое снижение - сужение объема непосредственного и опосредованного запоминания, низкий уровень обобщения и абстрагирования, конкретность мышления в сочетании с колебаниями умственной работоспособности, замедленность темпа деятельности, нарушения концентрации и распределения внимания.

Контроль умственных действий в ходе исследования снижен. Отмечается дезорганизация деятельности пол влиянием аффективно значимых воздействий.

Обнаруживаются следующие индивидуально-психологические особенности: слабодушие, эмоциональная неустойчивость, эгоцентризм, ригидность, склонность к реакциям самообвинения в сочетании со стремлением возложить ответственность на

окружающих в стрессовых ситуациях. Состояние испытуемого характеризуется сниженным фоном настроения и фиксацией на собственных переживаниях.

Диагноз комиссии экспертов-психиатров: органическое поражение головного мозга травматического генеза с аффективной неустойчивостью.

В) Испытуемый В., 15 лет, обвиняется в краже. Предположительный диагноз «олигофрения». Задача исследования: установление степени выраженности психических изменений.

Испытуемый в начале беседы вял, пассивен, характеризует себя как «заядлого хулигана». Говорит, что у него «никогда ничего не получается». В ходе исследования оживляется, начинает обнаруживать адекватные эмоциональные реакции, самооценка выравнивается. Правонарушение отрицает. Заявляет, что согласен с мнением врачей, что у него «эпилепсия, олигофрения, умственная отсталость, задержка развития - это же не я ставил, а они с детства».

Задания выполняет в достаточно быстром темпе, усваивая инструкции с первого раза. При выполнении заданий ориентируется на оценки экспериментатора, соглашается с его замечаниями, стремится учесть их при исправлении своих ошибок.

Запас общих сведений и знаний достаточный - называет фамилии известных писателей, космонавтов, руководителей правительства ряда стран, перечисляет страны света, столицы крупных государств, союзные республики, нации и народности, крупнейшие стройки СССР и т.п.

Обнаруживает хорошую ориентировку в практических ситуациях (из субтеста Векслера).

Процесс запоминания в пределах нормы. Динамика заучивания 10 слов (непосредственное запоминание): 5, б, 8, 9, 10, отсроченно (через час) воспроизводит 9 слов. При опосредованном запоминании (метод «Пиктограмма») из 10 понятий, опосредованных образами, воспроизводит точно - 9 и близко по смыслу - 1 понятие.

Опосредование понятий образами затруднений у испытуемого не вызывает - продуцирует образные ассоциации быстро, способен опосредовать и абстрактные понятия типа «печаль», «развитие» и пр. По содержанию образы адекватны, по уровню в основном конкретны, но в отдельных случаях - и более высокой степени обобщенности.

При исследовании мыслительных процессов выявляется достаточно высокий уровень обобщения и абстрагирования - испытуемый правильно группирует предметы («Классификация предметов»), дает образованным группам обобщающие названия, на последнем этапе справляется с образованием более обобщенных групп предметов («живые существа», «хозяйственные принадлежности», «растительные»).

Испытуемый обнаруживает понимание причинно-следственных логических связей как на вербальном, так и на наглядно-образном материале. Правильно устанавливает последовательность событий по серии сюжетных картинок, составляет по ним рассказы, улавливая подтекст разворачивающегося сюжета. Справляется с завершением предложений, прерывающихся на «потому что...», и «хотя...»

Выявляется недостаточная сформированность навыков счета и письма - пишет медленно, с грамматическими ошибками; в арифметических операциях сложения и вычитания допускает ошибок мало, но считает очень медленно (в «Счете по Крепелину» 15-25 операций в мин).

При исследовании конструктивного мышления («Кубики Кооса») самостоятельно справляется со складыванием простейших орнаментов из четырех кубиков. При переходе на девять кубиков испытывает затруднения, но после дозированной помощи - объяснения экспериментатором принципа выполнения задания - усваивает способ действия и осуществляет перенос усвоенного способа на другие варианты орнаментов.

В ходе исследования обнаруживаются нерезко выраженные нарушения распределения и переключения внимания.

Таким образом, при экспериментально-психологическом исследовании выявляется достаточный запас общих сведений и знаний, ориентировка в практических ситуациях.

Объем запоминания в пределах нормы. Уровень обобщения и абстрагирования достаточный - на фоне конкретных группировок объектов испытуемый способен и к более категориальным обобщениям. Формальная логика суждений, способность к установлению причинно-следственных связей не нарушены. Недостаточно сформированы навыки письма, счета, оперирования зрительно-пространственными представлениями.

Обнаруживается обучаемость испытуемого.

Отмечаются нерезко выраженные нарушения распределения и переключения внимания.

На основании клинического исследования и с учетом заключения психолога испытуемому был снят диагноз «олигофрения», установлена «социальная и педагогическая запущенность».

Резюме

Экспериментально-психологическое исследование является одним из наиболее эффективных параклинических методов судебной психиатрии.

Заключение психолога об особенностях личности обследуемого и его познавательных процессов могут быть использованы врачом-психиатром:

в качестве дополнительных патопсихологических данных для клинической дифференциальной диагностики,

для установления степени выраженности (глубины) имеющихся у испытуемого психических расстройств.

Для решения этих двух основных задач патопсихологического исследования в каждом случае необходимо:

выявление структуры соотношения нарушенных и сохранных звеньев психической деятельности,

определение установок испытуемых по отношению к патопсихологическому обследованию и к ситуации экспертизы в целом.

При решении задачи дифференциальной диагностики в экспериментально-психологическом исследовании основным является выделение патопсихологических симптомокомплексов нарушений и особенностей познавательной деятельности, а также учет диагностической информативности патопсихологических показателей.

При решении задачи определения степени выраженности психических расстройств экспериментально-психологическое исследование, наряду с определением патопсихологического симптомокомплекса, включает в качестве обязательных компонентов выявление:

общего уровня развития познавательной сферы,

объема общих сведений и знаний испытуемого,

принципиальной способности испытуемого ориентироваться в практических, житейских ситуациях,

степени обучаемости,

уровня развития эмоционально-волевых структур.

Нацеленность экспериментально-психологического исследования на решение экспертных вопросов о тех или иных юридически значимых способностях испытуемых требует обязательного решения задачи установления структуры психических нарушений, их соотношения с сохранными сторонами психической деятельности, как при дифференциально-диагностической направленности патопсихологического исследования, так и при определении глубины психической патологии испытуемого.

Выявление разного рода смысловых установок подэкспертного (в первую очередь - симуляции) определяется необходимостью решения основных задач экспериментально-

психологического исследования, имеет значение для психиатрической диагностики и судебно-психиатрической оценки подэкспертных.

Результаты экспериментально-психологического исследования оформляются психологом в виде заключения, которое сохраняется в медицинской документации, а его резюмирующая часть может быть включена в заключение (акт) судебно-психиатрической.

Структура заключения включает в себя общее введение; описание особенностей психической деятельности испытуемого при выполнении экспериментальных заданий; данные об особенностях, нарушениях и уровне развития познавательных процессов (внимания, памяти, мышления); данные об индивидуально-психологических особенностях (личности, эмоционально-мотивационной сферы, самосознания и др.); резюме (выводы).

Форма представления обобщенных патопсихологических данных должна определяться задачами, которые ставит эксперт-психиатр перед психологом.

Литература

1. Гублер Е.В. Вычислительные методы анализа и распознавания патологических процессов. М., 1978.

2. Зейгарник Б.В. Патопсихология. М., 1985.

3. Иванова А.Я. Обучаемость как принцип оценки умственного развития детей. М., 1976.

4. Калашник Я.М. О некоторых психологических закономерностях при симуляции слабоумия // Проблемы судебной психиатрии. М., 1938. С. 270-288.

5. Кудрявцев И.А., Лавринович А.Н; Москаленко Е.Л., Сафуанов Ф.С. Особенности патопсихологической квалификации результатов экспериментально-психологического исследования в условиях судебно-психиатрической экспертизы / Методические рекомендации. М., 1985.

6. Кудрявцев И.А., Сафуанов Ф.С. Эмоциональная и смысловая регуляция восприятия у психопатических личностей возбудимого и истерического круга // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1984. Вып. 12. С. 1815-1822.

7. Кудрявцев И.А., Сафуанов Ф.С. Психологические механизмы нарушений мышления при психопатиях // Журнал невропатологии и психиатрии им.С.С.Корсакова. 1986. Вып. 12. С. 1837-1842.

8. Кудрявцев И.А., Сафуанов Ф.С. Патопсихологические симптомокомплексы нарушений познавательной деятельности при психических заболеваниях: факторная структура и диагностическая информативность // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1989. Вып. 6. С. 86-92.

9. Николаева В.В., Соколова Е.Т., Спиваковская А.С. Спецпрактикум по патопсихологии. М., 1979.

10. Пелипас В.Е. Симуляция психических расстройств и ее распознавание при судебно-психиатрической экспертизе / Методические рекомендации. М.,1983.

11. Поляков Ю.Ф. Патология познавательной деятельности при шизофрении. М., 1974.

12. Поляков Ю.Ф. О методологических проблемах взаимосвязи психиатрии и психологии // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1977. Вып. 12. С. 1822-1832.

13. Поляков Ю.Ф. Проблемы и перспективы экспериментально-психологических исследований шизофрении // Экспериментально-психологические исследования патологии психической деятельности при шизофрении. М., 1982. С. 5-28.

14. Практикум по патопсихологии. М., 1987.

Дополнительная литература:

1. Зейгарник Б.В. Патология мышления. М., 1962. Зейгарник Б.В. Личность и патология деятельности. М., 1971. Лебединский В.В. Нарушения психического развития у детей. М., 1985.

2. Рубинштейн С.Я. Психология умственно отсталого школьника. М.,1979.

3. Сафуанов Ф.С. Использование психологических познаний при производстве новых видов судебно-психиатрической экспертизы // Новые виды судебно-психиатрической экспертизы в гражданском процессе (применительно к закону РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»). М., 1993. С. 87-99

5. ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

5.1. Базисные этические ценности судебно-психологической экспертизы

Чрезвычайно важным компонентом профессиональной деятельности судебного эксперта-психолога является выполнение определенных этических принципов и норм. Однако, к сожалению, этические проблемы работы экспертов-психологов, равно как и

психологов других специализаций, в отечественной литературе практически не рассматривались. В целом наиболее общим ориентиром для судебных и медицинских психологов в настоящее время может служить Кодекс профессиональной этики психиатра [3], основные положения которого совпадают с этическими нормами для профессионального психолога. Но очевидно, что деятельность психолога при производстве судебной экспертизы имеет и свою специфику.

Судебная экспертиза является одним из необходимых средств выяснения истины по уголовному делу. Судебно-психологическая и комплексные с нею экспертизы производятся в интересах прежде всего общества в целом, поскольку деятельность эксперта-психолога вплотную примыкает к работе правоохранительных органов. В то же время невозможно игнорировать и то обстоятельство, что производство судебной экспертизы защищает и интересы подэкспертных лиц - будь то обвиняемый, потерпевший или свидетель. Нельзя, разумеется, понимать интересы подэкспертных упрощенно, как их личную выгоду, уклонение от ответственности - главным является справедливое объективное решение вопросов, составляющих предмет судебно-психологической экспертизы.

Этические проблемы возникают тогда, когда люди вступают между собой в определенные взаимоотношения, осуществляют совместную деятельность. Понимание целей экспертизы в совокупности с тем обстоятельством, что судебный психолог-эксперт для их достижения должен эффективно взаимодействовать с органом, назначившим экспертизу, с подэкспертными лицами и, наконец, с коллегами, определяет необходимость осознания им определенных этических принципов и их усвоения в своей профессиональной деятельности в качестве нравственной позиции.

Базисные принципы этики судебного эксперта-психолога совпадают с наиболее общими принципами этики практической психологии и биомедицины - гуманизма, ответственности, непричинения вреда, благодеяния, справедливости [1-3]. Однако использование заключения судебно-психологической экспертизы судебно-следственными органами определяет некоторую специфику практического применения этических норм экспертом-психологом, в отличие от использования этих же норм психологами, осуществляющими консультирование, диагностику в условиях психиатрической клиники, психотерапию и психокоррекцию, другие виды оказания психологической помощи. Эти отличия детерминируются тремя важными обстоятельствами.

Во-первых, судебный эксперт-психолог взаимодействует не с пациентами, которые нуждаются в психологической помощи и подвергаются психодиагностическому исследованию добровольно, исходя из своих потребностей и личной заинтересованности, а осуществляет исследование испытуемых, либо преступивших закон, либо ставших жертвами противоправных действий, что определяет своеобразие социального взаимодействия, общения между ними.

Во-вторых, эксперт-психолог в силу своего процессуального положения обладает большой властью над испытуемыми - от его выводов часто зависит дальнейшая судьба подэкспертного лица, например, для обвиняемых - квалификация статей Уголовного кодекса (с разными мерами и сроками наказания), назначение наказания с учетом смягчающих обстоятельств и т.д. Зависимость подэкспертных лиц от психодиагностических выводов психолога, используемых в судопроизводстве, накладывает на эксперта огромную ответственность за свои решения.

В-третьих, и это главное, деятельность психолога, выступающего в качестве судебного эксперта, регулируется законодательно. Он несет уголовную ответственность за определенные действия, нарушающие уголовно-процессуальную регламентацию его деятельности, обладает совокупностью обязанностей и прав.

Взаимоотношение законности и этики, законодательной регуляции деятельности эксперта-психолога и этических норм в рамках производства экспертизы можно обозначить принципом «воронки»: психолог должен действовать строго в рамках закона,

соблюдать его, но варианты поведения, часто альтернативные, в разных ситуациях при проведении экспертизы (которые в силу своего разнообразия просто не могут быть оговорены в законе) подразумевают этический, моральный выбор, диктуемый общей нравственной позицией эксперта-психолога.

Приведем один из типичных примеров, иллюстрирующих взаимоотношения этики и законности в деятельности судебного эксперта-психолога. Следователем назначена судебно-психологическая экспертиза обвиняемого в убийстве, в постановление вынесены вопросы к эксперту: «Каковы индивидуально-психологические особенности обвиняемого? Оказали ли они существенное влияние на его поведение при совершении инкриминируемых ему действий?». Эксперт-психолог, ознакомившись с материалами уголовного дела и уяснив фабулу дела, предположил, что необходимо дополнительно к вопросам следователя исследовать возможность того, что обвиняемый в момент совершения убийства находился в состоянии аффекта. Эксперт имеет определенное Уголовно-процессуальным кодексом право отвечать на вопросы, не заданные органом, назначившим экспертизу, если они имеют значение для дела и входят в его компетенцию. Однако эксперту для ответа на вопрос, не сформулированный в постановлении следователя, необходимо провести дополнительные исследования - провести более объемный и глубокий анализ материалов уголовного дела, применить большее количество экспериментально-психологических методик и потратить больше времени на клинико-психологическую беседу. Нравственная коллизия заключается в выборе между достижением истины и справедливости по делу, взятием на себя ответственности за последствия реализации своего права, непричинением вреда подэкспертному (квалификация убийства в состоянии аффекта существенно уменьшает сроки лишения свободы, следовательно, игнорирование данного обстоятельства приведет к более суровому, чем должно, наказанию), с одной стороны, и такими возможными факторами, как нехватка времени у эксперта, сознание того, что дополнительного вознаграждения за увеличение объема работы и времени он не получит, возможная личная антипатия психолога к подэкспертному, возникшая в результате вызывающего поведения последнего во время проведения экспертизы, требование следователя провести экспертизу побыстрее из-за лимита сроков следствия и т.п. - с другой.

Эксперт-психолог, сталкиваясь со сложными этическими коллизиями в своей работе, должен реализовывать наиболее общие нравственные ценности: служение истине и справедливости, беспристрастность, объективность, ответственность. Эти ценности и определяют основные этические принципы деятельности судебного эксперта-психолога.

5.2. Этические принципы деятельности судебного эксперта-психолога

5.2.1. Профессиональная компетентность

Профессиональная компетентность эксперта-психолога складывается из его специальных познаний и искусства производства судебной экспертизы и психодиагностического исследования.

Специальные психологические познания в судебно-психологической экспертизе (см. гл. 2) в качестве минимального профессионального стандарта требуют высшего психологического образования и наличия постдипломной подготовки в области судебной психологии. Это накладывает на эксперта-психолога моральную обязанность постоянного профессионального совершенствования с использованием всех доступных форм дополнительного обучения, изучением научной и методической литературы по психологическим и смежным дисциплинам, входящим в объем специальных психологических познаний, усвоением собственного опыта и опыта своих коллег. Кроме того, нравственным требованием к эксперту-психологу является и оказание профессиональной помощи своим коллегам, консультирование их при затруднениях и

сомнениях в сложных диагностических и экспертных случаях, передача своего опыта молодым начинающим психологам.

Как указывалось выше, эксперт-психолог самостоятельно принимает решения, влияющие на судьбу подэкспертных лиц, а косвенно - и на их родителей, детей, супругов, других родственников и близких. Это налагает на психолога дополнительную ответственность и, безусловно, только высокая степень овладения им специальными психологическими познаниями дает ему моральное право принимать самостоятельные ответственные решения при производстве экспертизы.

Однако для полноценного производства судебно-психологической экспертизы одного усвоения специальных познаний недостаточно. Важнейшей составляющей профессиональной компетентности судебного эксперта-психолога является искусство проведения психодиагностического исследования. Психологическое экспертное обследование происходит при непосредственном контакте с подэкспертным лицом, находящимся в сложной жизненной ситуации, что определяет выполнение ряда этических норм взаимодействия и общения. Эти нормы связаны со следующим важным этическим принципом.

5.2.2. Личностный подход

Основой этики системы отношений к испытуемому в рамках судебной экспертизы является личностный подход. Он складывается из следующих этических стандартов:

1. Уважение прав личности подэкспертного.

Любой человек, привлеченный к уголовной ответственности или участвующий в процессе суда или следствия в качестве потерпевшего или свидетеля, обладает определенной совокупностью прав, регулируемых уголовно-процессуальным законодательством. Объем данных прав может различаться в зависимости от процессуального положения подэкспертного лица (является ли оно подозреваемым; обвиняемым, не заключенным под стражу; обвиняемым, заключенным под стражу; подсудимым; потерпевшим; свидетелем), но эксперт-психолог должен иметь о законных правах каждого конкретного человека четкое представление, чтобы избежать их ущемления. Следует всегда учитывать, что одним из основных прав любого подэкспертного является право на информацию о цели и характере проводимой экспертизы. И, хотя по закону орган, ведущий производство по уголовному делу, обязан знакомить подэкспертного с постановлением или определением о назначении экспертизы, эксперт-психолог не должен отказывать в такого рода информации испытуемым по их просьбе.

2. Уважение чести и достоинства подэкспертного.

Эксперт-психолог в ходе своей деятельности часто вынужден работать с людьми, которые по-человечески, с житейской точки зрения, вызывают крайне негативное эмоциональное отношение. Это может определяться характером инкриминируемого им деяния - например, половые преступления (особенно групповые или в отношении малолетних детей), убийства, совершенные с особой жестокостью и т.п. Другим фактором эмоционального неприятия может выступать неприемлемое, с точки зрения норм межличностного общения, поведение испытуемого в процессе производства экспертизы: повышенная агрессивность, сквернословие и т.д. Нормальное субъект-субъектное взаимодействие нарушают и различные формы установочного поведения - явная симуляция, аггравация и пр. Часто раздражающими в общении являются особенности поведения, определяемые разными формами психических расстройств: гебоидное дурашливое поведение, подчеркнутая демонстративность, негативизм, повышенная подозрительность и требовательность и др. Тем не менее, в любом случае эксперт-психолог должен занимать профессиональную позицию по отношению к поведению

подэкспертных лиц (оно должно быть объектом его психодиагностического наблюдения), контролировать свои действия и высказывания, вести себя корректно.

Особенно важно избегать оценочных суждений о личности испытуемого. Эксперт-психолог должен всегда помнить, что обвиняемый в преступлении - еще не преступник, что на момент производства экспертизы его вина и ее степень еще не доказаны. Психолог не может брать на себя функции суда. Необходимо учитывать, что в ситуацию судебно-психологической и психолого-психиатрической экспертиз чаще всего попадают люди, совершившие правонарушения в силу тяжелых жизненных обстоятельств, стрессовых воздействий. Сама ситуация привлечения к уголовной ответственности, отрыв от привычных условий жизнедеятельности могут переживаться подэкспертными особо тяжело, приводить к изменениям психического состояния, настроения. Наличие у многих подэкспертных психических аномалий разной степени выраженности, мешающих им полноценно адаптироваться в обычной жизни и в условиях производства экспертизы, также требует воздержания от скоропалительных оценочных суждений, от осуждающей позиции эксперта.

При экспертном обследовании потерпевших и свидетелей необходимо помнить, что почти все они пережили психическую травму, связанную с тем, что они были очевидцами или жертвами преступлений. Особенно деликатными и требующими уважения чести и достоинства личности являются и экспериментально-психологическое исследование жертв сексуального насилия и беседа с ними. В этих случаях, с точки зрения этики, правильным будет проведение психологического исследования не только как диагностической процедуры, но и как психотерапевтического процесса.

Важным компонентом уважения чести и достоинства подэкспертных является и внутренняя культура эксперта-психолога, корректность поведения, правильная речь, аккуратность во внешнем облике. Психодиагностическое исследование - всегда диалоговое взаимодействие, со взаимным восприятием и оценкой друг друга, скрытым процессом невербального общения. От восприятия эксперта испытуемым во многом зависит и установление доверительного контакта, достижение атмосферы откровенности, заинтересованность в совместной деятельности, что является одним из важнейших условий эффективности экспертного исследования.

5.2.3. Независимость

Независимость эксперта является одним из краеугольных камней судопроизводства и достижения истины по уголовному делу. Она лежит в основе объективности и беспристрастности эксперта-психолога и непосредственно связана с его личной ответственностью за экспертные выводы.

Можно выделить несколько компонентов независимости эксперта-психолога:

1. Независимость от судебно-следственных органов. Прежде всего следует отметить, что в случаях, когда эксперт находится в какой-либо зависимости от следователя, обвинителя (прокурора) или защитника (адвоката) - например, является их родственником - то он обязан заявить самоотвод, что предусмотрено законом. Однако в жизни иногда возникают ситуации, когда между экспертом и должностным лицом нет служебной, родственной или иной зависимости, но на эксперта оказывают давление различные судебно-следственные органы, психолог находится в дружеских отношениях с лицами, причастными к суду или следствию, и т.п. - в этих случаях основой личной независимости эксперта-психолога являются только его внутренние убеждения, его общая нравственная позиция. В любом случае эксперт-психолог имеет право обжаловать действия должностных лиц (следователя, прокурора, судьи), ущемляющие его права.
2. Независимость от других участников уголовного процесса. В случаях, когда эксперт-психолог является родственником обвиняемого, потерпевшего или их законных

представителей или сам является потерпевшим или свидетелем по делу, он также обязан заявить самоотвод. Однако законом не предусмотрены случаи, когда связанными родственными или иными узами с перечисленными лицами являются друзья, коллеги или непосредственные начальники эксперта. В этих случаях проявление независимости целиком зависит от этической позиции психолога. Также сложные нравственные коллизии могут возникать в ситуациях, когда участники процесса каким-то образом связаны с психологом, а экспертизу в отношении этих лиц производят его коллеги.

3. Независимость от других экспертов-психологов. Этот аспект независимости связан с ситуациями проведения комиссионной судебно-психологической экспертизы, в которых мнения членов комиссии не совпадают друг с другом. Моральной обязанностью каждого эксперта-психолога является самокритичное отношение, уважение мнения коллег и умение признавать свои ошибки, но в случаях, когда после тщательного анализа всех аргументов других членов комиссии внутреннее убеждение эксперта-психолога в своей правоте не изменилось, этичной будет реализация своего права составить отдельное аргументированное заключение, которое будет оцениваться судом наряду с заключением других членов комиссии судебно-психологической экспертизы. Важным аспектом независимости эксперта-психолога является определение предмета и выбор конкретных методов исследования. Их он выбирает, исходя из своей профессиональной компетентности, и никто не вправе директивно заставлять его проводить те исследования, которые, по его мнению, не имеют значения для достижения истины по делу.

4. Независимость от себя. Одним из важнейших нравственных императивов является положение, зафиксированное в Кодексе профессиональной этики психиатра, но целиком относящееся и к этике эксперта-психолога: он « не вправе навязывать пациенту свои философские, религиозные, политические взгляды. Личные предубеждения ... или иные непрофессиональные мотивы не должны оказывать влияния на диагностику» [3]. При производстве судебно-психологической экспертизы, при взаимодействии с подэкспертным лицом, психолог должен абстрагироваться от личных симпатий и антипатий, от чувства жалости или, напротив, ненависти, руководствоваться только профессиональными познаниями, а также принципами беспристрастности, непредвзятости, объективности - только такая нравственная позиция является гарантией от искажений экспертного заключения под влиянием незаконной «гуманности» или «жестокости».

5.2.4. Конфиденциальность

При производстве судебной экспертизы эксперт-психолог становится обладателем большого объема информации о подэкспертном лице. Это, во-первых, все данные уголовного дела, предоставленные в распоряжение эксперта. Во-вторых, это приобщенные к уголовному делу материалы, среди которых особо конфиденциальную информацию - сведения, составляющие врачебную тайну - содержит медицинская документация. В-третьих, это информация, полученная при производстве собственного экспертно-психологического исследования, включающая результаты экспериментально-психологического изучения индивидуально-психологических особенностей и познавательной сферы подэкспертного лица. Все эти сведения эксперт-психолог не имеет права разглашать согласно закону, но они составляют конфиденциальную информацию и по этическим соображениям. Особо это касается данных собственного психодиагностического обследования, поскольку не все они могут включаться в заключение психолога (являющегося составной частью уголовного дела) для обоснования экспертных выводов. Также противоречит этическому принципу конфиденциальности и разглашение самого факта производства судебно-психологической экспертизы в отношении конкретного подэкспертного лица.

Эксперт-психолог должен помнить, что единственный адресат такого рода информации - орган, назначивший экспертизу. Включенность деятельности психолога,

проводящего судебную экспертизу, в работу судебно-следственных органов, таким образом, не делает все сведения об испытуемом абсолютно закрытыми, но определяет границы конфиденциальности. Поэтому честной позицией по отношению к подэкспертному лицу будет информирование его об этих границах - особенно в случаях, когда тот изъявляет желание сообщить психологу какие-либо сведения, но просит сохранить их в тайне. Этичным в таких случаях представляется сообщение подэкспертному, что сведения, имеющие значение для составления экспертного заключения, будут известны органу, ведущему производство по уголовному делу, а в случае открытого судебного заседания - и присутствующим в зале суда.

5.3. Этика научных исследовании

Развитие теории и методологии общей, медицинской, криминальной, возрастной психологии, других психологических дисциплин делает неизбежными научные исследования, объектом которых являются подэкспертные лица. Данные психологических исследований, проведенных с обвиняемыми, потерпевшими, свидетелями, могут и должны использоваться в соответствующих научно-исследовательских работах, но в то же время это обстоятельство диктует определенные этические нормы взаимодействия с испытуемыми. В случаях, когда для научных обобщений используются данные (заключения, протоколы экспериментальных исследований), необходимые для производства конкретных судебно-психологических экспертиз, особых этических проблем не возникает. Но подэкспертные лица могут быть в научных целях обследованы методами, не используемыми при обосновании экспертных выводов (например, тесты с факторной обработкой массива групповых данных), для самих же испытуемых цели применения каждой конкретной методики остаются неизвестными. В таких случаях этические принципы диктуют получение информированного согласия испытуемого на проведение экспериментальных исследований, которые будут использованы исключительно в научных целях.

Кроме того, очевидной нравственной нормой представляется недопустимость применения таких методов исследования, которые способны ухудшить психическое состояние испытуемого, воздействовать на его психику негативно - к примеру, искусственное вызывание фрустрации экспериментальным путем для изучения фрустрационной толерантности, применение опросников, содержащих вопросы с сексуальной тематикой для изучения особенностей самосознания лиц с парафилиями и т.д. В этих случаях психолог должен руководствоваться древнейшим принципом: «не навреди!».

Часто в научных публикациях используются конкретные примеры проведенных судебно-психологических и психолого-психиатрических экспертиз для иллюстрации каких-либо научных положений, или имеющих самостоятельное значение (психологический анализ казуистических случаев). При этом необходимо помнить, что фамилию подэкспертного, сведения о нем, время и место совершения правонарушения, другие обстоятельства анализируемого случая, не относящиеся к психологическому предмету исследования, следует приводить в самом общем или зашифрованном виде, чтобы избежать возможности идентификации испытуемого, его узнавания - особенно это относится к тем уголовным процессам, которые получили широкое освещение в средствах массовой информации.

Недопустимо влияние отказа подэкспертного от добровольного участия в научных исследованиях на отношение к нему эксперта-психолога. Напомним еще раз, что уважение прав подэкспертных является одним из основополагающих принципов этики эксперта-психолога.

Резюме

Основные принципы этики судебного эксперта-психолога проистекают из общечеловеческих ценностей и совпадают с наиболее общими принципами этики биомедицины, практической психологии и психиатрии, однако использование заключения судебно-психологической экспертизы судебно-следственными органами приводит к некоторой специфике применения этических норм в профессиональной деятельности эксперта-психолога.

Эксперт-психолог в силу своего процессуального положения должен действовать строго в рамках закона, но варианты поведения в разных ситуациях при проведении экспертизы подразумевают этический, моральный выбор, диктуемый его общей нравственной позицией.

Наиболее общие нравственные ценности, реализуемые экспертом-психологом в своей деятельности, - это служение истине и справедливости, беспристрастность, объективность, ответственность. Они определяют основные этические принципы деятельности судебного эксперта-психолога.

Профессиональная компетентность эксперта-психолога складывается из специальных психологических познаний и искусства производства судебной экспертизы и психодиагностического исследования.

Основой этики отношения к подэкспертному лицу является личностный подход, включающий уважение прав личности, чести и достоинства подэкспертного лица.

Независимость эксперта от судебно-следственных органов, от других участников уголовного процесса, от коллег по профессии и от собственных предубеждений является основой его объективности и беспристрастности.

Конфиденциальность информации об испытуемом является одним из важнейших этических принципов деятельности эксперта-психолога, а также его законодательно определенной обязанностью.

Принципы добровольного, осознанного и информированного согласия и непричинения вреда испытуемому составляют основу проведения научных психологических исследований на контингенте подэкспертных лиц.

Литература

1. Бурлачук Л.Ф., Морозов С.Н. Словарь-справочник по психологической диагностике. Киев, 1989. Приложение II. С. 176-180.

2. Основы психодиагностики. Ростов-на-Дону. 1996. Глава 1.5. Профессионально-этические принципы в психодиагностике. С. 90- 104.

3. Этика практической психиатрии. М., 1996.

Часть II Предметные виды судебно-психологической экспертизы

6. СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ОБВИНЯЕМОГО (ПОДСУДИМОГО)

Учет личностного фактора в совершении преступлений имеет немаловажное юридическое значение и должен активно использоваться в уголовном и исправительном процессах. Однако следует отметить, что юристами, психиатрами и психологами понятие «личность» зачастую трактуется по-разному, да и в психологической литературе

существует большое количество разнообразных и не всегда совместимых подходов к данной проблеме, что, естественно, препятствует полноценному и эффективному использованию профессиональных знаний о личности обвиняемых в уголовном процессе.

Проблема личности является центральной в деятельности судебного психолога-эксперта. Психологическое исследование личности подэкспертного необходимо практически во всех предметных видах экспертизы. Так, особенности мотивационной и смысловой сферы личности свидетелей могут оказывать влияние на их способность правильно воспринимать имеющие значение для дела обстоятельства и давать о них правильные показания; диагностика физиологического аффекта или иного эмоционального состояния, оказывающего существенное влияние на поведение обвиняемого, практически неосуществима без оценки роли личности в их возникновении и развитии; определение уровня личностного и интеллектуального развития имеет решающее значение при исследовании способности несовершеннолетних потерпевших по сексуальным правонарушениям правильно понимать характер и значение совершаемых с ними действий или оказывать сопротивление преступнику. В то же время судебно-психологическая экспертиза личности обвиняемых представляет собой и самостоятельный предметный вид экспертизы.

6.1. Юридическое значение

Юридической основой данного вида экспертизы является ст. 68 УПК РСФСР, в которой среди обстоятельств, подлежащих доказыванию, указываются «...иные обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого». Поскольку, согласно ст. 69 УПК РСФСР, заключение эксперта является доказательством по уголовному делу, во многих случаях возникает необходимость назначения экспертизы личности обвиняемого, которая может проводиться в рамках судебно-психологической либо комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы.

Необходимость привлечения эксперта-психолога к судебному исследованию личности определяется двумя важными, но до конца не проясненными проблемами: во-первых, как указывают многие авторы [1-3], дискуссионным остается вопрос об объеме судебного исследования личности обвиняемого; во-вторых - недостаточно разработан вопрос о предмете судебно-психологической экспертизы индивидуальных особенностей обвиняемого. Эти взаимосвязанные проблемы обусловлены тем, что законодательная формулировка содержательно не раскрывает свойств личности обвиняемого, имеющих уголовно-правовое значение и подлежащих доказыванию, не уточняет, какие же конкретно «иные обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого» имеются в виду.

При всей неоднородности взглядов на данные проблемы, существующие в юридической литературе, авторы [1-3] сходятся на том, что с уголовно-правовой точки зрения понятие «личность преступника (обвиняемого)» необходимо:
для решения вопросов, касающихся определения оснований уголовной ответственности;
для индивидуализации уголовной ответственности и наказания.

Какую роль в реализации указанных направлений судебной деятельности может выполнять судебно-психологическая экспертиза личности обвиняемого?

Рассмотрим, какие же характеристики личности преступника включены законодательством в состав преступления, являющийся основанием уголовной ответственности. Это прежде всего общие и специальные признаки субъекта преступления- возраст уголовной ответственности, гражданство, должностное положение и др. - т.е. те свойства личности (в юридическом ее понимании), которые не являются предметом психологического исследования, а представляют собой преимущественно социально-демографические характеристики. В то же время нельзя однозначно утверждать, что при определении оснований уголовной ответственности не существует необходимости привлекать заключение эксперта-психолога. На наш взгляд, экспертиза

личности обвиняемого во многих случаях способствует правильному установлению мотивов преступления, которые могут быть необходимым признаком состава преступления или выступать в качестве квалифицирующего обстоятельства - разумеется, установление искомых мотивов является прерогативой суда.

Для решения вопросов об индивидуализации уголовной ответственности и наказания использование психологических познаний при установлении обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого, становится более значимым. В этом аспекте для судебно-следственных органов научно обоснованная оценка личности обвиняемого выступает, во-первых, в качестве предпосылок установления обстоятельств, влияющих на степень и характер ответственности, т.е. смягчающих или отягчающих обстоятельств (ст. 61, 63 УК РФ). Конечно же, не все обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности, относятся к личностным характеристикам, но следует иметь в виду, что в соответствии с ч. 2 ст. 61 У К РФ судом «при назначении наказания могут учитываться в качестве смягчающих и обстоятельства, не предусмотренные частью первой настоящей статьи», а как показывает многолетняя практика судопроизводства - в качестве таких часто выступают обстоятельства, характеризующие личность виновного. Во-вторых, судебно-психологическая оценка личности обвиняемого помогает суду более полно раскрыть причины и условия, способствовавшие совершению преступления (ст. 68 УПК РСФСР). В-третьих, полное исследование личности виновного способствует правильному решению вопроса о назначении вида наказания (ч. 3 ст. 60 УК РФ). Законодателем указывается, что при назначении осужденным вида наказания подлежит проявлять индивидуальный подход с учетом, в числе прочих обстоятельств, и личности виновного. О большой роли судебно-психологической экспертизы личности обвиняемого свидетельствует тот факт, что неполное выяснение обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого, рассматривается в судебной практике (при невозможности восполнить этот пробел в судебном заседании) как основание направления дела для дополнительного расследования.

Таким образом, наиболее общими основаниями назначения судебно-психологической экспертизы индивидуально-психологических особенностей обвиняемого для судебно-следственных органов являются: потребность в установлении обстоятельств, влияющих на степень и характер ответственности, выяснении мотивов и механизма преступления, раскрытии причин и условий, способствовавших совершению преступления, а также в определении адекватного вида наказания с учетом индивидуального подхода - в тех случаях, когда достижение этого затруднительно без всесторонней и глубокой оценки личности обвиняемого, которая не может быть достигнута обычными средствами, находящимися в распоряжении следователя или суда, а требует применения специальных познаний в психологии.

6.2. Вопросы судебно-следственных органов к особенности проведения судебно-психологической экспертизы

Основной вопрос судебно-следственных органов, решаемый этим видом экспертизы: «Каковы индивидуально-психологические особенности обвиняемого (подсудимого)?»

Почему употребляется термин «индивидуально-психологические особенности», а не, к примеру, «личность» или «характер» и пр.? Дело в том, что если в житейском сознании понятие личности нередко отождествляется с представлением о человеке, то в научной психологии во многих теориях личность понимается как более узкое образование, наполненное определенным психологическим содержанием. В современной психологии существует множество определений личности. Человек же может быть описан не только с помощью понятия личности, но и характера, темперамента и других существенных свойств, которые и отличают одного человека от другого и выявляют его индивидуальность. Юридическое значение имеют как раз индивидуальные особенности обвиняемого, включающие способности, систему отношений, мировоззрение, ценности,

мотивы, привычные способы адаптации и реагирования, темперамент, характер, культурные различия, эмоциональные особенности и т.д. Понятие индивидуально-психологических особенностей включает в себя и аномалии личности, конкретизирует их, т.е. является синтезом многих характеристик человека.

Как видно, психолог-эксперт может оперировать достаточно широким кругом явлений, связанных с индивидуальными особенностями подэкспертного, что позволяет ему создавать «психологический портрет» обвиняемого как контекст решения многих юридических вопросов. В то же время в данном «психологическом портрете» могут быть упущены какие-то конкретные характеристики личности, имеющие юридическое значение и влекущие определенные уголовно-правовые последствия. Поэтому можно рекомендовать задавать вопрос и в конкретизированном виде: «Имеются ли у обвиняемого такие индивидуально-психологические особенности, как ... (перечисляются интересующие судебно-следственные органы особенности личности обвиняемого)?».

В одних случаях необходимо установление личностных черт, например, таких, как повышенная агрессивность, жестокость, импульсивность, или повышенная внушаемость, подчиняемость, в других- важное значение приобретает содержательная характеристика ценностных, нравственных ориентации, социальных установок, мотивационной, волевой сфер личности и т.д.

Более сложную и относительно мало разработанную проблему представляет экспертная оценка влияния индивидуально-психологических особенностей обвиняемого на его поведение в интересующей следствие и суд ситуации. В этом случае формулируется следующий вопрос судебно-следственных органов: «Могли ли индивидуально-психологические особенности обвиняемого оказать существенное влияние на его поведение во время совершения инкриминируемого ему деяния?».

Естественно, что личностные особенности человека проявляются в его действиях, поведение всегда определяется взаимодействием индивидуально-психологических и ситуационных факторов. Возникает вопрос: а в каких случаях следует признавать такое влияние существенным и какие уголовно-правовые последствия это влечет? С позиций судебно-психологической экспертизы, индивидуально-психологические особенности обвиняемого оказывают существенное влияние на его поведение в том случае, когда они ограничивают его способность к смысловой оценке и волевому контролю своих противоправных поступков, т.е. способность в полной мере осознавать значение своих действий или осуществлять их произвольную регуляцию и контроль в момент совершения инкриминируемых ему деяний. С юридической точки зрения, признание такого влияния существенным, т.е. ограничивающим произвольность поведения, его подконтрольность и осознанность, может выступать как обстоятельство, смягчающее ответственность. В отличие от формулы «ограниченной вменяемости» (ст. 22 УК РФ), ограничение анализируемой способности в данном случае обусловлено не медицинским критерием («психическим расстройством»), а особенностями личности или ее аномалиями неболезненного характера. Следует подчеркнуть, что простое отражение в поведении человека его индивидуальных особенностей (например, у обвиняемого диагностируется жестокость как черта личности, как привычный способ реагирования, и он совершил жестокое убийство; или обвиняемый с высокой степенью агрессивности, при сохранности структур самосознания и регуляции деятельности, совершает агрессивный деликт и т.п.) нельзя смешивать с существенным их влиянием, так как они не нарушают нормальный ход деятельности, целевую структуру поведения, а только оформляют действие, определяют способ достижения цели.

Следует учитывать разницу между социально извращенным, но подчиняющимся психологическим закономерностям поведением и поведением, протекающим с нарушениями полною осознания и контроля под существенным влиянием определенных индивидуально-психологических особенностей.

В первом случае в заключении судебно-психологической экспертизы устанавливается, что выявленные у обвиняемого индивидуально-психологические особенности нашли отражение в его поведении. Подобный ответ не приводит к сколь нибудь значимым правовым последствиям, поскольку и так очевидно, что в любом поведенческом акте отражаются индивидуально-психологические особенности человека.

Во втором же случае в заключении формулируется экспертный вывод о том, что выявленные у обвиняемого индивидуально-психологические особенности (указываются, какие) в период совершения инкриминируемых ему действий оказали существенное влияние на его поведение. При этом эксперт обязан раскрыть психологический механизм существенного влияния, показать, какие звенья мотивации поведения оказались нарушенными, основываясь на анализе взаимодействия личности и конкретной ситуации, в которой совершалось преступление. Заключение судебно-психологической экспертизы о существенном влиянии индивидуально-психологических особенностей обвиняемого на его криминальное поведение может служить основанием индивидуализации уголовной ответственности и наказания.

Данный предметный вид судебно-психологической экспертизы является одним из самых сложных, требующим опыта производства экспертизы и умения применять индивидуальный подход, идиографический анализ каждого конкретного экспертного случая. Одной из причин этого является практическая невозможность создания достаточно универсальной типологии вариантов существенного влияния индивидуально-психологических особенностей обвиняемого на его криминальное поведение, поскольку, устанавливая снижение способности субъекта в полной мере осознавать и контролировать свои действия, эксперт-психолог отталкивается не столько от психодиагностики личности испытуемого, сколько от анализа взаимодействия личностных структур с ситуационными переменными.

Во-первых, необходимо выявить субъективную значимость ситуации, степень ее новизны для испытуемого, силу ее фрустрирующего воздействия, особенности переработки ее информационных характеристик, возможности соотнесения требований ситуации с самооценкой человека, т.е. индивидуальные особенности смыслового восприятия ситуации, понимания содержащихся в ней связей и отношений.

Во-вторых, нужно выявить способность человека к адекватному целеполаганию, выбору возможных вариантов действий, прогнозу их возможных последствий, степень опосредованности поступков, компенсаторные возможности, способность к коррекции и контролю на каждом этапе генеза поведения в анализируемой ситуации, т.е. особенности регуляции поведения во время совершения преступления.

Очевидно, что при таком подходе разнообразие личностных особенностей, уникальность ситуационных воздействий, индивидуальность их личностной переработки определяют очень широкую вариативность проявлений существенного влияния личностных факторов на поведение. Тем не менее, можно увидеть и некоторые общие закономерности - как правило, ограничение способности обвиняемых к осознанию своих действий и их полноценной регуляции в основном затрагивает такие важные звенья мотивации поведения, как формирование актуальных ситуативных мотивов и процесс принятия решения. Проиллюстрируем это положение примерами.

Испытуемый К., обвиняемый в дезертирстве. С четырех лет воспитывался одной матерью, без отца. Когда отец, страдающий алкоголизмом, жил с ними, он часто бил сына, и у К. с тех нор, по показаниям матери, остался панический «животный» страх перед побоями, драками, любыми критическими ситуациями. Рос замкнутым, нерешительным, обидчивым, стеснительным. Любил животных, был очень привязан к матери. Окончил 8 классов, работал на заводе, был призван на воинскую службу. После призыва в армию стал подвергаться неуставным отношениям (побоям и издевательствам) со стороны старослужащих. Трижды совершал самовольные отлучки, приезжал к матери. Каждый раз мать привозила его обратно в воинскую часть. Находясь на гауптвахте, К. глотал гвозди,

резал себе вены. Был направлен на комплексную судебную психолого-психиатрическую экспертизу. В числе других вопросов следователя интересовало, имеются ли у К. индивидуально-психологические особенности, которые оказали существенное влияние на его поведение при совершении правонарушения.

Психиатры-эксперты пришли к выводу, что К. является акцентуированной личностью тормозимого круга, при совершении инкриминируемых ему действий мог отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими. При экспериментально-психологическом обследовании выраженных расстройств познавательной деятельности у К. не обнаруживалось. Отмечались нерезко выраженные колебания внимания, утомляемость. По данным опросника Кеттелла, теста Розенцвейга и других методик, а также психологического анализа сведений, содержащихся в уголовном деле, у К. были диагностированы следующие индивидуально-психологические особенности: повышенная чувствительносгь, ранимость, эмоциональная неустойчивость, трудности принятия решений с затруднениями нахождения адекватных конструктивных выходов из конфликтных ситуаций, интравертированность, мягкость, робость, скрытность, подчиняемость и зависимость, потребность в помощи и поддержке, склонность ориентироваться на общепринятые нормы поведения, высокий уровень тревожности и внутренней напряженности.

Анализ материалов уголовного дела и экспериментального обследования позволил придти к выводу, что выявленные индивидуально-психологические особенности К. оказали существенное влияние на его поведение при совершении инкриминируемых ему действий. В психотравмирующих условиях обострились такие его личностные черты, как повышенная ранимость, эмоциональная неустойчивость, нерешительность и пассивность. Они обусловили рост тревоги, внутренней напряженности, сопровождавшихся чувством сильного страха, ощущением субъективной безвыходности из сложившейся ситуации, восприятием возникших проблем как неразрешимых, потребностью в помощи и поддержке. Субъективная непереносимость психотравмирующих воздействий, осмысление ситуации как неразрешимой, в сочетании с доминированием мотивации избегания и трудностей принятия самостоятельных решений привели К. к резкому ограничению выбора возможных вариантов поведения, обусловили пассивный уход из конфликтной ситуации с нарушениями возможности полноценно контролировать свой поступок и прогнозировать его возможные последствия, т.е. ограничили его способность в полной мере осуществлять произвольную волевую регуляцию своих действий.

В данном примере взаимодействие личностных особенностей испытуемого, в основном характерологического уровня, с психотравмирующей, фрустрирующей его ситуацией привело к нарушению звена принятия решения с ограничением адекватного прогноза и контроля своих действий.

Однако следует учесть, что понятие индивидуально-психологических особенностей является собирательным и наряду с направленностью личности, особенностями мотивационной, волевой, эмоциональной сфер, характера, темперамента, познавательной деятельности включает в себя и социокультурно обусловленные ценностные ориентации, особенности смыслового восприятия различных ситуаций, стереотипы поведения и эмоционального реагирования. Эти особенности также в определенных условиях могут оказывать существенное влияние на поведение обвиняемого, ограничивая возможность полноценного и адекватного отражения ситуации и осознания значения своих действий, а также произвольной и осознанной регуляции, контроля своих поступков.

Характерным примером может служить комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза испытуемой С., обвиняемой в убийстве своего новорожденного ребенка. При клинико-психологическом освидетельствовании испытуемой выяснилось, что она росла в казахском селе, расположенном в Узбекистане, воспитывалась в многодетной казахской семье, где доминировали патриархальные обычаи и традиции: авторитарность отца, традиционное распределение ролевых функций в семье,

особенности полового воспитания (осуждение добрачных половых связей, вывешивание простыни во дворе после первой брачной ночи). Беременность у нее наступила вследствие изнасилования ее незнакомыми мужчинами узбекской национальности, в период ее обучения на последнем курсе СПТУ. О случившемся никому не рассказывала, боялась «позора для семьи», изгнания из дома, считала, что, если об этом узнают, то никогда не сможет выйти замуж. При этом не обращалась в женскую консультацию, не осуществляла попыток прервать беременность. Не знала, что делать, о будущем старалась не думать. Осенью, по настоянию родителей поехала поступать в один из подмосковных техникумов, где, проживая на квартире у знакомых, неожиданно для себя родила ребенка. В период, непосредственно предшествующий родам, почувствовала недомогание, не связала это с родами, считала, что у нее болт живот. Когда ребенок закричал, утопила его в бачке с водой.

Эксперты пришли к выводу, что С. психическим заболеванием не страдает, а также не обнаруживает признаков какого-либо болезненного расстройства психики, которые лишали бы ее возможности отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими. У С. выявились следующие индивидуально-психологические особенности: стремление строить свое поведение в соответствии с ожиданиями значимых людей и их ценностными ориентация-ми; покорность, подчиняемость, повиновение своим родителям (даже при внутреннем несогласии с ними), боязнь их ослушаться; особо значимой является система ценностей, включающая усвоение местных национальных обычаев и традиций (в том числе и касающихся регуляции половой жизни женщин); кроме того, С. свойственны сдержанность, тенденция не раскрывать свои чувства и переживания, трудности принятия самостоятельных решений, особенно в субъективно сложных ситуациях. Эти особенности оказали существенное влияние на ее поведение в исследуемой ситуации: они определили сокрытие факта изнасилования и беременности от окружающих; непосредственно в момент совершения инкриминируемых ей действий эти личностные особенности привели после неожиданных для нее родов к возникновению состояния крайней растерянности с выраженным чувством страха, что о рождении ребенка узнают ее родители и жители ее села, с ощущением субъективной безвыходности и доминированием мотивации скрыть рождение ребенка, спрятать его. Это обусловило сужение выбора возможных вариантов поведения и ограничение способности к прогнозированию возможных последствий своих поступков и исследуемой ситуации.

Данный пример показывает несколько иной механизм существенного влияния индивидуально-психологических особенностей на криминальное поведение, затрагивающий в большей мере звено формирования конкретной актуальной мотивации в субъективно чрезвычайной ситуации. Здесь прослеживается влияние не только черт личности и характерологических особенностей, но и ценностных ориентации, в том числе обусловленных социо- и этнокультурными факторами.

6.3. Типичные ошибки при формулировке вопросов

1. Основной ошибкой при формулировке судебно-следственными органами вопроса об индивидуально-психологических особенностях обвиняемого или подсудимого является его неполнота с психологической точки зрения.

Часто вместо обобщенного термина «индивидуально-психологические особенности» следователи и судьи используют более узкие понятия, отражающие лишь отдельные стороны или уровни личности человека, - например, такие как «черты личности», «характер», «тип высшей нервной деятельности», «темперамент» и т.п.

При экспертном исследовании индивидуально-психологических особенностей испытуемого предмет и объем психодиагностической деятельности психолог определяет, исходя из анализа фабулы каждого конкретного уголовного дела и представления о возможных механизмах мотивации правонарушения, совершенного подэкспертным лицом.

Ясно, что на стадии назначения экспертизы следователь или судья, не обладая специальными познаниями в психологии, не могут указывать психологу ни предмет, ни объем исследования личности. Поэтому, когда психолог, осуществляющий производство экспертизы личности обвиняемого или подсудимого, сталкивается с подобными вопросами, он все равно должен проводить полное психодиагностическое и экспертное исследование индивидуально-психологических особенностей подэкспертного и меры их влияния на его поведение во время совершения инкриминируемых ему действий.

2. Нередко формулируется вопрос: «Какие индивидуально-психологические особенности обвиняемого способствовали совершению преступления ?»

Ответ на данный вопрос не входит в компетенцию судебно-психологической экспертизы. Когда задают такой вопрос, обычно имеют в виду антиобщественную направленность личности, наличие у нее каких-либо антисоциальных ценностей и мотивов. Но, во-первых, моральная оценка личности является прерогативой суда, а не эксперта-психолога, во-вторых, между ценностями, главными мотивами жизнедеятельности человека и его реальным поведением существует лишь вероятностная связь - между направленностью личности и ее проявлением в поступках в конкретных ситуациях находится очень много опосредующих звеньев. Таким образом, установление причин и условий, в том числе и личностных особенностей, способствовавших совершению преступления, находится всецело в компетенции суда. Заключение же эксперта-психолога о наличии у подэкспертного определенных индивидуально-психологических особенностей может служить только необходимой предпосылкой для такого установления.

3. «Каковы мотивы инкриминируемого обвиняемому преступления?»

Ответ на данный вопрос также не входит в компетенцию судебного эксперта-психолога, поскольку понятие «мотива» в уголовном законодательстве наполнено несколько иным содержанием. Мотив в юридическом (а не в психологическом) смысле этого слова является компонентом состава преступления или выступает в качестве квалифицирующего обстоятельства - очевидно, что в таком случае установление мотивов преступления находится всецело в компетенции следствия и суда. Кроме того, в большинстве случаев перечень юридических мотивов («из хулиганских побуждений», «корыстные» и т.д.) скорее отражает их ценностную, оценочную, а не психологическую сторону. Следовательно, экспертное определение мотива преступления ничего не говорит о психологических предпосылках вины и ответственности в том смысле, который принято вкладывать в названные понятия в уголовном праве, и является избыточным по отношению к целям судебно-психологической экспертизы.

Резюме

Наиболее общими основаниями назначения судебно-психологической экспертизы индивидуально-психологических особенностей обвиняемого для судебно-следственных органов являются: потребность в установлении обстоятельств, влияющих на степень и характер ответственности, в выяснении мотивов и механизма преступления, в раскрытии причин и условий, способствовавших совершению преступления, а также в определении адекватного вида наказания с учетом индивидуального подхода - в тех случаях, когда достижение этого затруднительно без всесторонней и глубокой оценки личности обвиняемого, и эта оценка не может быть достигнута обычными средствами, находящимися в распоряжении следователя или суда, а требует применения специальных познаний в психологии.

В компетенцию судебно-психологической экспертизы входят следующие вопросы: «Каковы индивидуально-психологические особенности обвиняемого?»; «Могли ли индивидуально-психологические особенности обвиняемого оказать существенное влияние на его поведение во время совершения инкриминируемого ему деяния?».

Существенное влияние индивидуально-психологических особенностей обвиняемого на его криминальное поведение квалифицируется в тех случаях, когда они ограничивают его способность к смысловой оценке и волевому контролю своих противоправных поступков, т.е. способность в полной мере осознавать значение своих действий или осуществлять их произвольную регуляцию и контроль в момент совершения инкриминируемых ему деяний. С юридической точки зрения, признание такого влияния существенным, т.е. ограничивающим произвольность поведения, его подконтрольность и осознанность, может выступать как обстоятельство, смягчающее ответственность.

Установление мотивов преступления и личностных особенностей, способствовавших совершению преступления, является прерогативой следствия и суда и не входит в компетенцию судебно-психологической экспертизы.

Литература

1. Дагель П.С. Учение о личности преступника в советском уголовном праве. Владивосток, 1970.

2. Кузнецов А.В. Уголовное право и личность. М., 1977.

3. Орзих М.Ф. Личность и право. М., 1975.

Дополнительная литература:

1. Антонян Ю.М., Гульдан В.В. Криминальная патопсихология. М., 1991.

2. Асмолов А.Г. Личность как предмет психологического исследования. М.,1984.

3. Коченов М.М. Введение в судебно-психологическую экспертизу. М.,1980.

4. Криминальная мотивация. М., 1986.

5. Кудрявцев И.А. Судебная психолого-психиатрическая экспертиза. М., 1988. Гл. 5. КСППЭ индивидуально-психологических особенностей личности. С.122-151.

6. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.

7. Личность преступника. М., 1975.

8. Лунеев В.В. Мотивация преступного поведения. М., 1976.

9. Сафуанов Ф.С. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза личности обвиняемого // Современные проблемы психиатрии. Казань, 1994. С. 48-50.

7. СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА АФФЕКТА

Наиболее распространенным видом судебно-психологической и комплексной психолого-психиатрической экспертизы является экспертиза эмоциональных реакций и состояний обвиняемых (подсудимых). Основные сложности, связанные с судебно-психологической оценкой аффекта, обусловлены тем, что в новом Уголовном кодексе Российской Федерации, действующим с 1 января 1997 г., содержится ряд изменений, значимых для практики судебно-психологической и комплексной судебной психолого-психиатрической экспертиз, - и особо важное значение имеет новая редакция статей УК РФ, касающихся квалификации так называемых «аффективных» преступлений, т.е. преступлений, совершенных виновным под влиянием выраженных эмоциональных

реакций. Актуальность дифференцированного правового подхода к оценке таких правонарушений не вызывает сомнений - криминологи отмечают, что число убийств, совершенных в состоянии «сильного душевного волнения» увеличивается в последние годы опережающими темпами, и связывают это с ростом противозаконных посягательств на правомерно ведущих себя граждан [3].

7.1. Юридическое значение

Судебно-психологическое экспертное определение непатологических, не выходящих за пределы «нормы» эмоциональных реакций и состояний обвиняемого имеет, по сравнению с прежней практикой, иное юридическое значение. Основные изменения сводятся к следующему:

1. В рамках предыдущего Уголовного кодекса РСФСР определение состояния сильного душевного волнения имело двоякое значение. При наличии таких юридически значимых признаков, как:

умышленное совершение преступления;

совершение преступления в состоянии сильного душевного волнения;

спровоцированность возникновения состояния сильного душевного волнения противоправными действиями потерпевшего;

направленность агрессивных действий обвиняемого именно на то лицо, которое спровоцировало конфликтную ситуацию;

внезапность наступления состояния сильного душевного волнения - была возможна юридическая переквалификация статей УК РСФСР со ст. 102 («Умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах») и ст. 103 («Умышленное убийство») на ст. 104 («Умышленное убийство, совершенное в состоянии сильного душевного волнения»), и со ст. 108 («Умышленное тяжкое телесное повреждение») и ст. 109 («Умышленное менее тяжкое телесное повреждение») на ст. 110 («Умышленное тяжкое или менее тяжкое телесное повреждение, причиненное в состоянии сильного душевного волнения»).

При отсутствии признака «внезапности» состояние сильного душевного волнения рассматривалось как смягчающее ответственность обстоятельство (п. 5 ст. 38 УК РСФСР).

Само состояние сильного душевного волнения обычно квалифицировалось судом на основании экспертного вывода о наличии у подсудимого состояния «физиологического аффекта» или «эмоционального состояния, оказавшего существенное влияние на сознание и поведение».

В новом Уголовном кодексе РФ определение состояния сильного душевного волнения (аффекта) у обвиняемого используется только как квалифицирующий признак (ст. 107 «Убийство, совершенное в состоянии аффекта», ст. 113 «Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта»), а в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, уже не рассматривается. По существу, в новом кодексе принята более широкая норма - смягчающим обстоятельством является не только аффект, но и любое состояние, возникшее в ответ на противоправное или аморальное поведение потерпевшего, явившееся поводом для преступления (п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ).

2. В названии ст.ст.107 и 113 УК РФ понятие «сильное душевное волнение» заменено на понятие «аффект», а в тексте эти термины употребляются как синонимы. Иными словами, по смыслу данных статей состояние «сильного душевного волнения» приравнивается к состоянию «аффекта».

Это нововведение, по существу, является ключевым для теории и практики судебно-психологической экспертизы аффекта. Автор данной книги еще в 1991 г. [13] предлагал подобным образом изменить формулировку обсуждаемых статей УК РСФСР, основываясь на теоретическом анализе соотношения данных понятий: употребление юридического термина «сильное душевное волнение» и психологического понятия «физиологический аффект» приводило к их фактическому отождествлению, но в то же

время слишком узкий объем последнего понятия, не охватывающий на практике все случаи эмоциональных состояний, ограничивающих способность обвиняемого к осознанию и регуляции своих действий, обусловил разработку в судебной психологии множества дробных понятий (типа «аномального аффекта», «эмоционального состояния, оказывающего существенное влияние на сознание и поведение»); их квалификация в заключениях экспертов-психологов ставила перед судебно-следственными органами сложные задачи соотнесения их с определениями, содержащимися в законе. Замена же понятия «сильное душевное волнение» на «аффект» существенно упрощает задачи суда и оптимизирует его взаимодействие с экспертами-психологами, поскольку, с юридической точки зрения, более важное значение имеет не терминологическое обозначение того или иного аффективного состояния, а то, что его экспертное определение дает основания для точной их юридической квалификации и приводит к определенным правовым последствиям [14].

С практической точки зрения это нововведение означает, что суд теперь при квалификации сильного душевного волнения (аффекта) будет значительно чаще опираться на заключение психологической или психолого-психиатрической экспертизы. До настоящего времени суд мог квалифицировать состояние сильного душевного волнения самостоятельно, не назначая судебно-психологической или комплексной психолого-психиатрической экспертизы, что повышало вероятность некоторой произвольности в юридической квалификации преступления.

3. Возникновение и развитие аффекта (сильного душевного волнения) в новом УК РФ связывается не только с «насилием, издевательством, тяжким оскорблением либо иными противоправными или аморальными действиями потерпевшего», но и с «длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего».

Это, во-первых, уточняет содержание признака «внезапности» возникновения сильного душевного волнения: внезапность теперь целиком относится к субъективному генезу аффекта, а не означает непосредственности наступления аффективной реакции сразу после неправомерных действий потерпевшего.

Во-вторых, - и это главное, - существенно расширяется круг эмоциональных реакций, имеющих юридическое значение и подпадающих под понятие «аффекта» или «сильного душевного волнения»: он должен включать не только эмоциональные реакции взрывного характера, но и ряд эмоциональных состояний, возникающих в результате длительной кумуляции эмоционального напряжения в условиях длительной психотравмирующей ситуации и не обязательно носящих взрывной характер, т.е. те эмоциональные состояния, которые обычно экспертами квалифицируются как «оказывающие существенное влияние на сознание и поведение обвиняемого в момент совершения инкриминируемых ему деяний».

Таким образом, юридическое значение судебно-психологической экспертизы аффекта (эмоциональных реакций и состояний) обвиняемого (подсудимого) определяется возможностью квалификации следствием или судом ст. 107 («Убийство, совершенное в состоянии аффекта») и ст. 113 УК РФ («Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта»). Юридическая квалификация указанных статей наступает при экспертном установлении аффекта у подэкспертного в момент совершения инкриминируемых ему действий и наличии таких юридически значимых признаков, как умышленное совершение преступления, а также спровоцированность возникновения аффекта насилием, издевательством, тяжким оскорблением либо иными противоправными или аморальными действиями потерпевшего, а равно длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с противоправным или аморальным поведением потерпевшего.

Если за убийство (ст. 105 УК РФ) предусмотрены такие меры наказания, как лишение свободы на срок от восьми до двадцати лет, либо смертная казнь, либо пожизненное лишение свободы, то убийство в состоянии аффекта наказывается ограничением свободы на срок до трех лет или лишением свободы на тот же срок.

7.2. Вопросы судебно-следственных органов и особенности проведения судебно-психологической экспертизы

Основной вопрос судебно-следственных органов, который решается при данном виде судебно-психологической экспертизы:

«Находился ли обвиняемый (подсудимый) в момент совершения инкриминируемых ему действий в состоянии аффекта?»

Под аффектами в общей психологии обычно понимают сильные и относительно кратковременные эмоциональные переживания [10], которые являются ответной реакцией на сильный эмоциональный раздражитель, на уже фактически наступившую ситуацию [4]. Отличие аффектов от эмоций не столько количественное, сколько качественное - если эмоции воспринимаются субъектом как состояния своего Я, аффекты - это состояния, возникающие помимо воли человека. [10]. Самая главная особенность аффектов - это нарушения сознательного волевого контроля собственных действий [12], и именно это обстоятельство позволяет приобретать противоправным поступкам обвиняемых, совершенным в состоянии аффекта, специфическое юридическое значение [14]. С позиций уголовного законодательства, юридически значимыми могут быть признаны такие эмоциональные состояния обвиняемого, которые существенно ограничивают его «свободу воли» в выборе сознательного целенаправленного действия. Аффект, ограничивающий сознательный волевой контроль обвиняемым своих действий, тем самым, если применять юридические формулировки, снижает его способность осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими в момент совершения инкриминируемого ему деяния, что находит отражение в переквалификации его преступления на те статьи УК РФ, которые предусматривают довольно существенное смягчение наказания.

Сказанное определяет и объем понятия «аффекта», позволяя включить в него все эмоциональные реакции и состояния, которые существенным образом ограничивают способность обвиняемого при совершении преступления в полной мере осознавать характер и значение своих действий и осуществлять их произвольный волевой контроль.

На сегодняшний день в судебной психологии изучен и описан ряд таких эмоциональных состояний [5-7,9,11,16], которые, с учетом некоторой их терминологической противоречивости (что служит основанием для дискуссий между авторами), можно свести к следующим:

7.2.1. Классический физиологический аффект

Стремительно и бурно протекающая эмоциональная реакция взрывного характера, сопровождающаяся резкими, но не психотическими (как при патологическом аффекте) изменениями психической деятельности.

Состоит из трех очерченных фаз.

Основные признаки первой фазы, обычно наступающей у обвиняемых в ответ на противоправные действия потерпевшего, - «ощущение субъективной безвыходности» из сложившейся ситуации, а также «субъективная внезапность» и «субъективная неожиданность» наступления аффективного взрыва.

Вторая фаза - аффективного взрыва - характеризуется двумя основными признаками: частичным сужением сознания (с фрагментарностью восприятия и доминированием значимых переживаний) и нарушениями регуляции деятельности

(снижение контроля, утрата опосредованности действий, вплоть до двигательных стереотипии).

Поскольку аффективный взрыв - это бурная энергетическая разрядка, он может сопровождаться внешними проявлениями в моторике, речи, вегетатике и закономерно приводит к основному признаку третьей, постаффективной фазы - психической и физической астении.

7.2.2. Кумулятивный аффект

Основное отличие от классического физиологического аффекта состоит в том, что первая фаза обычно растянута по времени (от нескольких дней до месяцев и даже лет), в течение которого развивается более или менее длительная психотравмирующая ситуация, протрагированная психогения, обусловливающая кумуляцию, накопление эмоционального напряжения у обвиняемого. Кумуляции эмоционального напряжения существенно способствуют индивидуально-психологические особенности - чаще всего такие аффекты возникают у возбудимых личностей с компенсаторным высоким самоконтролем и у тормозимых, с доминированием «отказных» реакций [7,11]. Аффективный взрыв может наступить и по незначительному («реальному» или «условному») поводу, по типу «последней капли». Вторая и третья фазы кумулятивного и физиологического аффекта принципиально не отличаются. Кумулятивный аффект у психопатических личностей описан в литературе как «физиологический аффект у психопатических личностей» [11] и как «аномальный аффект» [9].

7.2.3. Аффект на фоне алкогольного опьянения

В настоящее время практически не дискутируется вопрос о правомерности диагностики аффекта у лиц, находящихся в легкой степени алкогольного опьянения, но одни авторы считают его «физиологическим» [16], другие - «аномальным» [9]. Влияние алкогольной интоксикации на динамику аффекта обычно можно проследить на первой стадии развития эмоциональной реакции - состояние опьянения обусловливает изменения субъективного восприятия и осмысления ситуации (в частности, она может восприниматься как более угрожающая) и изменения регуляции поведения (появляется ригидность, сужающая возможность выбора возможных вариантов поведения) [8], что является одним из условий, облегчающих возникновение аффекта. Вторая и третья фазы протекают как и при физиологическом аффекте. Средняя и особенно тяжелая степень алкогольного опьянения у обвиняемого практически исключают квалификацию аффекта, так как его поведение детерминируется уже расстройствами психических процессов под влиянием алкоголя.

Таким образом, понятие аффекта является родовым по отношению к таким его видовым разновидностям, как физиологический аффект, кумулятивный аффект и аффект на фоне простого алкогольного опьянения. Но, как указывалось выше, по смыслу нововведений в УК РФ понятие аффекта охватывает и такие эмоциональные состояния, которые феноменологически не носят характера физиологического аффекта, но тем не менее существенно ограничивают «свободу воли» обвиняемого при совершении преступления. Обычно в практике судебно-психологической и комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы их квалифицируют как «эмоциональные состояния, оказывающие существенное влияние на сознание и поведение». Поскольку в научной литературе они не описаны столь подробно, как варианты «физиологического аффекта», мы даем их описание с примерами из экспертной практики.

7.2.4. Эмоциональное возбуждение, оказывающее существенное влияние на сознание и поведение

Здесь наблюдается известная вариативность возникновения и развития эмоциональной реакции, но, как правило, на первой стадии происходит кумуляция эмоционального напряжения, которая в силу взаимодействия определенных личностных особенностей и ситуативных воздействий не находит отреагирования. Среди таких индивидуально-психологических особенностей можно назвать исходный низкий уровень гетероагрессивности и эмоциональной устойчивости, пониженный порог фрустрации, нетипичность внешне обвиняющих форм реагирования в конфликтных ситуациях, высокий уровень опосредованности поведения и самоконтроля, робость, нерешительность, сенситивность, склонность выражать агрессию (когда это необходимо) в социально допустимой форме. Указанные личностные особенности обусловливают, в условиях затяжного течения конфликтной фрустрирующей ситуации длительностью до нескольких лет и в ситуациях, которые блокируют прямые проявления агрессии (например, в сфере семейных отношений, или в строго регламентированных условиях военной службы), накопление эмоционального напряжения. Столь длительной кумуляции эмоционального напряжения способствуют и ограниченные ресурсы совпадающего поведения, сводящиеся к различным психологическим механизмам мотивации «избегания»: уход из ситуации, суицидальные попытки и т.д. Механизм переживания преимущественно заключается в «терпении» [I], часто феноменологически протекающем в виде депрессии невротического уровня, что может сочетаться и с «вытеснением» и образованием «аффективных комплексов» [18], непосредственно связанных с фрустрирующей ситуацией. В результате эмоциональное напряжение достигает очень высокого уровня - более высокого, чем при кумулятивном аффекте. На этом фоне даже незначительные, иногда условные фрустрирующие воздействия могут вызвать пик эмоционального возбуждения, нарастание которого обычно более сглажено, чем у взрыва при физиологическом или кумулятивном аффекте, но на высоте пика возбуждения происходит типичное сужение сознания (с фрагментарностью восприятия и доминированием эмоциональных переживаний, связанных с ситуацией) и нарушение регуляции поведения. Третья фаза характеризуется психической и физической астенией.

Описанное эмоциональное состояние можно проиллюстрировать следующим примером. Военнослужащий Б. обвинялся в умышленном убийстве своего сослуживца К. Рос и развивался нормально, закончил 8 классов и СПТУ. Работал токарем. В возрасте 22 лет женился, на следующий год родился ребенок. Был призван в армию, в строительные войска, в возрасте 25 лет. В батальоне стал подвергаться издевательствам и избиениям со стороны сержанта К. и некоторых других старослужащих. Осуществил демонстративную попытку побега из части с целью привлечения внимания командования к применению к нему неуставных отношений, однако никаких мер командирами не было принято: ни его, ни его обидчиков не наказали, в другую часть его не перевели. В день происшествия Б. утром был избит сержантом К. за отказ чистить его сапоги, и последний пригрозил избить Б. еще сильнее вечером, после работы. Б. не мог работать, думал только о предстоящем избиении, ближе к вечеру принял решение уйти из части. Когда он вышел из строящегося здания, увидел спящего на траве сержанта К. В нем «поднялась злость и ненависть», он поднял лежащий на тропинке железный прут арматуры и нанес три удара по голове К. После этого бросил прут около убитого, убежал на речку и сидел там до тех пор, пока его не нашли. По показаниям свидетелей, «у него дрожали, тряслись руки», «он был бледный», «в глазах у него было тупое выражение».

Психологический анализ материалов уголовного дела и данных экспериментально-психологического исследования выявил, что протрагированная конфликтная ситуация в виде систематического унижения чести и достоинства со стороны К. являлась личностно значимой для Б., фрустрация усугублялась его повышенной чувствительностью,

самолюбием, сознанием того, что он старше К., имеет сына. Психотравмирующие воздействия обусловили у Б. накопление эмоционального напряжения. Невозможность отреагирования эмоциональной напряженности определялась с одной стороны тем, что его действия (побег из части) не дали ожидаемых им результатов, а с другой - кумуляции напряжения способствовали такие его личностные особенности, как аффективная ригидность, склонность к застреванию на отрицательных переживаниях, восприятие этих ситуаций как трудноразрешимых, нерешительность. В день правонарушения после утреннего избиения эмоциональное напряжение достигло высокого уровня, сопровождалось доминирующим чувством страха, сосредоточением переживаний на предвосхищении угрозы, ощущением субъективной безвыходности. На фоне интенсивной эмоциональной напряженности с повышенной чувствительностью к повторным (реальным или потенциальным) фрустрирующим воздействиям у Б. при виде К. субъективно внезапно наступило эмоциональное возбуждение, на высоте которого он нанес удары прутом К. Его действия в этот момент импульсивно реализовали аффективно обусловленную цель избегания предстоящего избиения, явились отреагированием накопившегося эмоционального напряжения, сопровождались снижением контроля поведения, игнорированием возможных последствий своих действий, частичным сужением сознания с фрагментарностью восприятия (Б. не помнил точного количества ударов, их силу). Последующее поведение Б. было нецеленаправленным, состояние его характеризовалось явлениями психического истощения, астении.

На основании изложенного комиссия экспертов пришла к заключению, что эмоциональная реакция у Б. в момент совершения инкриминируемых ему деяний развивалась по механизму кумуляции эмоционального напряжения с последующим его отреагированием и не носила характера физиологического аффекта, однако эмоциональное возбуждение у Б. оказало существенное влияние на его сознание и поведение.

7.2.5. Эмоциональное напряжение, оказывающее существенное влияние на сознание и поведение

Первая стадия протекает аналогично первой фазе эмоционального возбуждения - происходит кумуляция эмоциональной напряженности. Однако эмоциональное напряжение после каждого очередного фрустрирующего воздействия не сбрасывается (по В. Вундту [2], спад эмоционального напряжения сопровождается резким ростом эмоционального возбуждения), а все более нарастает и переходит во вторую фазу, которая не носит взрывного характера, а представляет собой как бы «плато» интенсивного эмоционального напряжения. По аналогии с моделью стресса Г. Селье [15], можно сказать, что стадия сопротивления организма (первая стадия) сменяется стадией истощения адаптационных возможностей или описанной в физиологии фазой «отрицательной эмоции» [17], которая может сопровождаться угнетением интеллектуальных функций при сохранении или даже повышении энергетических ресурсов. Обычно эти состояния характеризуются меньшей интенсивностью и силой переживаний, чем эмоциональное возбуждение, но при определенной констелляции личностных и ситуационных факторов, исчерпании ресурсов совпадающего поведения и попыток субъекта адаптироваться к конфликтной стрессовой ситуации, эмоциональное напряжение может достигать такого уровня, когда нарушается процесс выбора цели действия, высвобождаются стереотипные автоматизированные движения, происходят ошибки в восприятии окружающей действительности [6]. Иными словами, определенное взаимодействие личностных особенностей обвиняемых с ситуационными переменными обусловливает такой рост эмоциональной напряженности, который сопровождается частичным сужением сознания, снижением контроля и регуляции поведения. Следует отметить, что сужение сознания выражается не столько в фрагментарности восприятия, сколько в доминировании

аффектогенной мотивации, носящей сверхзначимый, сверхценный характер и обусловливающей затруднения в осмыслении и понимании окружающего. Она же редуцирует борьбу мотивов, нарушает оценочные, прогностические и контролирующие функции человека. Третья стадия характеризуется выраженным физическим и психическим истощением.

Характерным примером может служить дело военнослужащего К., обвиняемого в умышленном убийстве фельдшера Ф. Из материалов уголовного дела, медицинской документации, показаний подсудимого и свидетелей в судебном заседании известно, что раннее развитие без заметных отклонений, был скромным, послушным, подчиняемым, не очень общительным, жалостливым, добрым, слабым по характеру, трусливым, стремился избегать конфликтных ситуаций, не мог постоять за себя в случае необходимости, был аккуратным и очень чистоплотным. Попав в армию, стал нерасторопным, не следил за собой, личную гигиену не соблюдал. Через некоторое время начал стационарно лечиться в медпункте части по поводу флегмоны ноги. Ф. заставлял К. делать самую грязную работу, каждую ночь выполнять обязанности дневального, при отказах избивал. Свидетели показывали, что в этот период К. выглядел мрачным, угнетенным, замученным, подавленным. За неделю до правонарушения Ф. дал закурить ему самодельную сигарету с наркотиком, после чего, воспользовавшись беспомощным состоянием К., совершил насильственный акт мужеложества. После этого К. переживал чувство страха, обиды, боялся огласки. В день правонарушения К. был вновь изнасилован Ф. и неизвестным ему «гражданским» в кабинете начмеда. Испытывал чувство унижения, оскорбления, подавленность и страх. Решил покончить жизнь самоубийством, пошел искать веревку в месте хранения инструментов, но ее не нашел. Увидел там гаечный ключ, и возникла мысль убить обидчиков. Вернулся в кабинет, подошел к спящему Ф. и нанес ему удар ключом по голове. После этого ключ выпал из рук, его трясло, возникла мысль: «Откуда кровь?». В это время ему показалось, что Ф. «еще хрипит». Перенес тело Ф. в блиндаж, где с помощью брючного ремня потерпевшего подвесил его за шею к трубе. Смерть Ф. наступила от механической асфиксии. К. вернулся в палату и заснул. Через час его разбудили, об убийстве вспомнил только тогда, когда стали искать Ф.

Экспертно-психологическое исследование выявило, что после призыва на военную службу у К. наступила социальная дезадаптация, сопровождающаяся заострением его личностных черт, появлением регрессивных форм поведения, ограничением круга общения, снижением активности. В период стационарного лечения на фоне дезадаптации, соматического неблагополучия, астенизации, связанной с недосыпанием в результате систематических психотравмирующих воздействий со стороны Ф., у К. происходило накопление эмоциональной напряженности. Присущие К. особенности личности препятствовали непосредственному отреагированию напряженности, повышая чувствительность к вновь возникающим фрустрируюшим воздействиям по механизму «порочного круга». Противоправные действия потерпевшего привели к такому усилению эмоциональной напряженности К. (с выраженным страхом, обидой, чувством унижения, сосредоточением эмоциональных переживаний на угрозе возможного повторения случившегося и боязни огласки), что наступило частичное сужение сознания с ощущением субъективной безысходности, суицидальными намерениями в сочетании с доминированием аффективно обусловленной мотивации достичь «ликвидации» сложившейся личностно непереносимой ситуации. Сознание К. с этого момента фиксировалось исключительно на реализации возникшей сверхзначимой мотивации. Это резко нарушило процесс целеполагания и ограничило субъективные представления о возможных способах разрешения сложившейся ситуации, привело к импульсивности принятия решения «убить Ф». Его последующие действия - нанесение удара ключом, перенос тела потерпевшего и последующее удушение последнего - реализовывало аффективно обусловленную цель, сопровождалось ограничением адекватной оценки своих действий и прогностических функций (парциальной нскритичностью), резким снижением

самоконтроля и появлением несвойственной его личностной структуре брутальной агрессии. Последующее поведение К. характеризуется дезорганизацией, истощением, с последующим сном.

Комиссия экспертов пришла к заключению, что состояние К. в тот период следует квалифицировать как выраженное эмоциональное напряжение, оказавшее существенное влияние на его сознание и поведение и ограничившее возможность осознания значения своих действий и их контроля, регуляции.

Из сказанного ясно, что если экспертно-психологическая квалификация вариантов физиологического аффекта приводит к юридической квалификации «внезапно возникшего состояния аффекта, вызванного насилием, издевательством или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего либо иными противоправными или аморальными действиями потерпевшего», то диагностика кумулятивного аффекта, а также состояния эмоционального возбуждения или напряжения, оказывающего существенное влияние на сознание и поведение обвиняемого, может быть соотнесена и с «внезапно возникшим состоянием аффекта, вызванного длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего».

Таким образом, судебно-экспертное заключение о наличии состояния аффекта должно основываться на психологической квалификации тех эмоциональных реакций и состояний, которые существенным образом ограничивают способность обвиняемого при совершении преступления в полной мере осознавать характер и значение своих действий и осуществлять их произвольный волевой контроль. При этом эксперт-психолог должен проводить дифференциальную диагностику между аффектом и эмоциональными состояниями, не достигающими степени выраженности аффекта и не оказывающими существенное влияние на сознание и поведение.

В компетенцию эксперта-психолога входит ответ на вопрос судебно-следственных органов о наличии у обвиняемого в момент совершения правонарушения состояния аффекта. Утвердительный ответ на данный вопрос, возможный при экспертном установлении физиологического аффекта и его вариантов (кумулятивного аффекта и аффекта на фоне легкого алкогольного опьянения) или эмоционального состояния (возбуждения, напряжения), оказывающего существенное влияние на сознание и деятельность обвиняемого, имеет определенное юридическое значение - квалификацию преступления по статьям УК РФ, предусматривающих смягчение наказания.

7.3. Типичные ошибки при формулировке вопросов

В связи с изменениями Уголовного кодекса, модифицирующими юридическое значение судебно-психологического экспертного определения аффекта у обвиняемых и подсудимых, теряет свое значение вопрос судебно-следственных органов «о наличии у подэкспертного в момент совершения инкриминируемых ему действий состояния физиологического аффекта или иного эмоционального состояния, оказавшего существенное влияние на его сознание и поведение».

Формулировка данного вопроса была связана с двояким использованием понятия «сильное душевное волнение» в отмененном УК РСФСР. Сильное душевное волнение у обвиняемого, наступившее в ответ на противоправные действия потерпевшего, без признака внезапности, выступало как смягчающее ответственность обстоятельство (ст. 38, п. 5 УК РСФСР), и обычно определялось на основании экспертного заключения психолога о наличии эмоционального состояния, оказавшего существенное влияние на сознание и поведение преступника. Внезапно наступившее сильное душевное волнение в ответ на противоправные действия потерпевшего служило квалифицирующим признаком состава преступления по ст. 104 и 110 УК РСФСР и, как правило, устанавливалось на основании экспертного судебно-психологического заключения о наличии у обвиняемого в момент совершения правонарушения состояния физиологического аффекта.

В действующем с 1 января 1997 г. У К РФ, как показано выше, аффект (сильное душевное волнение) используется только как квалифицирующий признак, и включает в себя как физиологический аффект и его варианты, так и эмоциональные состояния, оказывающие существенное влияние на сознание и поведение, т.е. ограничивающие возможность осознания подэкспертным лицом значения своих действий и их произвольной волевой регуляции и контроля.

Резюме

Юридическое значение судебно-психологической экспертизы аффекта (эмоциональных реакций и состояний) обвиняемого (подсудимого) определяется возможностью квалификации следствием или судом ст. 107 УК РФ («Убийство, совершенное в состоянии аффекта») и ст. 113 УК РФ («Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта»). Юридическая квалификация указанных статей наступает при экспертном установлении аффекта у подэкспертного в момент совершения инкриминируемых ему действий и наличии таких юридически значимых признаков, как умышленное совершение преступления, а также спровоцированность возникновения аффекта насилием, издевательством, тяжким оскорблением либо иными противоправными или аморальными действиями потерпевшего, а равно длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с противоправным или аморальным поведением потерпевшего.

В компетенцию судебно-психологической экспертизы входит ответ на следующий вопрос судебно-следственных органов:

«Находился ли обвиняемый (подсудимый) в момент совершения инкриминируемых ему действий в состоянии аффекта?»

Утвердительный ответ на данный вопрос возможен при экспертном установлении физиологического аффекта и его вариантов (кумулятивного аффекта и аффекта на фоне легкого алкогольного опьянения) или эмоционального состояния (возбуждения, напряжения), оказывающего существенное влияние на сознание и деятельность обвиняемого.

Таким образом, судебно-экспертное заключение о наличии состояния аффекта должно основываться на психологической квалификации тех эмоциональных реакции и состояний, которые существенным образом ограничивают способность обвиняемого при совершении преступления в полной мере осознавать характер и значение своих действий и осуществлять их произвольную волевую регуляцию и контроль. При этом эксперт-психолог должен проводить дифференциальную диагностику между аффектом и эмоциональными реакциями и состояниями, не достигающими степени выраженности аффекта и не оказывающими существенного влияния на сознание и поведение.

Литература

1. Василюк Ф.Е. Психология переживания. М., 1984.

2. Вундт В. Очерки психологии. М., 1912.

3. Изменения преступности в России: криминологический комментарий статистики преступности. М., 1994.

4. Калашник Я.М. Патологический аффект // Психология эмоций. Тексты. М., 1984. С. 220-227.

5. Коченов М.М. Введение в судебно-психологическую экспертизу. М., 1980. Гл. 6. Судебно-психологическая экспертиза аффекта.

6. Коченов М.М., Мельник В.В., Романов В.В. Судебно-психологическая экспертиза в практике органов военной юстиции. М., 1982.

7. Кудрявцев И.А., Лавринович А.Н., Сафуанов Ф.С., Ерохина М.Б. Некоторые клинические особенности и психологические механизмы регуляции поведения у психопатических личностей в состояниях эмоциональной напряженности // Кратковременные психотические состояния. М., 1983. С. 3-8.

8. Кудрявцев И.А., Сафуанов Ф.С., Голев А.С. Нарушения поведения лиц в состоянии алкогольного опьянения: психологические механизмы и правовые аспекты профилактики // Психологический журнал. 1986. № 5. С. 75-87.

9. Кудрявцев И.А. Судебная психолого-психиатрическая экспертиза. М., 1988. Гл. 4. КСППЭ эмоциональных состояний.

10. Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы, эмоции. М., 1971.

11. Печерников Т.П., Гульдан В.В., Остришко В.В. Особенности экспертной оценки аффективных реакций в момент совершения правонарушения у психически здоровых и психопатических личностей. Методическое пособие. М., 1983.

12. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1946.

13. Сафуанов Ф.С. О проблеме аффективных состояний // Советская юстиция. 1991. № 21-22. С. 4-5.

14. Сафуанов Ф.С. Об основных категориях судебно-психологической экспертизы в уголовном процессе // Психологический журнал. 1994. №3. С. 51-54.

15. Селье Г. Стресс без дистресса. М., 1979.

16. Ситковския О.Д. Судебно-психологическая экспертиза аффекта. Методическое пособие. М., 1983.

17. Физиология человека. М., 1985.

18. Jung K.-G. Analitycal Psychology: Its Theory and Practice. N.Y, 1968.

Дополнительная литература:

1. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза аффекта в свете нового Уголовного кодекса Российской Федерации: проблемы и перспективы // Психологический журнал. 1997. № 2. С. 66-73.

2. Сидоров Б.В. Аффект. Его уголовно-правовое и криминологическое значение. Казань, 1978.

8. СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА СПОСОБНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ОБВИНЯЕМОГО (ПОДСУДИМОГО) С ОТСТАВАНИЕМ В ПСИХИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ, НЕ СВЯЗАННОМ С ПСИХИЧЕСКИМ РАССТРОЙСТВОМ, В ПОЛНОЙ МЕРЕ ОСОЗНАВАТЬ ФАКТИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР И ОБЩЕСТВЕННУЮ ОПАСНОСТЬ СВОИХ ДЕЙСТВИЙ ЛИБО РУКОВОДИТЬ ИМИ

Судебно-психологическая и комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертизы несовершеннолетнего обвиняемого являются одними из наиболее сложных предметных видов экспертизы. Это определяется как неоднозначностью их юридического значения, так и необходимостью применения специальных познаний не только в общей, медицинской и социальной психологии, но и в таких теоретических и практических дисциплинах, как психология и патопсихология детей и подростков, психология развития.

Кроме того, этот вид экспертизы претерпевает значительные изменения, связанные с новыми статьями УК РФ (введенным в действие с 1 января 1997 г.), регулирующими уголовную ответственность несовершеннолетних.

8.1. Юридическое значение

До введения в действие нового УК РФ судебно-психологическая экспертиза несовершеннолетнего обвиняемого регулировалась ст. 392 УПК РСФСР, где указывалось, что «при наличии данных об умственной отсталости несовершеннолетнего, не связанной с душевным заболеванием, должно быть выявлено ..., мог ли он полностью сознавать значение своих действий». В постановлениях Пленумов Верховного Суда СССР № 1 от 16 марта 1968 г. и № 16 от 3 декабря 1976 г. добавляется и так называемый «волевой» критерий: судебно-следственные органы должны выяснять, мог ли несовершеннолетний не только сознавать значение своих действий, но и руководить ими и в какой мере.

Очевидно, что приведенная формулировка изначально была ориентирована только на проведение судебно-психологической экспертизы несовершеннолетнего, поскольку упомянуты только те формы умственной отсталости, которые не связаны с психическими расстройствами. Фактически имелась в виду задержка психического развития, обусловленная социальной или педагогической запущенностью.

Однако на практике таких случаев оказалось очень мало, поскольку подавляющее большинство выявляемых форм недостаточности интеллектуального и личностного развития у подростков связано с теми или иными видами психической патологии: психическим и психофизическим инфантилизмом, органическими поражениями головного мозга, олигофренией и др. Именно поэтому в основном освидетельствование несовершеннолетних обвиняемых стало проводиться в рамках комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы. Это обстоятельство не противоречило и подзаконным актам - в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 3 декабря 1976 г. понятие «умственная отсталость» приводится без уточнения его генеза, не ограничивается только теми формами, которые не связаны с душевным заболеванием. Более того, в последних разработках многие авторы предлагают в рамках психолого-психиатрической экспертизы выявлять не только уровень психического развития, но и отклонения в психическом развитии, которые препятствуют подэкспертному в полной мере сознавать значение своих действий или руководить ими [2, 8].

В соответствии с УК РФ, действующим с 1 января 1997 г., юридическое значение судебно-психологической и комплексной психолого-психиатрической экспертизы несовершеннолетних обвиняемых (подсудимых) претерпело существенные изменения.

Несовершеннолетними по существующему законодательству считаются лица, не достигшие 18 лет. Возраст, с которого наступает уголовная ответственность, определен 16 годами (ч. 1 ст. 20 УК РФ), но за наиболее тяжкие преступления, например, за убийство, изнасилование, кражу, разбой, грабеж, терроризм и др., уголовной ответственности подлежат лица, достигшие ко времени совершения преступления возраста 14 лет (ч. 2 ст. 20 УК РФ).

В УК РФ совершенно четко разводятся две формы отставания и отклонения в психическом развитии - связанные и не связанные с психическим расстройством.

Согласно ч. 3 ст. 20 УК РФ, если несовершеннолетний достиг возраста, с которого наступает уголовная ответственность, «но вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, он не подлежит уголовной ответственности».

Иными словами, если у несовершеннолетнего, обвиняемого в каком-либо преступлении, обнаруживаются признаки задержки психического (интеллектуального и

личностного) развития, обусловленные социальной или педагогической запущенностью, и вследствие этого он во время совершения криминальных действий был не способен в полной мере осознавать значение своих действий и контролировать их, осуществлять их волевую регуляцию, то такой несовершеннолетний вообще освобождается от уголовной ответственности.

Другие правовые последствия наступают у несовершеннолетних, которые также не в полной мере осознают и регулируют свои противоправные действия, но уже вследствие задержки или отклонения в психическом развитии, связанных с психическими расстройствами, т.е. у подростков с олигофренией, инфантилизмом, органическим поражением головного мозга, психопатией и другими формами психической патологии. В этом случае они подпадают под действие ст. 22 УК РФ: во-первых, они подлежат уголовной ответственности, во-вторых, их психические расстройства учитываются судом при назначении наказания и могут служить основанием для назначения принудительных мер медицинского характера.

Такое двоякое юридическое значение экспертизы несовершеннолетних, предопределяющее различные, даже противоположные правовые последствия в зависимости от заключения судебных экспертов-психологов и психиатров, делает необходимым решение целого ряда вопросов, задаваемых экспертам судебно-следственными органами. Следует подчеркнуть, что необходимость выяснения наличия или отсутствия психических расстройств у несовершеннолетнего обвиняемого для решения экспертных вопросов предопределяет предпочтительность назначения не однородных судебно-психологической или судебно-психиатрической экспертиз, а комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы.

8.2. Вопросы судебно-следственных органов и особенности проведения комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы

Поскольку экспертное заключение относительно меры способности несовершеннолетнего обвиняемого осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими основывается на совместных выводах и психиатров, и психологов, судебно-следственными органами должны формулироваться вопросы, относящиеся и к компетенции экспертов-психиатров, и к компетенции экспертов-психологов.

В ряду стандартных вопросов, задаваемых экспертам-психиатрам [4], основное значение для определения меры способности несовершеннолетнего обвиняемого осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими имеет следующий вопрос:

1. «Страдал ли несовершеннолетний обвиняемый во время совершения инкриминируемого ему деяния психическим расстройством (хроническим психическим расстройством, временным психическим расстройством, слабоумием, иным болезненным состоянием психики) ?»

Данный вопрос определяет медицинский критерий формулы невменяемости в соответствии с ч. 1 ст. 21 УК РФ, а также наличие психических расстройств, не исключающих вменяемости, в соответствии со ст. 22 УК РФ.

Ответ на этот вопрос является прерогативой судебного эксперта-психиатра, он полностью входит в его компетенцию. Участие психолога при решении данного вопроса ограничивается проведением экспериментально-психологического исследования с целью предоставления дополнительных данных для более точной диагностики психического расстройства или определения степени выраженности психических изменений.

Очевидно, что при положительном ответе на этот вопрос эксперт-психиатр должен дать синдромальную оценку и нозологическую квалификацию выявленного психического расстройства. Наиболее распространенными формами психической патологии

несовершеннолетних обвиняемых в судебной психиатрии являются психопатия, ранняя церебральная резидуально-органическая патология, шизофрення, олигофрения, психогенное состояние, острая аффективная реакция на фоне психогенного развития личности [I]. Однако выявление наличия и формы психического расстройства у подэкспертного еще не предопределяет экспертного решения о его вменяемости или невменяемости - оно лишь служит необходимой предпосылкой для решения основного вопроса о мере способности обвиняемого осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий или руководить ими в криминальной ситуации.

При отрицательном ответе на данный вопрос, т.е. при отсутствии признаков психического расстройства у несовершеннолетнего обвиняемого, необходимо экспертное исследование таких особенностей его психики, которые входят в компетенцию психолога. В этом случае необходимо дать ответ на следующий вопрос:

2. «Имеется ли у несовершеннолетнего обвиняемого отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством?»

Формулировка данного вопроса определяется ч. 3 ст. 20 УК РФ.

Перед психологом при ответе на данный вопрос стоит задача выявления признаков задержки психического развития у подростков, не обнаруживающих какого-либо психического расстройства. Как указывает М.М. Коченов [5], а вслед за ним и другие авторы [7,9], в генезе этого варианта отставания в психическом (интеллектуальном и личностном) развитии основную роль играют следующие факторы:

социальная и педагогическая запущенность, которая может выражаться в неправильных формах воспитания в семье - гипер- и гипоопеке, эмоциональном отвержении и др., недостаточном управлении процессом психического развития со стороны школы и т.д.;

наличие сенсорного дефекта (слабое зрение, частичная глухота и т.п.), который своевременно не распознан, и, соответственно, учебный и воспитательный процесс не организован с учетом физического недостатка ребенка;

перенесение ребенком в раннем детстве длительных или тяжелых соматических заболеваний, которые могут вызывать нарушения нормального психического развития, особенно в так называемые «сензитивные» периоды, когда в психике ребенка происходят качественные новообразования.

Формы проявления отставания в психическом развитии могут быть разнообразными, особенно сложными бывают соотношения между уровнем развития познавательных процессов и эмоционально-волевой, мотивационной сфер. В одних случаях можно диагностировать тотальную задержку и интеллектуальной, и личностной сферы, в других - на первый план могут выступать отклонения в эмоционально-волевой сфере, дисгармония различных сторон психики, вплоть до таких парадоксальных сочетаний, когда выраженное эмоционально-волевое недоразвитие сосуществует с интенсивным развитием интеллектуальных способностей [5, с. 75].

Отрицательный ответ на данный вопрос, т.е. констатация экспертом-психологом отсутствия у несовершеннолетнего обвиняемого признаков отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, означает, что подэкспертный мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий, а также руководить ими в момент совершения инкриминируемого ему деяния, и, следовательно, он подлежит уголовной ответственности.

При положительном ответе, т.е. при наличии у несовершеннолетнего обвиняемого психического недоразвития, не связанного с психическим расстройством, необходимо выяснить, мог ли он в полной мере осознавать значение своих действий или осуществлять их произвольную волевую регуляцию. Это же обстоятельство, как указывалось выше, необходимо устанавливать при экспертном психолого-психиатрическом исследовании и при выявлении психического расстройства у подэкспертного лица. Поэтому основной вопрос судебно-следственных органов должен формулироваться следующим образом:

3. «Мог ли несовершеннолетний обвиняемый во время совершения инкриминируемого ему деяния осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими, и, если мог, то в полной ли мере?»

При ответе на данный вопрос могут существовать три варианта ответа:

не мог осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими;

мог осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими, но не в полной мере;

мог полностью осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими.

Однако, в зависимости от характера ответа на предыдущие два вопроса, юридическое значение вариантов экспертного решения на третий вопрос может быть разным (см. рис. 6).

Так, при наличии у несовершеннолетнего обвиняемого какого-либо психического расстройства, определяющего его неспособность осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими при совершении общественно опасного деяния, суд может сделать вывод о его невменяемости. Это означает, что подэкспертный не подлежит уголовной ответственности, и ему судом могут быть назначены принудительные меры медицинского характера (ст. 21 УК РФ).

Если же у несовершеннолетнего обвиняемого обнаруживается психическое расстройство, ограничивающее его способность в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими при совершении преступления, то он подлежит уголовной ответственности, однако его психическое расстройство учитывается судом при назначении наказания и может служить основанием для назначения принудительных мер медицинского характера (ст. 22 УК РФ).

В то же время ограничение способности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими, обусловленное отставанием несовершеннолетнего обвиняемого в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, приводит к принципиально иным правовым последствиям - такой подросток не подлежит уголовной ответственности (ч. 3 ст. 20 УК РФ).

Рис. б. Юридическое значение заключения комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы несовершеннолетних обвиняемых

В случаях же, когда подэкспертный обнаруживает способность осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими, вне зависимости от того, имеются ли у него признаки психического расстройства либо отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, или нет, суд признает его вменяемым, и он подлежит уголовной ответственности на общих основаниях.

Определение неспособности несовершеннолетнего обвиняемого осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими вследствие психического расстройства полностью входит в компетенцию эксперта-психиатра. В этом случае данные экспериментально-психологического исследования могут использоваться психиатром в качестве вспомогательных аргументов в пользу такого экспертного вывода. Как правило, это такие особенности познавательной деятельности и эмоционально-волевой сферы, как некритичность мышления, нарушения произвольной регуляции деятельности, снижение интеллектуальной продуктивности, неустойчивость внимания, снижение объема памяти, низкая обучаемость, определяющие неспособность к смысловой оценке своего поведения и нарушения целенаправленности действий.

Способность подэкспертного осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий или руководить ими может определяться экспертом-психиатром

при диагностике психических расстройств или совместно экспертами-психиатрами и психологами при отсутствии признаков какого-либо психического расстройства. Психологические данные в этом случае используются и при обшей оценке особенностей психики несовершеннолетних и при анализе конкретной мотивации подростка в момент совершения инкриминируемого ему деяния.

В работе В.А. Гурьевой, Е.Г. Дозорцевой [1, с. 210-211] указываются такие особенности (по результатам экспериментально-психологического исследования), как хорошая общая осведомленность, способность к абстрактному мышлению, возможность самостоятельной организации деятельности, целенаправленность поведения, способность к учету социальных норм, социализированность интересов и ценностей, адекватная реакция на судебно-следственную ситуацию. В то же время Т.П. Печерникова, В.В. Гульдан [9, с. 99] приводят данные об ограниченном запасе общих сведений и знаний, конкретности мышления, бедности и примитивности интересов, несформированности морально-этических норм поведения, асоциальности установок. Такая разноречивость сведений об особенностях и уровне развития интеллекта и личности подростков, обнаруживающих способность к адекватному осознанию и произвольной регуляции и контролю своих действий, показывает, что основное внимание при судебно-экспертном исследовании необходимо обращать не на результаты тестирования, а на анализ мотивации правонарушения.

У вменяемых несовершеннолетних обвиняемых выявляется сохранность структуры мотивации, целенаправленность криминального поведения, понимание противоправности и наказуемости содеянного, полноценный контроль своих поступков.

Наиболее сложным представляется экспертная оценка ограничения способности несовершеннолетнего обвиняемого осознавать в полной мере фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими. Оценка названной способности входит в совместную компетенцию эксперта-психиатра и психолога в случае, если подэкспертный обнаруживает признаки какого-либо психического расстройства, и в компетенцию эксперта-психолога в случае, когда у подростка выявляется отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством.

Клинические критерии ограниченной способности несовершеннолетнего обвиняемого к осознанной регуляции своего поведения в криминальной ситуации сводятся, при всем многообразии их вариантов в зависимости от вида психического расстройства, к частичной задержке интеллектуального и эмоционально-волевого развития, парциальной критичности, ограниченной способности к опосредованию действий, психосексуальному инфантилизму, неустойчивости социальной адаптации, регредиентному характеру психопатологических проявлений [3]. Клинические данные характеризуют в первую очередь сохранность потенциальной способности подростков к осознанию и контролю своего поведения.

Психологические критерии ограничения обсуждаемой способности у несовершеннолетних обвиняемых применяются уже при анализе конкретной мотивации правонарушения в интересующий суд и следствие период времени. В литературе [1, 6, 9] описаны три типа нарушений мотивации:

- преобладание игровой мотивации поведения при совершении правонарушения с расстройствами прогноза возможных последствий своих поступков и их адекватной оценки;
- некритичное подражание действиям референтной подростковой группы, которая у внушаемых и конформных подростков может выражаться в имитации образцов поведения членов референтной группы или непосредственном подчинении указаниям авторитетных для них людей без достаточного прогноза результатов, а у эмоционально неустойчивых несовершеннолетних, склонных к дезорганизации при фрустрирующих воздействиях, - в совершении правонарушения под воздействием прямых угроз членов асоциальной подростковой группы;

- недостаточная опосредованность действий с импульсивностью поступков, с нарушением процесса принятия решения - при столкновении интеллектуально и личностно незрелых подростков со сложными ситуациями, предъявляющими повышенные требования их психическим возможностям.

8.3. Типичные ошибки при формулировке вопросов

Основной и часто встречаемой ошибкой судебно-следственных органов является формулировка ими вопроса «о соответствии уровня психического развития несовершеннолетнего обвиняемого его паспортному (календарному) возрасту».

Детальная аргументация необоснованности и неправомерности постановки перед экспертами подобного вопроса дана И.А. Кудрявцевым и Е.Г. Дозорцевой [7]. В их работе показано, что ответ на данный вопрос не входит в компетенцию эксперта-психолога по следующим основаниям:

в научной психологии психологический возраст рассматривается как качественно определенный возрастной период психического развития, что не равноценно календарному паспортному возрасту и гораздо шире его границ;

существует межиндивидуальная вариативность показателей психического развития, а также вариативность, связанная с культурными и региональными различиями;

при наличии у подростка какой-либо психической патологии или особой социальной ситуации развития применение обычных возрастных нормативов (разрабатываемых, как правило, на психически здоровых людях) практически невозможно, поскольку в этом случае отличия от этих нормативов будут не столько количественные, сколько качественные.

Основным же аргументом может служить то обстоятельство, что юридическое значение имеет не констатация соответствия уровня психического развития тому или иному календарному возрасту, а дифференцированное решение вопроса о мере способности несовершеннолетнего обвиняемого осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий или руководить ими - как показано выше, варианты экспертного решения этого вопроса в зависимости от наличия или отсутствия психического расстройства, а также отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, влекут принципиально различные правовые последствия по УК РФ.

Резюме

Судебная экспертиза способности несовершеннолетних обвиняемых (подсудимых) в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими имеет неоднородное юридическое значение.

Согласно ч. 3 ст. 20 УК РФ, если несовершеннолетний достиг возраста, с которого наступает уголовная ответственность, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, он не подлежит уголовной ответственности.

Несовершеннолетние, которые также не в полной мере осознают и регулируют свои противоправные действия, но уже вследствие задержки или отклонения в психическом развитии, связанных с психическими расстройствами, подпадают под действие ст. 22 УК РФ: во-первых, они подлежат уголовной ответственности, во-вторых, их психические

расстройства учитываются судом при назначении наказания и могут служить основанием для назначения принудительных мер медицинского характера.

При наличии у несовершеннолетнего обвиняемого психического расстройства, определяющего его неспособность осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими при совершении общественно опасного деяния, суд может сделать вывод о его невменяемости. Это означает, что подэкспертный не подлежит уголовной ответственности, и ему судом могут быть назначены принудительные меры медицинского характера (ст. 21 УК РФ).

Необходимость выяснения наличия или отсутствия психических расстройств у несовершеннолетнего обвиняемого для решения экспертных вопросов предопределяет предпочтительность назначения не однородных судебно-психологической или судебно-психиатрической экспертиз, а комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы.

В компетенцию психолого-психиатрической экспертизы при определении способности несовершеннолетнего обвиняемого осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими входят следующие вопросы:

«Страдал ли несовершеннолетний обвиняемый во время совершения инкриминируемого ему деяния психическим расстройством?»

«Имеется ли у несовершеннолетнего обвиняемого отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством?»

«Могли несовершеннолетний обвиняемый во время совершения инкриминируемого ему деяния осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими, и, если мог, то в полной ли мере?»

В компетенцию судебного эксперта-психолога входят ответы на второй и частично на третий вопросы.

В зависимости от утвердительных или отрицательных ответов экспертов при последовательном рассмотрении вопросов возможны различные правовые последствия, вытекающие из выводов комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы.

Вопрос о соответствии уровня психического развития несовершеннолетнего обвиняемого его паспортному (календарному) возрасту не входит в компетенцию судебного эксперта-психолога.

Литература

1. Гурьева В.А. Подростковая судебная психиатрия. М., 1996.

2. Гурьева В.А., Дозорцева Е.Г. Дискуссионные вопросы ограниченной вменямости несовершеннолетних // Ограниченная вменяемость. М., 1996. С. 40-46.

3. Гурьева В.А., Семке В.Я., Гиндикин В.Я. Психопатология подросткового возраста. Томск, 1994.

4. Дмитриева Т.Е., Агаларзаде А.З., Шишков С.Н. Подготовка следователем материалов для судебно-психиатрической экспертизы. Методическое пособие. М., 1995.

5. Коченов М.М. Введение в судебно-психологическую экспертизу. М., 1980. Гл. 5. Судебно-психологическая экспертиза несовершеннолетних обвиняемых. С. 68-83.

6. Кудрявцев И.А. Судебная психолого-психиатрическая экспертиза. М., 1988. Гл. 6. КСППЭ несовершеннолетних обвиняемых и потерпевших. С. 152-180.

7. Кудрявцев И.А., Дозорцева Е.Г. Психологический возраст: методологические проблемы и судебная экспертная практика // Психологический журнал. 1988. № 6. С. 103-115.

8. Организация и проведение судебно-психиатрической экспертизы несовершеннолетних. М., 1994.

9. Печерникова Т.Л., Гульдан В.В. Актуальные вопросы комплексной психолого-психиатрической экспертизы // Психологический журнал. 1985. № 1. С. 96-104.

Дополнительная литература:

1. Сафуанов Ф.С. Психолого-психиатрическая экспертиза несовершеннолетнего обвиняемого // Российская юстиция. 1997. № 7. С. 29.

9. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ОБВИНЯЕМОГО (ПОДСУДИМОГО)

9.1. Проблема «ограниченной вменяемости»

В настоящее время стало общепризнанным и не требующим особых доказательств фактом реальное существование психических расстройств и состояний, обусловливающих ограничение способности осознавать значение своих действий или руководить ими при совершении субъектом противоправных поступков. Однако в рамках судебно-психиатрической экспертизы признание этого факта в онтологическом плане до последнего времени не приводило к каким-либо значимым практическим правовым последствиям: юридическое значение имели только взаимополярные экспертные выводы - мог или не мог обвиняемый отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими вследствие психического расстройства.

В ст. 22 нового УК РФ, введенного в действие с 1 января 1997 г., учитывается уже и ограниченная способность вменяемого лица осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие психического расстройства. Правовые последствия анализируемой ограниченной способности являются сложными, состоящими по меньшей мере из двух элементов [2]. Первый из них - учет ограниченной вменяемости при назначении наказания - относится прежде всего к способности быть субъектом уголовной ответственности и выражается, в частности, в квалификации ограниченной вменяемости в качестве обстоятельства, смягчающего ответственность. Второй элемент обозначен в УК РФ как сочетание применения наказания с принудительными мерами медицинского характера, т.е. учитывается и способность человека быть субъектом отбывания наказания. Осужденный с психическими аномалиями нуждается в применении дополнительных медико-психологических мер не только и не столько потому, что в прошлом, в момент совершения преступления имеющиеся психические расстройства ограничивали его способность к осознанию и руководству своими поступками (а именно к этому сводятся критерии ограниченной вменяемости), а скорее потому, что ко времени отбывания наказания его психические отклонения будут затруднять применение «обычных», стандартных исправительных мер, препятствуя тем самым достижению целей наказания. Поэтому не случайно в названии ст. 22 УК РФ не упоминается понятие «ограниченной вменяемости» - данная статья регулирует вопросы уголовной ответственности лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости. Очевидно, что для решения этих вопросов необходимы специальные познания в области судебной психиатрии.

Вместе с тем, существуют факторы, которые не сводятся к болезненным психическим расстройствам, не являются в строгом смысле психопатологическими (как этого требует медицинский критерий ограниченной вменяемости), но в то же время могут также обусловить у человека, совершившего правонарушение, ограничение способности к полноценному произвольному и осознанному контролю своих действий [I]. Анализом этих факторов и занимается судебно-психологическая экспертиза.

9.2. Судебно-психологическая экспертиза обвиняемых как исследование их способности в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими

Рассмотрим, какие же психологические факторы, не достигающие психопатологического уровня, могут ограничивать способность обвиняемого к осознанию и регуляции своего поведения.

9.2.1. Непатологические личностные факторы

В практике экспертизы не часто, но встречаются случаи, когда без наличия болезненного психического расстройства человек, совершающий противоправное действие, не может в полной мере понимать значение своих поступков и нормально их контролировать. Такого рода случаи освоены практикой судебно-психологической и психолого-психиатрической экспертизы, в рамках которых судебно-следственные органы часто задают вопрос о существенном влиянии личностных особенностей обвиняемого на его поведение при совершении инкриминируемых ему деяний. В настоящее время не существует психологических теорий, которые бы отрицали, что поступки человека определяются взаимодействием личностных и ситуационных факторов. А предметом экспертного исследования судебного психолога являются только те особенности психики, которые имеют юридическое значение и влекут за собой определенные правовые последствия. С этой точки, зрения судебно-психологическое экспертное заключение о том, что индивидуально-психологические особенности обвиняемого оказывают существенное

влияние на его поведение (а не просто отражаются в поведении), является оправданным только в том случае, когда они ограничивают его способность к смысловой оценке и волевому контролю своих противоправных поступков, т.е. способность в полной мере осознавать значение своих действий или руководить ими. С юридической точки зрения, экспертное признание такого влияния существенным, т.е. ограничивающим произвольность поведения, его подконтрольность и осознанность, может быть значимым для решения вопросов об индивидуализации уголовной ответственности и наказания.

9.2.2. Эмоциональные факторы

Юридической основой проведения судебно-психологической экспертизы эмоциональных состояний обвиняемого являются ст. ст. 107 и 113 УК РФ, которые содержат понятие аффекта (сильного душевного волнения), являющегося одним из компонентов квалификации аффективных преступлений. В основе отграничения сильного душевного волнения от обычного (трудно представить себе преступление, совершенное вменяемым лицом, не сопровождающееся каким-либо эмоциональным напряжением, т.е. душевным волнением) или, иными словами, аффекта (включающего физиологический, кумулятивный аффекты, аффект на фоне простого алкогольного опьянения и эмоциональные реакции и состояния, оказывающие существенное влияние на сознание и поведение), от эмоциональных реакций, не достигающих глубины аффекта, лежит снижение возможности регуляции своих действий вследствие частичного аффектогенного сужения сознания, т.е. в конечном счете все то же ограничение способности к осознанию значения своих действий или руководства ими. При установлении судом иных признаков (умышленный характер преступных действий, наличие противоправных действий потерпевшего) он может осуществить переквалификацию преступления на те статьи УК РФ, которые предусматривают существенное смягчение мер наказания (по ч. 1 ст. 107 У К РФ предусмотрено ограничение или лишение свободы на срок до трех лет, а по ст. 113 УК РФ - до двух).

Отдельную проблему аффективных деликтов составляют случаи, когда обвиняемое лицо совершает преступление в состоянии аффекта, возникшего и развившегося в ответ не на противоправные действия потерпевшего, а под влиянием других личностных и ситуативных факторов (исключая состояния наркотического или алкогольного опьянения). Такие ситуации не отражены в статьях УК РФ, смягчающих ответственность. В действующем уголовном законе дифференцированные меры наказания предусмотрены в явном виде только к матерям, совершившим убийство новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости (ст. 106 УК. РФ). Как показывает наш опыт производства экспертизы, в ряде случаев в психотравмирующих условиях у матерей при родах развивается состояние эмоционального напряжения, существенно ограничивающее их возможность в полной мере осознавать свои действия и регулировать их, и именно в этот период времени они и совершают убийство новорожденного.

Типичным примером может служить следующий случай.

Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза Л.. 22 лет, обвиняемой в убийстве своего новорожденного ребенка. По характеру формировалась исполнительной, боязливой, обидчивой, не могла за себя постоять. В школе училась средне, интереса к учебе не проявляла, стремилась к дружбе с мальчиками старшего возраста. Половая жизнь с 17 лет вне брака, имела три беременности, две предыдущие из них закончились искусственными родами. После того, как узнала о последней беременности, в течение двух недель принимала таблетки для ее прерывания, однако безрезультатно. Она решила рожать, скрыв свое состояние от родных. На восьмом месяце беременности вышла замуж за старого знакомого. В день свадьбы Л. сообщила мужу о своей беременности, к чему он отнесся отрицательно и потребовал прервать ее. В женской

консультации направление на аборт ей не дали из-за большого срока беременности, а на искусственные роды требовались большие деньги, которых у нес не было. Тем не менее сообщила мужу, что беременность прервала.

В день правонарушения находилась дома с мужем и сестрой. Поздно вечером, запершись в ванной комнате, родила жизнеспособного ребенка, нанесла ему сорок пять колото-резаных ран и выбросила труп младенца в окно.

При экспериментально-психологическом исследовании на фоне невысокого темпа умственной работоспособности, снижения активности внимания и контроля своих умственных действий, нерезко выраженной утомляемости выявилось некоторое снижение объема запоминания, невысокий уровень обобщения и абстрагирования. Были обнаружены следующие индивидуально-психологические особенности: дисгармоничная структура личности с сочетанием, с одной стороны, черт аффективной ригидности, настороженности но отношению к окружающим, осторожности, озабоченности возможными последствиями своих поступков, стремлением их планировать, высокой степени опосредованности собственных действий, сдержанности в общении, и с другой - эмоциональной неустойчивости, снижения контроля эмоциональной сферы, импульсивности, повышенной чувствительности. Выявилась негибкость поведения в стрессовых условиях и неожиданных ситуациях, с легкостью возникновения реакций растерянности, чувства вины, тревожно-депрессивных состояний, неуверенностью в себе и неумением принимать самостоятельные решения в конфликтных ситуациях, зависимостью от мнения старших, тенденцией избегать агрессивных форм поведения при фрустрации.

Клиническое исследование позволило придти к выводу, что Л. и момент совершения инкриминируемых ей деяний хроническим психическим заболеванием не страдала, обнаруживала остаточные явления органического поражения головного мозга. В этот период времени у Л. не было и признаков какого-либо временного болезненного расстройства психической деятельности. Эксперты-психиатры пришли к заключению, что Л. могла отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими, и рекомендовали суду в отношении инкриминируемого деяния считать ее вменяемой.

Психологический анализ материалов уголовного дела, данных клинико-психологической беседы и экспериментального исследования показал, что состояние Л. в период, предшествовавший инкриминируемым ей действиям, характеризовалось ростом эмоциональною напряжения, обусловленного субъективным противоречием (внутриличностным конфликтом) между собственным стремлением родить ребенка, с одной стороны, и изменившимся отношением к ней мужа (после того, как тот узнал о беременности), давлением мужа и родственников с требованием избавиться от будущего ребенка, - с другой. Кумуляции эмоционального напряжения способствовали попытки Л. найти выход из стрессовой ситуации, закончившиеся неудачами и дополнительными фрустрациями (не смогла сделать аборт из-за позднего срока беременности: не могла развестись с мужем; блокированным оказалось желание уехать к отцу и гам родить ребенка из-за отсутствия денег). Существенное влияние на кумуляцию эмоционального напряжения оказали также такие индивидуально-психологические особенности Л., как аффективная ригидность с застреваемостью на фрустрируюших воздействиях, неуверенность в себе, зависимость от мнения авторитетных лиц, которые препятствовали непосредственной разрядке внутреннего напряжения и обусловили решение сказать мужу, что она избавилась от ребенка. Уровень эмоционального напряжения Л. был настолько высоким, что сопровождался выраженной тревогой, повышенной раздражительностью, страхами, нарушениями сна. Начавшиеся ролы воспринимались Л. субъективно как внезапные и неожиданные, вызвали у нее дальнейший рост эмоционального напряжения, реакцию растерянности, дезорганизацию структуры поведения, чему существенно способствовали такие личностные черты, как эмоциональная неустойчивость, негибкость поведения в стрессовых условиях и неожиданных ситуациях, склонность к тревожно-

депрессивным реакциям. Интенсивное эмоциональное напряжение у Л. сопровождалось выраженным чувством страха, отчаяния и ощущением субъективной безвыходности из сложившейся ситуации. В этот момент произошло частичное сужение сознания Л. с фрагментарностью восприятия, доминированием личностно значимых переживаний и аффектогенно обусловленной мотивации скрыть рождение ребенка от мужа и окружающих. Ее сознание с этого момента фиксировалось исключительно на реализации возникшей свсрхзначимой мотивации, что резко снизило ее способность к адекватной оценке ситуации и собственных действий, нарушило процесс целеполагания, ограничило субъективные представления о возможных вариантах выхода из сложившейся ситуации, привело к выраженному снижению контроля с высвобождением импульсивных действий и расстройствами прогностических функций.

Комиссия экспертов пришла к выводу, что Л. в момент совершения инкриминируемых ей действий находилась в состоянии выраженного эмоционального напряжения, которое оказало существенное влияние на ее сознание и поведение, ограничив способность к адекватной оценке сложившейся ситуации, к полноценному осознанию значения своих действий, к произвольной волевой регуляции и контролю своих поступков, пониманию их возможных последствий.

Данный случай характерен тем, что применить ст. 107 УК РФ («Убийство, совершенное в состоянии аффекта») по отношению к подэкспертной невозможно, поскольку здесь отсутствует состав преступления (нет противоправных действий потерпевшего). Однако юридическая квалификация по ст. 106 УК РФ будет оправданной, поскольку из экспертного заключения следует, что состояние эмоционального напряжения у Л., ограничившее ее способность контролировать свои действия, возникло на фоне длительной психотравмируюшей ситуации.

Дело в том, что уголовное законодательство учитывает особое психофизиологическое состояние женщин во время и сразу после родов, поэтому убийство новорожденного ребенка в течение одних суток с момента появления ребенка на свет подлежит квалификации по ст. 106 УК РФ. В данном случае используется судебно-медицинский критерий определения длительности периода новорожденности, который равен 24 часам. Однако в данной статье УК РФ наряду с «убийством матерью новорожденного ребенка во время или сразу же после родов», речь идет и об аналогичном убийстве в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости.

Наибольшие сложности вызывает юридическая квалификация «психотравмирующей ситуации». Ни одна ситуация сама по себе не может выступать как фрустрирующая, оказывающая негативное воздействие на психику человека, - ее можно расценить как психотравмирующую только после тщательного анализа взаимодействия личности и ситуации, где решающее значение приобретает то психологическое значение ситуативных воздействий, которое формируется в сознании субъекта. К примеру, требование мужа избавиться от будущего ребенка будет глубоко травмирующим фактором для беременной женщины, желающей родить и воспитать ребенка, а для женщины, страдающей хроническим алкоголизмом и характеризующейся морально-этической деградацией, такая позиция супруга может выступать как нейтральное обстоятельство или даже как подкрепление собственной позиции.

В ситуациях, действительно носящих психотравмирующий характер, фрустрирующие воздействия приводят к накоплению (кумуляции) отрицательных переживаний и обусловливают рост эмоциональной напряженности. В состоянии выраженной эмоциональной напряженности поведение матери определяется во многом аффективной мотивацией, которая снижает ее возможность адекватно оценивать окружающее и свои действия, ограничивает способность контролировать свои поступки и прогнозировать их возможные последствия. Поэтому задачей психолого-психиатрической экспертизы является не определение психотравмирующего характера ситуации, в которой

находится мать-детоубийца, а оценка степени выраженности эмоционального состояния, возникновение и развитие которого вызвано психотравмирующими воздействиями, т.е. ответ на следующий вопрос судебно-следственных органов:

«Находилась ли обвиняемая (подсудимая) во время совершения инкриминируемых ей деяний в состоянии эмоционального напряженности, вызванном психотравмирующей ситуацией и оказавшем существенное влияние на ее сознание и поведение?»

Юридическое значение экспертного определения состояния эмоциональной напряженности, возникшего и развившегося в условиях психотравмирующей ситуации, заключается в квалификации ст. 106 УК РФ в тех случаях, когда убийство совершено в течение одного месяца с момента рождения ребенка (здесь используется уже не судебно-медицинский, а педиатрический критерий определения длительности периода новорожденности. Убийство ребенка, хотя и в условиях психотравмирующей ситуации, но по прошествию указанного срока, подлежит квалификации по ст. 105 УК РФ. В этом случае психотравмирующая ситуация может быть признана обстоятельством, смягчающим наказание (ч. 2 ст. 61 УК РФ).

9.2.3. Факторы психического развития

Если влияние личностных и эмоциональных факторов на способность обвиняемого в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими устанавливается судебно-психологической экспертизой, исходя из смысла статей Уголовного кодекса, регулирующих эти предметные виды экспертизы, то установление влияния психического недоразвития на ту же способность предусмотрено законом непосредственно в ч. 3 ст. 20 УК РФ. В этом предметном виде экспертизы вопрос стоит не столько в плоскости определения судом вменяемости-невменяемости обвиняемого, сколько в установлении его возможности быть субъектом уголовной ответственности. При экспертном заключении о наличии у несовершеннолетнего обвиняемого отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, такой несовершеннолетний не подлежит уголовной ответственности, но при условии, что он не мог в полной мере осознавать значения своих действий или осуществлять их волевую регуляцию и контроль.

Таким образом, при всем разнообразии психологических непатологических факторов, влияющих на структуру и динамику мотивации противоправного поведения, можно выделить как наиболее обобщенный признак судебно-психологической экспертизы обвиняемых исследование влияния описанных факторов на способность в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими. В зависимости от объекта экспертного исследования (совершеннолетние или несовершеннолетние обвиняемые) и выделения основного психологического фактора (личностного, эмоционального или онтогенетического) экспертные выводы психолога будут иметь различное юридическое значение.

9.3. Методические особенности судебно-психологического экспертного исследования обвиняемого

Судебный психолог при экспертизе индивидуально-психологических особенностей обвиняемого одновременно реализует два подхода к диагностике личности.

Первый из них предполагает экспериментально-психологическое исследование с применением психодиагностических методов. Основное место среди экспериментальных методов занимают тесты, направленные на изучение различных сторон личности. В каждой конкретной экспертизе могут применяться самые разнообразные методики в зависимости от психологического анализа фабулы уголовного дела. Главным ориентиром для эксперта-психолога является представление о том, какие аспекты, стороны и уровни

личности можно диагностировать тем или иным методом. Так, объемные личностные опросники, типа MMPI и 16-факторного личностного опросника Кеттелла используют для определения общей структуры строения личности. Для исследования мотивационной и волевой сферы, выявления особенностей смыслового восприятия и оценки различных ситуаций применяют проективные методы (ТАТ, тест Роршаха), различные варианты репертуарных решеток Келли. Такие методики, как «Уровень притязаний», «Самооценка», «Локус контроля», дают ценную информацию о личностных предпосылках целеобразования, целеполагания, принятия решений. Особенности личностного реагирования на фрустрацию, типичные способы разрешения конфликтных ситуаций исследуются тестом Розенцвейга. Кроме того, применяется направленная клинико-психологическая Гюседа, наблюдение и экспериментальное исследование особенностей познавательной деятельности (мышления, внимания, памяти) испытуемого.

Второй подход основывается на психологическом анализе материалов уголовного дела (а в рамках комплексной психолого-психиатрической экспертизы - и медицинской документации). Естественно, последний подход предъявляет особые требования к источникам информации, предоставляемым судебно-следственными органами в распоряжение экспертов. Из этих источников психолог, как правило, извлекает четыре группы данных о личности обвиняемого.

Первую из них составляют сведения об особенностях развития подэкспертного лица. Важно в уголовном деле отразить весь жизненный путь личности, в первую очередь - особенности раннего психического развития (появление речи, эмоциональные особенности, социальная ситуация развития, стиль родительского воспитания и т.д.), индивидуально-психологические особенности, уровень интеллекта, особенности социального взаимодействия со сверстниками и взрослыми в подростковом возрасте. Эти данные могут содержаться в показаниях родителей, близких родственников, воспитателей дошкольных учреждений, школьных учителей, одноклассников и других свидетелей.

Вторую группу составляют устойчивые, проявляющиеся в разных ситуациях, индивидуальные особенности: система отношений, основные ценностные ориентации, ведущие мотивы, установки, особенности межличностного взаимодействия, черты личности, характера и темперамента. Для диагностики этих особенностей психолог должен иметь в своем распоряжении показания наиболее близких к подэкспертному лиц (родственников, друзей, сослуживцев). В данных показаниях могут быть отражены характеризующие обвиняемого сведения: жизненные устремления, способы достижения им своих целей, характерологические особенности, его отношения со свидетелями, его отношение к работе или учебе, особенности его поведения в быту и на службе, особенности его эмоционального реагирования в конфликтных ситуациях, уровень его интеллектуального развития и т.п. Эти же данные могут содержать и служебные характеристики, которые полезно дополнять неформальными сведениями о подэкспертном, полученными от его непосредственных начальников и коллег по месту работы.

Третью группу данных о личности обвиняемого составляют особенности его самосознания, информацию о которых для психологического анализа эксперт может извлечь из показаний самого обвиняемого, касающихся своей самооценки, его восприятия сложившейся ситуации, оценки своих возможностей и способностей, планов на будущее и пр.

И, наконец, четвертую, и самую значимую для достижения целей экспертизы, группу данных составляют сведения об актуальном состоянии обвиняемого во время совершения инкриминируемых ему деяний. В данном случае важна информация не только о его поведении и высказываниях, которая может содержаться в показаниях непосредственных очевидцев случившегося, в материалах следственного эксперимента, выхода на место происшествия, но и о динамике субъективных переживаний подэкспертного, особенностях его осмысления ситуации в целом и восприятия действий

потерпевшего, свидетелей преступления, особенностях осмысления своих действий, эмоциональных реакций, контроля и прогноза своих действий. Для возможности психологического анализа субъективной стороны поведения обвиняемого в интересующей следствие и суд ситуации в показаниях самого обвиняемого должна быть отражена не только фабула его поведения, но и его чувства, мысли, переживания, сопровождающие его собственные действия, его эмоциональные реакции на действия окружающих, изменения обстановки и т.д.

Выводы эксперта-психолога об индивидуально-психологических особенностях обвиняемого или о его эмоциональном состоянии, или об отставании в психическом развитии, а главное - о мере их влияния на его поведение во время совершения инкриминируемых ему деяний - должны основываться на обобщении данных, полученных как при экспериментальном психодиагностическом обследовании, так и при психологическом анализе материалов уголовного дела.

Резюме

Ограничение способности обвиняемого или подсудимого в полной мере осознавать общественную опасность и фактический характер своих действий либо руководить ими может быть следствием как психопатологических, так и психологических (не достигающих психопатологического уровня) факторов.

Обусловленность ограничения анализируемой юридически значимой способности каким-либо психическим расстройством (медицинским критерием) рассматривается в рамках судебно-психиатрической экспертизы, учитывается судом при назначении наказания и может служить основанием для назначения принудительных мер медицинского характера. В компетенцию судебно-психологической экспертизы входит исследование влияния непатологических психологических факторов на возможность обвиняемого адекватно осознавать и произвольно регулировать свое поведение.

Констатация влияния личностного фактора значима для решения вопросов об индивидуализации уголовной ответственности.

Установление влияния эмоционального фактора важно для квалификации «аффекта» (сильного душевного волнения).

Когда причиной ограничения способности к осознанию и регуляции поведения выступает фактор психического недоразвития (не связанный с психическим расстройством), лицо, совершившее правонарушение, освобождается от уголовной ответственности.

Экспертные выводы психолога о мере влияния названных факторов на поведение обвиняемого во время совершения инкриминируемых ему деяний должны основываться на обобщении данных, полученных как при экспериментальном психодиагностическом обследовании, так и при анализе материалов уголовного дела.

Литература

1. Сафуанов Ф.С. Психологические факторы, обусловливающие ограничение способности осознавать значение своих действий или руководить ими // Ограниченная вменяемость. М., 1996. С. 53-59.

2. Шишков С.Н., Сафуанов Ф.С. Влияние психических аномалий на способность быть субъектом уголовной ответственности и субъектом отбывания наказания // Государство и право. 1994. № 2. С. 82-90.

Дополнительная литература:

1. Антонян Ю.М., Бородин С.В. Преступность и психические аномалии. М., 1987.

2. Боброва И.Н., Шишков С.Н. Об уменьшенной (ограниченной) вменяемости // Вопросы теории и организации судебно-психиатрической экспертизы. М., 1988. С. 152-160.

3. Бородин С.В., Полубчинская С.В. Ограниченная вменяемость в проектах нового уголовного законодательства // Правовые вопросы судебной психиатрии. М., 1990. С. 32-39.

10. СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА СПОСОБНОСТИ СВИДЕТЕЛЯ ИЛИ ПОТЕРПЕВШЕГО ПРАВИЛЬНО ВОСПРИНИМАТЬ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ИМЕЮЩИЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ДЕЛА, И ДАВАТЬ О НИХ ПРАВИЛЬНЫЕ ПОКАЗАНИЯ

10.1. Юридическое значение

Свидетельские показания являются доказательством по делу. Свидетелем в уголовном процессе может выступать любое лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, подлежащие установлению по данному делу за исключением лиц, указанных в законе (ст. 72 УПК РСФСР).

В частности, ограничением выступает неспособность свидетеля правильно воспринимать важные для дела обстоятельства и в последующем их воспроизводить, давать о них показания (п. 2 ч. 2 ст. 72 УПК РСФСР). Указанная неспособность может быть обусловлена, в числе других причин, и особенностями психической деятельности. Судебно-психологическая экспертиза назначается в соответствии с п. 3 ст. 79 УПК РСФСР «для определения психического ... состояния свидетеля или потерпевшего в случаях, когда

возникает сомнение в их способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания».

Если речь идет об исследовании степени психических нарушений у свидетелей, лишающих их способности давать показания, назначается судебно-психиатрическая экспертиза. Эксперты-психиатры устанавливают психопатологические факторы, обусловливающие грубые расстройства восприятия, памяти, мышления и речи у подэкспертных, что не дает возможность суду и следственным органам использовать их в качестве свидетеля по делу.

В то же время способность давать показания может быть нарушена в силу и непатологических особенностей психики, в первую очередь связанных с фактором интеллектуального и личностного развития. Эти случаи входят в компетенцию судебно-психологической экспертизы, и объектом ее преимущественно выступают особенности психической деятельности малолетних и несовершеннолетних потерпевших и свидетелей.

10.2. Вопросы судебно-следственных органов и особенности проведения судебно-психологичсской экспертизы

Основное значение в данном предметном виде экспертизы имеет следующий вопрос: «Способен ли под экспертный с учетом его психического состояния, индивидуально-психологических особенностей и уровня психического развития правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания?»

В отличие от других предметных видов судебно-психологической экспертизы судебно-следственные органы в данном случае интересует сохранность способности свидетеля или потерпевшего к правильному восприятию и воспроизведению важной для уголовного дела информации не в каких-либо отдельных, а во всех юридически значимых ситуациях: докриминальной, криминальной, посткриминальной, следствия, судебного разбирательства (табл.1). Так, правоохранительные органы могут интересовать не только обстоятельства, касающиеся криминальной ситуации, но и предшествующие события, а также развитие ситуации после совершения правонарушения и до начала производства по уголовному делу. Поэтому, хотя вопрос сформулирован в общем виде («способен ли...»), судебный эксперт-психолог должен проводить и ретроспективный анализ сохранности указанной способности в период времени, предшествующий производству экспертизы, и актуальный анализ во время экспертного исследования, и давать прогностическую оценку сохранности этой способности в последующем, после проведения экспертизы, в ситуациях предварительного и судебного следствия.

Необходимо иметь в виду, что содержание экспертной оценки способности давать показания может быть различным в зависимости от динамики психического состояния и уровня развития отдельных психических функций подэкспертного в различных юридически значимых ситуациях. Например, с момента совершения преступления до экспертизы проходит большой промежуток времени. У малолетней потерпевшей недостаточно сформирована долговременная память с отсроченным воспроизведением событий прошлого при ограничении ее возможности понимания сложного смысла воспринимаемого и в то же время отсутствуют нарушения или особенности психики, препятствующие отражению реальных событий. В этом случае правомерным будет экспертный вывод о том, что подэкспертная могла правильно воспринимать внешнюю сторону конкретных обстоятельств дела и давать о них правильные показания непосредственно после случившегося, но в настоящее время она не может давать правильных показаний об обстоятельствах дела [4, с. 15-16]. Другим примером может служить констатация экспертом-психологом глубокого аффекта страха с частичным сужением сознания и связанным с этим запамятованием событий у потерпевшей по делу об изнасиловании. В таком случае правильным будет заключение о том, что в период,

когда совершались преступные действия в отношении потерпевшей, она в силу глубины аффективного состояния не могла воспринимать значимые для дела обстоятельства и давать о них правильные показания, но могла правильно воспринимать и воспроизводить обстоятельства, касающиеся ситуации, предшествующей непосредственно изнасилованию. Нередко показания потерпевших в отношении событий, предшествующих преступлению, оказываются важным источником доказательств по уголовному делу.

Следует учитывать, что юридический критерий способности давать показания состоит из двух видов психической деятельности, способность к осуществлению которых и является необходимой предпосылкой для возможности использовать человека в качестве свидетеля по уголовному делу. Первый компонент юридического критерия - «способность правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела» - обычно исследуется экспертом-психологом в докриминальной, криминальной и посткриминальной ситуациях. Второй - «способность давать о них правильные показания» - имеет значение в ситуациях предварительного следствия и судебного разбирательства. Такое разделение, однако, является несколько условным, поскольку могут быть случаи, когда суд может интересовать способность к правильному восприятию некоторых событий, относящихся и к следственной ситуации - например, если обвиняемый по делу не взят под стражу, находится на свободе (подписка о невыезде) и продолжает взаимодействовать со свидетелем - в конечном счете это определяется тем, какие именно обстоятельства имеют значение для дела и могут являться доказательствами.

Эта же проблема - какого рода обстоятельства являются значимыми для уголовного дела - определяет и два типа задач, которые решает судебно-психологическая экспертиза. Как указывает М.М. Коченов [5, с. 37-38], к первому из них относится установление способности правильно воспринимать и воспроизводить отдельные факты или внешнюю сторону событий в пределах чувственного отражения действительности, т.е. время, место преступления, внешность преступника, последовательность его действий и действий других участников событий и т.п., а к второму - установление способности правильно воспринимать внутреннее содержание событий или действий (способности к осмысленному восприятию и пониманию) и в последующем их воспроизводить. Судебный эксперт-психолог должен обязательно указывать в заключении (даже если в постановлении или определении о назначении экспертизы отсутствуют уточнения о характере интересующих суд и следствие обстоятельств), на каком уровне подэкспертный способен правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания. Следует учитывать, что показания о внешней, фактической стороне событий уже являются полноценными доказательствами по делу.

При судебно-психологическом экспертном исследовании способности к восприятию важной для дела информации необходимо учитывать внешнюю (объективную) и внутреннюю (субъективную) стороны перцептивной деятельности.

Оценка ситуации должна проводиться в двух направлениях: с одной стороны, очень важно исследовать влияние на восприятие тех условий, в которых находился свидетель или потерпевший (темнота, сильный шум, быстротечность событий и пр.), с другой стороны, для анализа взаимодействия личности и ситуации необходимым представляется исследование особенностей субъективной переработки информации - в первую очередь, субъективной сложности ситуации с учетом уровня психического развития малолетнего или несовершеннолетнего, а также субъективной значимости воспринимаемых событий.

Оценка субъективной стороны восприятия включает изучение таких факторов, как:

1. Уровень развития и особенности органов чувств (анализаторов) у подэкспертного.

Учитывая конкретные условия восприятия, необходимо определять, достаточна ли абсолютная чувствительность зрительного, слухового анализаторов для возможности правильно воспринимать интересующие суд и следствие обстоятельства. В ряде случаев могут иметь значение более сложные феномены восприятия - время адаптации

зрительного анализатора к темноте, разностная чувствительность органов восприятия и др. [5, с. 44].

2. Уровень психического развития подэкспертного. Здесь особо важно исследовать уровень сформированности и особенности познавательных процессов - внимания, восприятия, мышления. Можно выделить два аспекта проявления этого фактора.

Первый из них касается естественного для конкретного возрастного периода уровня интеллектуального и личностного развития. Так, рядом авторов [5,6] выделяются юридически значимые особенности, свойственные свидетелям - детям дошкольного возраста: малая детализированность и неполнота отражения, недостаточная сформированность процессов запоминания, синкретный и аффективный характер мышления, ограниченность осмысления действительности. Эти особенности обусловливают способность воспринимать значимые для дела обстоятельства только с внешней, фактической стороны, в пределах чувственного отражения.

Второй аспект раскрывает патопсихологические нарушения нормального развития, которые могут оказывать влияние на способность к правильному восприятию юридически значимых событий не только у малолетних, но и у несовершеннолетних свидетелей и потерпевших. Отставание в психическом развитии, связанное или не связанное с психическим заболеванием, признаки инфантилизма, аномалии личностного развития и другие расстройства, характеризующиеся недоразвитием интеллекта, ограниченным кругозором и практической ориентацией, недостаточной сформированностью мотивационно-волевой и ценностной сфер, могут обусловливать невозможность воспринимать содержательную сторону событий, ее внутренний смысл.

При исследовании способности давать показания у малолетних и несовершеннолетних потерпевших по делам об изнасилованиях представляется важным исследование и уровня их сексуального самосознания, степень осведомленности в области сексуальных отношений [2, 3]. Констатация непонимания характера и значения совершаемых с потерпевшей насильственных сексуальных действий практически всегда приводит к выводу о ее неспособности правильно воспринимать имеющие значение для дела обстоятельства на смысловом, содержательном уровне. Вопрос же о способности к правильному восприятию внешней стороны событий может быть решен, в зависимости от учета других факторов, либо положительно, либо отрицательно.

3. Психическое состояние подэкспертного.

Любое преступление оказывает то или иное психотравмирующее воздействие на его очевидцев, особенно это касается потерпевших по делам об изнасилованиях. В ряде случаев в результате психотравмирующего воздействия у свидетелей, а чаще - у потерпевших, возникают кратковременные аффективные состояния (страх, растерянность), основными признаками которых, наряду с доминированием эмоциональных переживаний, являются частичное сужение сознания и нарушения произвольной регуляции поведения. Аффектогенное сужение сознания сопровождается фрагментарностью и искажением восприятия, что может приводить либо к неспособности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, либо (при слабой выраженности частичного сужения сознания) - к способности воспринимать только внешнюю сторону событий.

Экспертное заключение о способности свидетеля или потерпевшего правильно воспринимать значимую для дела информацию является необходимой предпосылкой для решения вопроса об их способности в последующем правильно ее воспроизводить. Однако нередки и такие ситуации, когда при возможности правильного восприятия событий способность давать правильные показания бывает, тем не менее, нарушена.

Судебно-психологическое исследование способности свидетелей или потерпевших давать правильные показания об обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела, также основывается на изучении ряда субъективных факторов, которые взаимодействуют

с определенными ситуационными переменными в каждом конкретном случае. Учет условий, в которых воспроизводится информация об интересующих судебно-следственные органы обстоятельствах, является одной из главных задач судебно-психологической экспертизы свидетелей [7]. Как правило, в качестве основной ситуативной переменной, которая при взаимодействии с личностными особенностями может оказать негативное влияние на способность давать правильные показания, выделяют внешнее давление значимых окружающих, заинтересованных в определенном исходе уголовного дела.

Оценка субъективной стороны способности давать правильные показания включает исследование следующих факторов:

1. Уровень психического развития подэкспертного.

На способность правильно воспроизводить важную для правоохранительных органов информацию основное влияние оказывают уровень развития и особенности мнестических и мыслительных процессов.

Недостаточное развитие памяти и мышления может быть проявлением естественной возрастной незрелости. Так, для малолетних свидетелей и потерпевших дошкольного возраста характерно недостаточное развитие произвольных, опосредованных форм запоминания, которые в совокупности с неразвитостью понимания окружающей действительности, осмысления многомерности ее взаимосвязей и взаимозависимостей, несформированностью полноценной логики, определяют способность давать правильные показания только с фактической, внешней стороны событий, при невозможности осветить в своих показаниях содержательный смысл значимых для дела ситуаций. И.А. Кудрявцев, М.В. Морозова [6] выделяют и такой тип нарушения мнестических функций как недостаточную сформированность механизмов долговременной памяти у дошкольников, что при значительной отсроченности ситуации допроса ребенка может приводить к эффектам «замещения», «вытеснения» или «рационализации» сохраняемой и перерабатываемой в памяти информации. Эффект вытеснения психотравмирующих событий особенно часто встречается у малолетних потерпевших по делам об изнасилованиях. При большом промежутке между криминальной ситуацией и допросом ребенка экспертное выявление нарушений долговременной памяти может служить основанием для заключения о неспособности такого подэкспертного давать правильные показания, даже при условии, что он был способен правильно воспринимать внешнюю сторону имеющих значение для дела обстоятельств.

Особенности памяти, мышления и речи, препятствующие возможности давать правильные показания, могут быть обусловлены не только онтогенетическим фактором, но и нарушениями нормального психического развития ребенка и подростка. У детей с задержкой или искажением психического развития, обусловленными как биологическими, так и социальными и педагогическими факторами, выявляется снижение интеллектуального уровня, несформированность процессов обобщения и абстрагирования, логики суждений, недоразвитие высших форм запоминания, недостаточный уровень общих сведений и знаний, плохая ориентировка в практических ситуациях, ограниченный словарный запас, а также недостаточная критичность, мотивационная и волевая незрелость, примитивность морального сознания и т.п. Эти патопсихологические расстройства могут обусловить неспособность малолетних и несовершеннолетних подэкспертных давать правильные показания или ограничить эту способность возможностью воспроизводить только фактическую сторону интересующих суд и следствие событий.

2 Индивидуально-психологические особенности подэкспертного.

На способность правильно воспроизводить воспринятые обстоятельства, имеющие значение по делу, могут оказать влияние такие личностные особенности подэкспертных (независимо от их возраста), как повышенная внушаемость, подчиняемость, зависимость от мнения и оценок субъективно значимых, авторитетных для них людей, а также

повышенная склонность к фантазированию. Это находит отражение в ряде рекомендаций для судебно-следственных органов задавать вопросы экспертам о наличии у подэкспертных указанных свойств [5]. Однако следует заметить, что данные особенности проявляются только при взаимодействии с определенной конкретной ситуацией. К примеру, при повышенной внушаемости малолетнего или несовершеннолетнего свидетеля в условиях, когда на него никто не оказывает какого-либо давления, он может не терять способности давать правильные показания. Могут встречаться ситуации, когда в целом подчиняемый ребенок даже при условии сильного внушающего воздействия со стороны взрослых не меняет своих показаний, поскольку они для него субъективно очень значимы. Поэтому представляется справедливым мнение И.А. Кудрявцева, М.В. Морозовой [6, с. 7], что сами по себе ответы на вопросы о наличии у подэкспертных признаков повышенной внушаемости или фантазирования не имеют важного значения, они имеют смысл только в тех случаях, когда у испытуемого не только обнаруживаются эти особенности, но и выясняется, что они оказывают влияние на его способность давать правильные показания об обстоятельствах правонарушения в конкретных условиях следственной и судебной ситуации.

Заключение судебно-психологической экспертизы о способности подэкспертного правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела и давать о них правильные показания должно быть категоричным («способен...» или «не способен...»), промежуточные выводы («способность... была ограничена») не имеют какого-либо юридического значения. В то же время, при заключении о способности правильно воспринимать и воспроизводить важную для дела информацию, эксперт-психолог должен обязательно конкретизировать категорию обстоятельств, имеющих значение для дела (внешняя сторона юридически значимых событий или внутреннее, смысловое их содержание), которые могли быть правильно восприняты и правильно воспроизведены.

10.3. Типичные ошибки при формулировке вопросов

Наиболее типичной и распространенной ошибкой является формулировка вопросов, относящихся к определению достоверности показаний свидетелей или потерпевших. Эти вопросы могут задаваться в явной форме: «Можно ли доверять показаниям подэкспертного?», «Являются ли показания подэкспертного достоверными (истинными, ложными, соответствующими действительности и т.п.)?»

В ряде случаев судебно-следственными органами вопросы о достоверности показаний формулируются в завуалированном виде: «Есть ли у подэкспертного склонность ко лжи?», «Какие индивидуально-психологические особенности подэкспертного оказали влияние на изменение его показаний в ходе следствия?», «Можно ли использовать показания подэкспертного в той мере, в какой они не противоречат другим объективным материалам дела?»

Ответы на данные и им подобные вопросы не входят в компетенцию судебно-психологической экспертизы по следующим основаниям.

Оценка показаний (их достоверности, полноты, соответствия другим материалам дела) является исключительной прерогативой судебно-следственных органов, причем орган или лицо, в производстве которого находится уголовное дело, оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности (ст. 71 УПК РСФСР). Человек, способный давать правильные показания, тем не менее может сообщать суду и следователю сведения, не соответствующие действительности. Причиной этого могут служить обстоятельства, выявление которых выходит за пределы специальных познаний эксперта - заведомая ложь, добросовестное заблуждение [I].

По смыслу п. 3 ст. 79 УПК РСФСР экспертиза направлена исключительно на субъекта, дающего показания, а не на его показания. Направленность судебно-

психологической экспертизы на оценку психических особенностей свидетеля или потерпевшего определяет еще одно важное ограничение пределов компетенции эксперта-психолога: его выводы должны касаться только принципиальной способности правильного восприятия и воспроизведения значимой для дела информации, а не исследования того, воспринял или нет подэкспертный интересующие суд и следствие события на самом деле или правильно или неправильно он их воспроизвел.

Понятие «правильный» в тексте п. 3 ст. 79 УПК РСФСР означает «адекватный», т.е. эксперт-психолог исследует принципиальную возможность адекватного восприятия, запоминания (хранения и переработки) и воспроизведения информации, имеющей значение для уголовного дела. А достоверность, соответствие действительности показаний устанавливают уже судебные и следственные органы.

Резюме

Свидетельские показания являются доказательством по делу. Свидетелем в уголовном процессе может выступать любое лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, подлежащие установлению по данному делу. Судебно-психологическая экспертиза назначается в соответствии с п. 3 ст. 79 УПК РСФСР «для определения психического ... состояния свидетеля или потерпевшего в случаях, когда возникает сомнение в их способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания». Объектом ее преимущественно выступают особенности психической деятельности малолетних и несовершеннолетних потерпевших и свидетелей.

Основное значение в данном предметном виде экспертизы имеет следующий вопрос: «Способен ли подэкспертный с учетом его психического состояния, индивидуально-психологических особенностей и уровня психического развития правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания?»

Эксперт-психолог должен исследовать указанную способность во всех юридически значимых ситуациях (докриминальной, криминальной, посткриминальной, следствия, судебного разбирательства) на основе ретроспективного анализа особенностей психики свидетеля или потерпевшего в период времени, предшествующий производству

экспертизы, актуального анализа во время экспертного исследования и прогностической оценки психического состояния в последующем, после проведения экспертизы.

Судебно-психологическая экспертиза решает два типа задач: к первому из них относится установление способности правильно воспринимать и воспроизводить отдельные факты, или внешнюю сторону событий в пределах чувственного отражения действительности, ко второму - установление способности правильно воспринимать внутреннее содержание событий или действий (способности к осмысленному восприятию и пониманию) и в последующем их воспроизводить.

При судебно-психологическом экспертном исследовании способности к восприятию важной для дела информации необходимо учитывать внешнюю (объективную) и внутреннюю (субъективную) стороны перцептивной деятельности. Оценка субъективной стороны восприятия включает изучение таких факторов, как уровень развития и особенности органов чувств (анализаторов) у подэкспертного; уровень его психического развития; психическое состояние.

Судебно-психологическое исследование способности свидетелей или потерпевших давать правильные показания об обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела, основывается на изучении ряда субъективных факторов, которые взаимодействуют с определенными ситуационными переменными в каждом конкретном случае. Оценка субъективной стороны способности давать правильные показания включает исследование уровня психического развития подэкспертного и его индивидуально-психологических особенностей.

Заключение судебно-психологической экспертизы о способности подэкспертного правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания должно быть категоричным, промежуточные выводы не имеют какого-либо юридического значения. Эксперт-психолог должен обязательно конкретизировать категорию обстоятельств, имеющих значение для дела (внешняя сторона юридически значимых событий или внутреннее, смысловое их содержание), которые могли быть правильно восприняты и правильно воспроизведены.

Пределы компетенции эксперта-психолога определяются оценкой только принципиальной способности правильного восприятия и воспроизведения значимой для дела информации, а не исследования того, воспринял или нет подэкспертный интересующие суд и следствие события на самом деле, или того, правильно или неправильно он их воспроизвел. Оценка достоверности показаний является исключительной прерогативой судебно-следственных органов и не входит в компетенцию судебно-психологической экспертизы.

Литература

1. Дмитриева Т.Б., Агаларзаде А.З., Шишков С.Н. Подготовка следователем материалов судебно-психиатрической экспертизы. Методическое пособие. М., 1995.

2. Догадина М.А., Смирнова Т.А., Ткаченко А.А. Некоторые особенности судебно-психиатрической экспертизы несовершеннолетних потерпевших - жертв сексуального насилия // Социальная и судебная психиатрия. История и современность. М., 1996. С. 356-358.

3. Метелица Ю.Л. Судебно-психиатрическая экспертиза потерпевших. М.,1990.

4. Морозова Н.Б., Шаихова Б.З. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза малолетних потерпевших. Методические рекомендации. М., 1995.

5. Коченов М.М. Введение в судебно-психологическую экспертизу. М., 1980. Гл. 3. Судебно-психологическая экспертиза способности воспринимать важные для дела обстоятельства и давать о них правильные показания.

6. Кудрявцев И.А., Морозова М.В. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза способности малолетних и несовершеннолетних давать показания. Пособие для врачей. М., 1996.

7. Осипова Н.Р. Судебно-психологическая экспертиза малолетних свидетелей // Актуальные вопросы судебно-психологической экспертизы. М., 1978.

11. СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА СПОСОБНОСТИ ПОТЕРПЕВШЕЙ ПО ДЕЛУ ОБ ИЗНАСИЛОВАНИИ ПОНИМАТЬ ХАРАКТЕР И ЗНАЧЕНИЕ СОВЕРШАЕМЫХ С НЕЮ ДЕЙСТВИЙ ИЛИ ОКАЗЫВАТЬ СОПРОТИВЛЕНИЕ

11.1. Юридическое значение

Юридическое значение судебно-психологической экспертизы способности потерпевших понимать характер и значение совершаемых с ними насильственных сексуальных действий или оказывать сопротивление виновному определяется необходимостью определения беспомощного состояния судебно-следственными органами. Беспомощное состояние является квалифицирующим признаком состава преступления по ч. 1 ст. 131 УК РФ («Изнасилование») и ч. 1 ст. 132 УК РФ («Насильственные действия сексуального характера»).

Беспомощное состояние может быть обусловлено целым рядом причин, которые в конечном счете могут быть сведены к физическим и психическим (в широком смысле) факторам [7]. К предмету судебно-психологической экспертизы не относится физическая беспомощность, наступающая в силу физических недостатков, бессознательного состояния, некоторых соматических заболеваний и т.п. Однако сфера компетенции судебного эксперта-психолога не охватывает и все виды психической беспомощности. В случаях, когда беспомощное состояние является следствием психического расстройства

(хронического или временного психического расстройства, слабоумия или иного временного болезненного состояния психики), назначается судебно-психиатрическая экспертиза, которая решает экспертные вопросы, исследуя и медицинский, и юридический критерии. В тех же случаях, когда беспомощное состояние потерпевших обусловлено психологическими факторами, не относящимися к психической патологии, проводится судебно-психологическая экспертиза, которая исследует исключительно юридический критерий беспомощного состояния.

Смысл самого юридического критерия раскрывается в п. 5 постановления № 4 Пленума Верховного Суда РФ от 22 апреля 1992 г. «О судебной практике по делам об изнасиловании» [I], где беспомощное состояние потерпевшей определяется как «неспособность понимать характер и значение совершаемых с нею преступных действий или оказывать сопротивление виновному».

В случае экспертного вывода о том, что потерпевшая по делу об изнасиловании или потерпевший (потерпевшая) по делу о насильственных действиях сексуального характера не были способны понимать характер и значение совершаемых с ними действий либо оказывать сопротивление, судебно-следственные органы вправе сделать вывод о ее (его) беспомощном состоянии в криминальной ситуации, и, при условии доказанности того факта, что преступник действовал, сознавая беспомощность потерпевшей или потерпевшего (установление этого обстоятельства является исключительной прерогативой судебных и следственных органов), может квалифицировать ч. 1 ст. 131 или ч. 1 ст. 132 УК РФ, которые предусматривают лишение свободы на срок от трех до шести лет.

11.2. Вопросы судебно-следственных органов и особенности проведения судебно-психологической экспертизы

Основной вопрос судебно-следственных органов, решаемый в данном виде судебно-психологической экспертизы: «Способна ли потерпевшая с учетом уровня ее психического развития, индивидуально-психологических особенностей и психического состояния понимать характер и значение совершаемых с нею действий или оказывать сопротивление?»

Юридическое определение беспомощного состояния четко фиксирует его основные критерии, однако при этом не раскрывает их психологического содержания.

Юридический критерий беспомощного состояния потерпевших, равно как и большинство юридических критериев в других предметных видах экспертизы, состоит из двух взаимосвязанных психологических компонентов: один из них- «способность понимать характер и значение действий преступника» - относится к процессам осознания юридически значимых событий, а другой -«способность оказывать сопротивление» - к психологическим механизмам произвольной регуляции собственного поведения в юридически значимой ситуации.

В работах М.М. Коченова [4], Л.П. Конышевой [3] в качестве необходимых компонентов сохранности способности потерпевших к пониманию характера и значения совершаемых с ними действий выделяются:

специфический жизненный опыт потерпевшей, включающий прежде всего осведомленность в области сексуальных отношений, регуляции половой жизни;

осознание уже на ранних стадиях развития криминальной ситуации сексуальную направленность действий преступника;

адекватная морально-этическая, нравственная оценка происходящих событий, сформированность способности к пониманию социального значения совершаемых с нею действий.

И.А. Кудрявцев [5, с. 182] информированность потерпевшей в вопросах пола (включающую понимание существа сексуальных отношений между полами, принятых форм их проявлений, одобряемого общественной моралью начала половой жизни,

физиологии половых отношений, зачатия, деторождения, функциональных особенностей мужчины и женщины), относит исключительно к категории понимания характера действий виновного, в то время как понимание потерпевшей значения этих же действий, по его мнению, включает смысловой аспект их отражения в сознании потерпевшей. Такое разделение представляется несколько искусственным, поскольку осведомленность в области половых вопросов является, как это видно из анализа перечисленных их компонентов, основой понимания не только сексуального характера действий преступника, но и их биологического смысла, а также некоторых аспектов их социального значения.

При анализе способности потерпевших понимать характер и значение совершаемых с ними действий эвристичной представляется концепция уровней понимания, предложенная Ю.Л. Метелицей [б]. Им выделяются такие уровни и стадии понимания:

- понимание внешней стороны юридически значимых событий (времени, места происшедшего, внешности преступника, последовательности его действий и т.п.);
- понимание внутреннего содержания этих событий (понимание биологического значения половых отношений, основанное на информированности в вопросах пола);
- понимание их социального значения (способность осмыслить моральное, нравственное значение преступления, его последствия для чести и достоинства и т.п.). Автор справедливо указывает, что понимание социального значения не сводится к формальным знаниям об отношении акта изнасилования к этическим ценностям, оно должно быть основано на глубоком личностно-смысловом понимании подобных действий.

О сохранности способности потерпевшей к пониманию характера и значения совершаемых с нею преступных действий свидетельствует, с точки зрения изложенной концепции, сохранность понимания на всех трех уровнях, нарушение же любого из них приводит к выводу о нарушении анализируемой способности.

Сохранность способности потерпевшей понимать сексуальную направленность и социальное значение совершаемых с нею насильственных действий зависит от многих психологических факторов [3,4], взаимодействующих с особенностями (сложностью, структурой и динамикой) криминальной ситуации, среди которых ведущими являются:

1. Уровень психического развития подэкспертной.

Недостаточность интеллектуального и личностного развития потерпевшей приводит к нарушениям понимания на разных уровнях. В случаях, когда низкий уровень психического развития обусловлен естественной возрастной незрелостью (как правило, это малолетние потерпевшие в возрасте до 9-10 лет), можно констатировать понимание только внешней стороны юридически значимых событий, без осознания биологического и социального их смысла. У малолетних потерпевших старше 10-11 лет и у несовершеннолетних необходимо тщательно исследовать индивидуальную структуру познавательной деятельности и уровень личностного созревания. Как отмечает М.М. Коченов [4, с. 62], значение такого исследования далеко выходит за рамки утилитарной задачи выявления признаков умственной отсталости. Очень важным объектом изучения является исследование специфических знаний в области вопросов пола, а также уровня сексуального сознания и самосознания испытуемой [2]. При недостаточной сформированности психосексуального развития даже констатация высокого уровня интеллекта у малолетних потерпевших не позволяет сделать вывод об их способности полноценно осознавать характер и значение действий преступника. Причиной неспособности к полному и правильному осознанию криминальной ситуации может быть и отставание в психическом развитии, обусловленное социальной и педагогической запущенностью.

2. Эмоциональное состояние потерпевшей в криминальной ситуации.

Особый психотравмирующий характер посягательств на честь и достоинство потерпевших может вызывать у них различные аффективные состояния, в частности - аффект страха. Характерными свойствами аффективных состояний являются специфическое частичное сужение сознания и дезорганизация полноценной волевой регуляции поведения. Частичное сужение сознания у потерпевшей, сопровождаемое фрагментарностью восприятия, резко снижает возможность осознания происходящего, понимания смысла собственных поступков и поведения преступника, что обусловливает ее неспособность понимать характер и значение совершаемых действий виновного.

Судебно-экспертное заключение о неспособности потерпевшей понимать характер и значение совершаемых с нею насильственных действий преступника неизбежно приводит к выводу и о том, что потерпевшая не могла оказывать сопротивление виновному, поскольку оказание активного сопротивления является целенаправленным действием, возможным только при адекватном осознании всех связей и отношений криминальной ситуации. Способность потерпевшей оказывать сопротивление Л.П. Конышевой определяется как наличие у нее возможности эффективно преодолевать принуждение со стороны преступника, действуя с пониманием ситуации, руководствуясь собственными целями и интересами [3, с. 13]

Однако в практике судебно-психологической экспертизы встречаются случаи, когда подэкспертная при сохранности ее способности к полноценному пониманию сущности действий насильника, тем не менее оказывается неспособной к оказанию сопротивления, т.е. к целенаправленному поведению с сохранением самоконтроля, прогноза возможных последствий собственных действий, и с устойчивостью к внешним воздействиям. Для судебно-следственных органов экспертный вывод о неспособности оказывать сопротивление (при сохранности понимания происшедшего) является достаточным основанием для определения беспомощного состояния.

Нарушения способности потерпевшей оказывать сопротивление зависят прежде всего от структуры ее индивидуально-психологических особенностей. Чаще всего в судебно-психологической практике встречается пассивно-подчиняемый тип поведения потерпевших [5, б], когда они без сопротивления, беспрекословно выполняют все требования насильника, подчиняются его указаниям. Для этих подэкспертных характерны такие черты личности, как внушаемость, подчиняемость, нерешительность, мнительность, робость, доверчивость, эмоциональная неустойчивость. Такой характерный комплекс личностных особенностей обусловливает в криминальной ситуации развитие состояния эмоциональной напряженности с дезорганизацией психической деятельности, снижением прогностических возможностей, пассивностью поведения.

11.3. Типичные ошибки при формулировке вопросов

1. Наиболее распространенной ошибкой является формулировка вопроса к экспертам «о наличии беспомощного состояния потерпевшей (потерпевшего)».

Как указывалось выше, беспомощное состояние потерпевшей по делу об изнасиловании может быть следствием не только психологических факторов непатологической природы, но и других разнообразных причин: физической патологии (бессознательное состояние, истощение в результате болезни, инвалидность и т.п.), обстоятельств ситуации (например, жертва связана и не может оказывать сопротивление), явной психической незрелости (очевидна психическая беспомощность потерпевшей 3-5 лет), психической патологии и т.д. Поэтому в ряде случаев суд и следствие могут решить вопрос о наличии беспомощного состояния потерпевшей самостоятельно, а в других случаях - на основе заключений не только судебно-психологической, но и судебно-медицинской и судебно-психиатрической экспертиз. В любом случае, квалификация беспомощного состояния потерпевшей является исключительной прерогативой судебно-следственных органов.

Из сказанного ясно также, что заключение любой судебной экспертизы не может гласить, что потерпевшая не находилась в беспомощном состоянии, так как в этом случае эксперт определенной специальности выйдет за пределы своей компетенции: он может устанавливать способность или неспособность к осознанию происходящей криминальной ситуации и оказанию сопротивления только в рамках изучения явлений, входящих в объем его специальных познаний.

2. «Оказали ли индивидуально-психологические особенности потерпевшей существенное влияние на ее поведение в криминальной ситуации?»

Вопрос является неполным, поскольку, как было показано выше, существенное влияние, ограничивающее возможность подэкспертной полноценно осознавать ситуацию и осуществлять волевую регуляцию и контроль своего поведения, т.е. оказывать сопротивление, могут оказывать не только личностные факторы, но и уровень психического развития, и эмоциональное состояние потерпевшей. Поэтому данный вопрос может быть вынесен в постановление или определение в качестве дополнительного к основному вопросу, но в качестве самостоятельного он будет явно недостаточен для экспертного заключения.

Резюме

Юридическое значение судебно-психологической экспертизы способности потерпевших понимать характер и значение совершаемых с ними насильственных сексуальных действий или оказывать сопротивление виновному определяется необходимостью юридической квалификации беспомощного состояния, которое является признаком состава преступления по ч. 1 ст. 131 и ч. 1 ст. 132 УК РФ.

Основное значение имеет вопрос: «Способна ли потерпевшая с учетом уровня ее психического развития, индивидуально-психологических особенностей и психического состояния понимать характер и значение совершаемых с нею действий или оказывать сопротивление?»

Расстройства способности потерпевшей понимать сексуальную направленность и социальное значение совершаемых с нею насильственных действий зависят прежде всего от уровня психического развития подэкспертной и от ее эмоционального состояния в криминальной ситуации.

Нарушение способности понимать характер и значение совершаемых с потерпевшей насильственных действий обусловливает и нарушение ее способности оказывать сопротивление. При сохранности у потерпевшей понимания смысла действий виновного расстройство способности оказывать сопротивление может быть обусловлено прежде всего структурой ее индивидуально-психологических особенностей.

Литература

1. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1992. №7.

2. Догадина М.А., Смирнова Т.А., Ткаченко А.А. Некоторые особенности судебно-психиатрической экспертизы несовершеннолетних потерпевших - жертв сексуального насилия // Социальная и судебная психиатрия. История и современность. М., 1996. С. 356-358.

3. Конышева Л.П. Судебно-психологическая экспертиза психического состояния несовершеннолетней жертвы изнасилования: автореф. дисс.... канд.психол.наук. М., 1988.

4. Коченов М.М. Введение в судебно-психологическую экспертизу. М., 1980. Гл. 4. Судебно-психологическая экспертиза потерпевших по делам об изнасиловании.

5. Кудрявцев И.А. Судебная психолого-психиатрическая экспертиза. М., 1988. Гл. б. КСППЭ несовершеннолетних обвиняемых и потерпевших. С. 180-189.

6. Метелица Ю.Л. Судебно-психиатрическая экспертиза потерпевших. М.,1990.

7. Яковлев Я.М. Судебная экспертиза при расследовании половых преступлений. Душанбе, 1966.

12. СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПСИХИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ЛИЦА, ОКОНЧИВШЕГО ЖИЗНЬ САМОУБИЙСТВОМ

12.1. Юридическое значение

Рассмотрим, с какой целью назначается судебно-психологическая экспертиза по факту самоубийства, какие возможные правовые последствия вытекают из того или иного экспертного заключения. Как показывает практика, одной из ситуаций, в которых назначается такая экспертиза, является предположительный вывод следователя или суда о самоубийстве. Когда у судебно-следственных органов нет четкой уверенности в том, что имел место факт самоубийства (а не убийства или несчастного случая), то здесь экспертное заключение играет важную роль для выяснения тех или иных обстоятельств, характеризующих личность суицидента. Но в таких случаях, и это особо следует подчеркнуть, недопустимо использовать экспертные выводы в качестве доказательства при определении рода смерти. Например, человек может находиться в депрессии, высказывать суицидальные мысли и намерения и именно в этот промежуток времени стать жертвой убийства (отравления, повешения и т.д.). В данном случае использование экспертного заключения о наличии, например, депрессивного состояния у подэкспертного, сопровождавшегося суицидальными намерениями, в качестве доказательства того, что он действительно совершил самоубийство, будет несомненной судебной ошибкой.

Исходя из сказанного, предпочтительнее назначать судебно-психологическую экспертизу при наличии доказанности факта самоубийства. При этом суд и следствие обычно сталкиваются с проблемой квалификации статей Уголовного кодекса.

Во-первых, это квалификация ст. 110 УК РФ: «Доведение лица до самоубийства путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего». Во-вторых, п. «б» ст. 63 УК РФ: обстоятельством, отягчающим ответственность, признается «наступление тяжких последствий в результате совершения преступления». Как показывает практика, чаще всего объектом экспертного исследования становятся потерпевшие по делам об изнасиловании, совершающие суицид - а самоубийство потерпевшей является одним из тяжких последствий преступления.

И в том, и в другом случае основной целью суда при квалификации этих статей является доказательство наличия или отсутствия причинно-следственной связи между действиями обвиняемого (изнасилование или такие действия, которые подпадают под определение «угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства») и фактом самоубийства потерпевшего лица, Из этого вытекает и другой важный вывод - при назначении судебно-психологической экспертизы требуется и доказанность уголовно наказуемых действий обвиняемого.

Предметом судебно-психологической экспертизы по факту самоубийства является психическое состояние подэкспертного лица, предшествовавшее самоубийству. Это обстоятельство в совокупности с основной целью суда - установить наличие или отсутствие причинно-следственной связи между действиями обвиняемого и фактом самоубийства - и определяет круг вопросов, ответы на которые в экспертном заключении и дадут возможность использовать их как доказательство по делу в целях содействия установлению истины.

Следует подчеркнуть, что психическое состояние суицидента может носить и психопатологический характер, отсюда следует, что для судебно-следственных органов по делам о самоубийстве предпочтительнее назначать не однородную судебно-психологическую, а комплексную судебную психолого-психиатрическую экспертизу.

12.2. Вопросы судебно-следственных органов и особенности проведения комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы

В постановлении следователя или определении суда должны формулироваться следующие два вопроса.

1. «В каком психическом состоянии находился подэкспертный в период, предшествовавший самоубийству (смерти)?»

Данный вопрос касается периода, предшествовавшего смерти, в тех случаях, когда речь идет о предположительном самоубийстве. Как мы уже отмечали, экспертное заключение, квалифицирующее такое психическое состояние, не являясь доказательством при определении рода смерти, может пролить свет на некоторые обстоятельства, характеризующие личность подэкспертного.

При назначении экспертизы по факту доказанного самоубийства необходимо формулировать вопрос о периоде, предшествовавшем уже не смерти, а самоубийству.

Ответ на этот вопрос имеет основополагающее значение для экспертного заключения о наличии причинной связи этого состояния с действиями обвиняемого.

Следует сразу отметить, что назначение данного вида экспертизы предъявляет особые требования к материалам уголовного дела. Методические особенности экспертизы психического состояния лиц, совершивших самоубийство, заключаются в том, что эксперты должны производить исследование, опираясь только на клинико-психологический анализ уголовного дела и приобщенных к нему материалов, которые в

этом случае являются единственным источником информации о личности и психическом состоянии суицидента. Поэтому органом, назначающим экспертизу, должны быть собраны все необходимые материалы - полные и подробные сведения о психическом развитии подэкспертного лица, об его индивидуально-психологических особенностях (в том числе и о характере его реагирования на стресс, фрустрацию, конфликты), о динамике его психического состояния в интересующий суд и следствие период времени, особенно в последние дни перед самоубийством, а также всю имеющуюся медицинскую документацию.

При наличии полных материалов уголовного дела и медицинской документации клинико-психологический анализ позволяет дать точную квалификацию психического состояния человека в период, предшествовавший суициду, описать его возникновение и динамику развития.

Квалификация данного психического состояния включает в себя определение индивидуально-психологических особенностей, клиническую и психологическую диагностику собственно психического состояния. Экспертное исследование индивидуально-психологических особенностей подэкспертного должно включать этико-психологический анализ (поскольку суицидальное действие - всегда акт морального выбора), диагностику особенностей самосознания, определение черт личности и характера.

Необходимо квалифицировать тип суицида - рациональный или аффективный. Рациональные самоубийства - это обдуманные суициды с длительным и постепенным формированием решения покончить с собой, обдумыванием способов самоубийства, места и времени осуществления своего намерения. При аффективных самоубийствах решение о суициде принимается непосредственно под воздействием интенсивных и значимых эмоций и является не обдуманным, а импульсивным.

Важным компонентом является выявление мотивов (или психологического смысла) самоубийства. В суицидологии описаны такие типы мотивов, как протест, призыв, избежание (наказания или страдания), самонаказание и отказ [2].

Особое внимание в экспертном заключении должно обращаться на изменения личности в «переломные» моменты его жизни (потеря работы, смерть близких, ситуации сильного унижения и т.п.).

Диагностика же собственно психического состояния человека в интересующий судебно-следственные органы период времени обычно включает клиническую нозологическую или синдромальную оценку этого состояния, определение характера социальной дезадаптации личности, сущности его кризисного или аффективного состояния, анализ динамики его переживаний и т.д. Только точная и полная квалификация психического состояния подэкспертного в период, предшествовавший самоубийству, позволяет правильно ответить на основной вопрос судебно-следственных органов.

2. «Существует ли причинно-следственная связь между действиями обвиняемого (указать: изнасилование или такие действия, которые квалифицируются как угрозы, жестокое обращение или систематическое унижение человеческого достоинства) и психическим состоянием потерпевшего в период, предшествовавший самоубийству?»

Часто этот вопрос задают таким образом: «Каковы возможные причины возникновения этого состояния?» [I]. Подобная формулировка представляется менее удачной, так как причин возникновения и развития пресуицидального состояния может быть много, а суд интересует только одна причинная связь - между уголовно значимыми действиями обвиняемого и самоубийством потерпевшего.

Проиллюстрируем это следующим примером. Девушка 16 лет была изнасилована группой подростков, и впоследствии у нее развилось депрессивное состояние непсихотического уровня со стойкими суицидальными мыслями, ощущением непереносимости сложившейся ситуации, что привело ее к попытке самоубийства путем отравления. Однако среди причин развития данного психического состояния можно

назвать и ее личностные особенности в виде повышенной ранимости, уязвимости, устойчивых ценностных представлений о женской чести. В то же время клинико-психологическое исследование показало, что ее депрессивное состояние усугубилось в результате субъективно непереносимых для нее допросов в качестве потерпевшей, а также из-за неправильного поведения ее матери, занявшей не сочувствующую, а осуждающую дочь позицию. Ясно, что в таком случае факт группового изнасилования не выступает в качестве единственной причины, а является одним (хотя и основным) из факторов, обусловивших возникновение психического состояния, приведшего к попытке самоубийства.

В других случаях, при квалификации психического состояния подэкспертного как психотического, основной причиной самоубийства могут быть, к примеру, психопатологические бредовые мотивы, а внешние воздействия могут находиться, а могут и не находиться в причинной связи с возникновением и развитием такого состояния.

Поэтому более корректным, а главное - отвечающим задачам суда или следствия - является формулировка вопроса о наличии причинной зависимости психического состояния подэкспертного, предшествовавшего самоубийству, от действий обвиняемого. Следует отметить, что конечное установление такой связи является прерогативой суда, поэтому эксперты не могут говорить об отсутствии искомой причинной зависимости, их ответы ограничиваются двумя вариантами: либо в заключении делается вывод о наличии причинно-следственной связи между действиями обвиняемых и пресуицидальным психическим состоянием подэкспертного лица, либо мотивированно указывается на невозможность ее установления.

В качестве примера комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы лица, покончившего жизнь самоубийством, можно привести следующий случай.

Подэкспертная К., 19 лет, поехала навестить своего жениха, который служил в одной из воинских частей Подмосковья. В ожидании попутного транспорта она познакомилась с четырьмя молодыми людьми, которые вызвались подвезти ее. Под предлогом того, что необходимо немного подождать, пока один из них возьмет из гаража автомобиль, они привели ее в квартиру, где предложили выпить К. бокал шампанского. В спиртное ими было добавлено снотворное, действие которого в сочетании с алкоголем довело К. до беспомощного состояния. Затем двое из них раздели К. и совершили насильственные половые акты, в том числе и в извращенной форме. В процессе изнасилования и до посадки в попутный автотранспорт до Москвы они похитили у потерпевшей все ее деньги. Спустя месяц после возвращения в родной город К. покончила с собой. Предварительное следствие пришло к выводу о наличии причинной связи между содеянным в отношении К. и ее последующим самоубийством, обосновывая это содержанием предсмертного письма К. Судебная коллегия, приняв дело к производству и изучив его, назначила посмертную комплексную судебную психолого-психиатрическую экспертизу.

Психологический анализ материалов уголовного дела выявил у К. такие индивидуально-психологические особенности, как высокий уровень интеллектуального развития, некоторую скрытность, замкнутость, целеустремленность, склонность глубоко переживать свои неудачи. Ценностно-смысловая сфера характеризовалась прежде всего незрелостью социальных установок с инфантильными идеализированными представлениями об окружающей действительности, односторонней верой в высокоморальные качества других людей. Эти социальные установки и ожидания отразились на таких особенностях ее характера, как честность, принципиальность, доверчивость. В то же время они реализовывались в ее поведении через повышенную требовательность к себе и окружающим, негибкость поведения с прямолинейностью и бескомпромиссностью. К. отличалась выраженной просоциальной направленностью, ее актуальные жизненные замыслы были связаны с желанием стать врачом, помогать людям. Реализации жизненных замыслов, планов способствовали такие ее особенности, как

отзывчивость, готовность всегда придти на помощь, высокое чувство ответственности, долга, добросовестность, трудолюбие. Кроме того, К. собиралась выйти замуж, и у нее были сильно развиты представления о женской «чистоте», чести.

В силу указанных индивидуально-психологических особенностей К., ситуация изнасилования оказалась субъективно высоко значимой для нее, носившей выраженный психотравмирующий характер, глубоко унизившей и оскорбившей ее чувство собственного достоинства и чести. Непосредственно после изнасилования К. испытала чувство глубокого потрясения, говорила, что «не переживет изнасилования», «была очень взволнованна». Случившееся оказало блокирующее влияние на все ведущие ценностно-смысловые линии, социальные установки К.: оказались субъективно разрушенными ее идеализированные представления об окружающей действительности, социальные стереотипы восприятия других людей, следствием чего стали потеря веры в людей, разочарование в них, ощущение бессмысленности жизни, ее «пустоты»; сложилось субъективное ощущение невозможности реализации основных жизненных планов - стала думать, что не сможет работать медиком, не хотела продолжать учебу в медучилище, возникло чувство потери «цели» жизни; разрушились и ее представления о женской чести, «чистоте» - она стала ощущать себя «грязной», говорила, что «не представляет, как до нее теперь сможет дотронуться мужчина», стала думать, что не сможет выйти замуж.

В этот период у К. развилось депрессивное состояние, о глубине которого свидетельствовали снижение фона настроения с выраженными эмоциональными переживаниями, чувством «опозоренности», непонятости; наличие суицидальных мыслей; явления эмоциональной отгороженности, обособленности, стремление к уединению, заторможенность; изменения характера с появлением ранее несвойственных ей черт личности - вспыльчивости, резкости, обидчивости и ранимости. Такие особенности К., как психическая негибкость, повышенная требовательность к себе и окружающим, прямолинейность, бескомпромиссность, скрытность, замкнутость, препятствовали адекватной переработке внутреннего конфликта, поиску и нахождению конструктивных путей выхода из сложившейся ситуации и преодолению психологического кризиса в целом.

Экспертная комиссия пришла к выводу, что описанное психическое состояние К. было вызвано психотравмирующим воздействием ситуации ее изнасилования, т.е. находилось в прямой причинно-следственной связи с действиями обвиняемых.

12.3. Типичные ошибки при формулировке вопросов

1. «Находился ли подэксперпшый в период, предшествовавший смерти, в психическом состоянии, предрасполагающем к самоубийству?»

С точки зрения современных научных представлений психологии, ответ на данный вопрос является тавтологией - если был факт самоубийства, то этому должно было предшествовать какое-либо психическое состояние, являющееся условием принятия решения (в результате длительного обдумывания, или эмоциональное, импульсивное) покончить с собой. Более того, между психическим состоянием человека и самоубийством как действием, поступком, существует только вероятностная связь - не существует таких психических состояний, которые неизбежно приводили бы к суициду. В любом кризисном состоянии один человек расположен к аутоагрессии, другой - к внешней агрессии, третий - к поиску конструктивных путей выхода из сложившейся ситуации и т.п. Иными словами, количество вариантов личностного реагирования на конфликтные и фрустрирующие воздействия, даже при наличии суицидальных мыслей и намерений, достаточно большое. Поэтому трудно оценивать какое-либо психическое состояние человека как предрасположение к самоубийству.

Довольно часто ошибки при назначении экспертизы связаны с постановкой вопросов, хотя в целом и входящих в компетенцию экспертов-психиатров или психологов,

но не имеющих юридического значения именно в рассматриваемом предметном виде экспертизы:

2. «Мог ли потерпевший в момент совершения самоубийства осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими?»

Этот вопрос представляет собой механический перенос формулы невменяемости в экспертизу по факту самоубийства. Данная формула юридически значима только в отношении обвиняемых, и ответ на нее в отношении другой процессуальной фигуры - лица, покончившего жизнь самоубийством, никаким образом не раскрывает вопрос о причинной связи его психического состояния с действиями обвиняемых. Насилие, жестокое обращение или систематическое унижение личного достоинства могут обусловить развитие психогенного психического заболевания, которое, достигая психотического уровня, будет препятствовать суициденту осознавать значение своих действий и контролировать их, в то же время непонимание своих суицидальных действий может зависеть и от хронического душевного заболевания, абсолютно не связанного с какими-либо действиями обвиняемых. Кроме того, во многих случаях утвердительный ответ на этот вопрос может затушевывать искомую причинную связь, давая возможность защите обвиняемого отрицать и сам факт насилия, жестокого обращения или унижения, аргументируя это тем, что эти факты существовали только в воображении душевнобольного, не понимающего, что происходит вокруг.

Формулировка данного вопроса корректна только в тех ситуациях, когда лицо, пытавшееся покончить жизнь самоубийством, является одновременно и обвиняемым в преступлении, связанным с его суицидальной попыткой. Например, военнослужащий совершает незавершенный суицид (остается в живых) и обвиняется в членовредительстве; женщина совершает расширенное самоубийство - при суицидальном акте лишает жизни и своего ребенка (или детей).

3. «Какие индивидуально-психологические особенности подэкспертного могли оказать существенное влияние на его поведение в момент совершения самоубийства?»

Вопрос также представляет собой механический перенос, поскольку имеет юридическое значение в отношении обвиняемых (см. гл. 6). Как правило, под существенным влиянием индивидуально-психологических особенностей на поведение имеется в виду ограничение способности адекватно осознавать окружающее, свои поступки, произвольно и осознанно регулировать и контролировать свои действия вследствие каких-либо аномалий личности неболезненного характера. Ответ на этот вопрос также не имеет значения для квалификации ст. 110 и п. «б» ст. 63 УК РФ.

Следующие вопросы являются недостаточными для принятия правильного судебного решения:

4. «Какие индивидуально-психологические особенности подэкспертного могли способствовать принятию им решения о самоубийстве?»

5. «Находился ли подэкспертный в момент совершения самоубийства в состоянии аффекта?»

Эти вопросы в целом являются корректными, но неполными. Ответ на них, как указывалось выше, является обязательным компонентом экспертного заключения при квалификации психического состояния подэкспертного в период, предшествовавший самоубийству, в котором определяется тип суицида (рациональный или аффективный), раскрывается роль индивидуально-психологических особенностей в динамике пресуицидального психического состояния, в том числе в формировании мотивации и принятия решения о самоубийстве или в развитии аффективного состояния вследствие внешних, ситуативных воздействий. Поэтому по отношению к вопросу о квалификации психического состояния лица, предшествовавшего самоубийству, данные вопросы являются избыточными, хотя и могут выноситься в определение суда в качестве

уточняющих. В случае же, когда эти вопросы заменяют вопрос о психическом состоянии суицидента, они являются недостаточными.

Резюме

По делам о самоубийстве предпочтительнее назначать не однородные судебно-психологическую или судебно-психиатрическую экспертизы, а комплексную судебную психолого-психиатрическую экспертизу.

Психолого-психиатрическая экспертиза психического состояния лица, покончившего жизнь самоубийством, назначается в основном при доказанности самого факта самоубийства и доказанности таких действий обвиняемых, как угрозы, жестокое обращение или систематическое унижение человеческого достоинства потерпевшего, для квалификации ст. 110, или для установления обстоятельства, отягчающего ответственность (п. «б» ст. 63 УК РФ), наступившего вследствие изнасилования (ст. 131 УК РФ).

В ситуации предположительного вывода судебно-следственных органов о самоубийстве данный вид экспертизы имеет значение для выяснения тех или иных обстоятельств, характеризующих личность подэкспертного, но экспертные выводы не могут служить доказательством при определении рода смерти. Юридическое значение имеют следующие вопросы:

«В каком психическом состоянии находился подэкспертный в период, предшествовавший самоубийству (смерти)?»

«Существует ли причинно-следственная связь между действиями обвиняемого (указать какими) и психическим состоянием потерпевшего в период, предшествовавший самоубийству?»

Экспертное исследование психического состояния суицидента включает в себя определение индивидуально-психологических особенностей, этико-психологический анализ, диагностику особенностей самосознания, определение черт личности и характера, квалификацию типа суицида, выявление мотивов (или психологического смысла) самоубийства, клиническую и психологическую диагностику собственно психического состояния, его возникновения, динамики и развития.

Литература

1. Кудрявцев И.А. Судебная психолого-психиатрическая экспертиза. М., 1988. Гл. 5.2. Посмертная КСППЭ особенностей личности при самоубийствах.

2. Тихоненко В.А. Жизненный смысл выбора смерти // Человек. 1992. № 6. С. 19-29.

Дополнительая литература:

1. Бердяев И. О самоубийстве (психологический этюд) // Психологический журнал. 1992. № 1. С. 90-94.

2. Сафуанов Ф.С. Психолого-психиатрическая экспертиза по факту самоубийства // Российская юстиция. 1995. № 12. С. 28-30.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В реальной практике судебно-психологической экспертизы психологи сталкиваются с одним неоспоримым фактом: каждое уголовное дело уникально по-своему, каждый подэкспертный обладает ярко выраженной индивидуальностью своей личности, своей судьбы. При производстве конкретных экспертиз психолог должен уметь эффективно использовать специальные познания, не выходя за пределы профессиональной компетенции, для проведения психодиагностического исследования, составления заключения и формулирования экспертных выводов, которые могли бы полноценно использоваться судебно-следственными органами в качестве доказательства по делу. Но, чтобы считать себя настоящим профессионалом в области судебной экспертизы, психологу недостаточно усвоения каких-либо шаблонов исследования подэкспертных лиц.

Поэтому эта книга не содержит готовых рецептов для производства судебно-психологической и комплексных с нею экспертиз в уголовном процессе. Она направлена на решение более важной задачи - усвоения экспертом-психологом всего многообразия основных организационно-правовых, теоретических, методологических, этических проблем судебно-психологической экспертизы, а также главных ориентиров практики проведения предметных видов экспертизы.

Очень важную часть специальных познаний эксперта-психолога составляют знания о юридической и организационной регламентации его профессиональной деятельности. Зачем, кем, посредством каких документов назначается экспертиза? В каких формах

используются психологические познания? В каких видах экспертиз может участвовать психолог? Каковы его права и обязанности? Без адекватного представления об этих и других организационно-правовых вопросах невозможно полноценное производство экспертизы в уголовном процессе.

Знание теоретических проблем (объекта, предмета деятельности эксперта-психолога, содержания и объема его специальных познаний) ориентирует психолога, в каких бы формах ни осуществлялось его взаимодействие с судебно-следственными органами, в пределах его компетенции и дает возможность правильной оценки вопросов, содержащихся в постановлении следователя или определении суда.

Знание методологических принципов судебно-психологической экспертизы, понимание специфики экспертного психодиагностического исследования позволяет психологу адекватно использовать весь методический арсенал в диагностической деятельности. Особо важно усвоение правильного соотношения экспериментально-психологического исследования и психологического анализа материалов уголовного дела: в психологическом анализе в полной мере проявляется использование специальных познаний в теории психологии, а в эксперименте - в методах психологии.

Проведение каждой конкретной судебно-психологической экспертизы невозможно без ориентировки в узловых вопросах предметных видов экспертизы: их юридического значения; вопросов, входящих и не входящих в компетенцию психолога; основных факторов, требующих исследования при определении той или иной юридически значимой способности подэкспертного к осуществлению интересующей судебно-следственные органы психической деятельности; главных критериев, влияющих на судебно-психологическую оценку изучаемых психических явлений.

В отношении конкретных подэкспертных могут одновременно проводиться несколько предметных видов экспертизы: так, в отношении обвиняемого довольно часто совмещается экспертиза индивидуально-психологических особенностей и аффекта; в отношении потерпевшей по делу об изнасиловании - экспертиза беспомощного состояния и способности давать показания. В ряде случаев следствие и суд может интересовать способность не свидетеля или потерпевшего, а обвиняемого (подсудимого) правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания.

Но могут быть и более сложные сочетания предметных видов судебно-психологической экспертизы. Например, в отношении потерпевшей, которая после изнасилования пыталась покончить жизнь самоубийством, но осталась в живых, будет правомерным назначение судебно-психологической экспертизы с вопросами о ее способности понимать характер и значение действий обвиняемого или оказывать сопротивление; о ее способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания; о ее психическом состоянии, предшествующем попытке самоубийства; о причинной связи ее психического состояния с фактом ее изнасилования; о ее индивидуально-психологических особенностях.

Описанные в книге предметные виды судебно-психологической экспертизы не исключают того, что судебно-психологическая экспертиза может назначаться и по поводу иных обстоятельств, которые имеют значение для дела и входят в компетенцию эксперта-психолога.

Теория и практика судебно-психологической экспертизы - это не застывшая сумма знаний и навыков, а живая и развивающаяся область прикладной психологии. Важный импульс развитию судебно-психологической экспертизы придают и происходящие в настоящее время изменения в отечественном законодательстве.

Автор надеется, что освещенные в книге вопросы теории и методологии судебно-психологической экспертизы будут способствовать осуществлению дальнейших исследований в этой области.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

УЧЕБНАЯ ПРОГРАММА ПОСТДИПЛОМНОГО ОБУЧЕНИЯ ПО КУРСУ «ОСНОВЫ СУДЕБНОЙ И МЕДИЦИНСКОЙ ПСИХОЛОГИИ»

1. Теоретические проблемы патопсихологии.
1.1. Предмет и задачи патопсихологии.
1.2. Место патопсихологии в системе психологических наук.
1.3. Взаимосвязь патопсихологии с другими науками.
1.4. Нарушения познавательной деятельности при разных формах психических заболеваний.
1.4.1. Расстройства умственной работоспособности и внимания.
1.4.2. Нарушения памяти.
1.4.3. Расстройства мыслительной деятельности.
1.4.4. Психологические механизмы нарушений мышления при психопатиях.
1.5. Расстройства самосознания.
1.5.1. Психологические механизмы нарушений самосознания при психопатиях.
1.5.2. Психологические механизмы нарушений критичности при психопатиях.
1.5.3. Психологические особенности самосознания лиц с патологией сексуального влечения.
1.6. Расстройства личности.
1.6.1. Основные теории личности в психологии и их значение для общей и судебной психиатрии.

1.7. Современные психологические теории мотивации поведения.
1.8. Периодизация развития личности и ее значение для патопсихологии.
1.9. Кросс-культурные исследования познавательных процессов и личности в психологии и патопсихологии. 2. Основы психодиагностики.
2.1. Понятие об экспериментально-психологическом исследовании.
2.2. Принципы построения экспериментально-психологического исследования.
2.3. Основные задачи экспериментально-психологического исследования.
2.4. Методы исследования познавательной деятельности. 2.4.1. Методы исследования внимания.
2.4.2. Методы исследования памяти.
2.4.3. Методы исследования мышления.
2.5. Особенности квалификации результатов патопсихологического исследования в условиях судебно-психиатрической экспертизы.
2.6. Патопсихологические симптомокомплексы нарушений и особенностей познавательной деятельности.
2.7. Методы исследования личности.
2.7.1. Классификация методов исследования личности.
2.7.2. Методы исследования темперамента.
2.7.3. Методы исследования характера.
2.7.4. Личностные опросники.
2.7.5. Методы исследования способностей и интеллекта.
2.7.6. Проективные методы.
2.7.7. Метод психологического анализа материалов уголовного дела и медицинской документации.
2.8. Нейропсихологические методы.
2.9. Заключение экспериментально-психологического исследования, его структура.
3. Основы комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы.
3.1. Место судебной психологии в системе психологических наук.

3.2. Процессуальные, теоретические и методологические основы комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы.
3.2.1. Объект и предмет комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы.
3.2.2. Специальные познания и пределы компетенции судебного психолога-эксперта.
3.3. Организационные основы комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы.
3.3.1. Основания назначения комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы.
3.3.2. Юридическое значение основных видов комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы.
3.3.3. Права и обязанности экспертов.
3.3.4. Источники информации.
3.3.5. Этапы производства комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы.
3.3.6. Структура экспертного заключения.
3.3.7. Дополнительная и повторная экспертиза.
3.4. Основные виды комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы.
3.4.1. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза индивидуально-психологических особенностей обвиняемых.
3.4.2. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза эмоциональных реакций и состояний обвиняемых (аффекта).
3.4.3. Посмертная комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза лиц, покончивших жизнь самоубийством.

3.4.4. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза потерпевших по делам об изнасилованиях.
3.4.5. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза свидетелей.
3.4.6. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза несовершеннолетних обвиняемых.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ГЛОССАРИЙ ОСНОВНЫХ ТЕРМИНОВ СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

АФФЕКТ (СИЛЬНОЕ ДУШЕВНОЕ ВОЛНЕНИЕ) - судебно-психологическое понятие, охватывающее ряд юридически значимых эмоциональных реакций и состояний, ограничивающих способность обвиняемого (подсудимого) к полноценному осознанию окружающей действительности и своих действий, к произвольной волевой регуляции своего поведения в момент совершения инкриминируемого ему деяния. Является квалифицирующим признаком ст. 107, ст. 113 УК РФ.

БЕСПОМОЩНОЕ СОСТОЯНИЕ ПОТЕРПЕВШЕЙ ПО ДЕЛУ ОБ ИЗНАСИЛОВАНИИ - психическое или физическое состояние, в котором потерпевшая не может понимать характера и значений совершаемых с ней действий или оказывать сопротивление. Является квалифицирующим признаком ч. 1 ст. 131. и ч. 1 ст. 132УКРФ.

ВИДЫ СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ПОЛОЖЕНИЮ ПОДЭКСПЕРТНЫХ - экспертиза обвиняемого (подсудимого); свидетеля; потерпевшей; лица, покончившего жизнь самоубийством.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА - экспертиза, назначаемая в случаях недостаточной ясности или полноты заключения основной экспертизы. Может поручаться эксперту-психологу (экспертам-психологам), проводившему основную экспертизу, или другому эксперту (экспертам).

ДОПРОС СУДЕБНОГО ЭКСПЕРТА-ПСИХОЛОГА - проводимое следователем (судом) процессуальное действие, в ходе которого эксперт разъясняет свое заключение, не проводя исследования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ - письменный документ, предусмотренный процессуальным законодательством, в котором излагаются выводы эксперта (экспертов), производившего судебно-психологическую экспертизу; основания и условия ее производства; вопросы, поставленные перед экспертом (экспертами); процесс экспертного исследования и установленные экспертом (экспертами) данные экспериментально-психологического исследования и психологического анализа уголовного дела и приобщенных к нему материалов.

ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ - собирательное понятие, включающее направленность личности, особенности мотивационной, волевой, эмоциональной сфер, характера, темперамента, познавательной деятельности, стереотипы поведения и эмоционального реагирования.

ИСПРАВИТЕЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ - отрасль психологии, изучающая психологические проблемы, связанные с ресоциализацией и социальной адаптацией в исправительно-трудовых учреждениях.

КОМПЕТЕНТНОСТЬ СУДЕБНОГО ЭКСПЕРТА-ПСИХОЛОГА - способность (субъективная возможность) сведущего лица в области психологии решать поставленные судебно-следственными органами вопросы, относящиеся к предмету судебно-психологической экспертизы. Определяется высшим психологическим образованием, специальной постдипломной подготовкой, опытом работы в области судебно-психологической экспертизы.

КОМПЕТЕНЦИЯ СУДЕБНОГО ЭКСПЕРТА-ПСИХОЛОГА - круг вопросов, которые эксперт-психолог должен и может решать на основе специальных психологических познаний.

КОМПЛЕКСНАЯ СУДЕБНАЯ ПСИХОЛОГО-ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА - исследование, осуществляемое экспертами на основе использования специальных познаний в психологии и психиатрии в целях дачи заключения по поводу обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела.

КРИМИНАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ - отрасль психологии, изучающая психологические механизмы правонарушений и личность правонарушителей.

НЕВОЗМОЖНОСТЬ ДАТЬ ЗАКЛЮЧЕНИЕ - констатируется в случаях, когда вопрос, поставленный перед судебным экспертом-психологом, не входит в его компетенцию либо представленные в его распоряжение материалы уголовного дела недостаточны для формулирования экспертных выводов.

ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ СУДЕБНОГО ЭКСПЕРТА-ПСИХОЛОГА - особенности психической деятельности подэкспертных лиц в юридически значимых ситуациях.

ОСНОВАНИЕ ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ - постановление следователя или определение суда о назначении судебно-психологической экспертизы.

ПАТОПСИХОЛОГИЯ -область психологической науки, изучающая закономерности протекания и структуры психических процессов при психических и соматических заболеваниях.

ПОВТОРНАЯ СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА - экспертиза, назначаемая в случае необоснованности или сомнений в правильности заключения эксперта-психолога (экспертов-психологов). Поручается эксперту-психологу (экспертам-психологам), не принимавшему участия в производстве первичной экспертизы.

ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ СУДЕБНОГО ЭКСПЕРТА-ПСИХОЛОГА - закономерности и особенности протекания и структуры психических процессов, имеющие юридическое значение и влекущие определенные правовые последствия.

ПРЕДМЕТНЫЕ ВИДЫ СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ - экспертиза индивидуально-психологических особенностей обвиняемых; аффекта (сильного душевного волнения) у обвиняемых; меры способности несовершеннолетних обвиняемых с отставанием в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими; способности потерпевших или свидетелей правильно воспринимать имеющие значение для дела обстоятельства и давать о них правильные показания; беспомощного состояния потерпевших по делам об изнасилованиях; психического состояния лиц, покончивших жизнь самоубийством.

ПСИХОДИАГНОСТИКА В СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ - теория и практика экспертного психодиагностического исследования имеющих юридическое значение особенностей психической деятельности подэкспертных лиц.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ПОЗНАНИЯ СУДЕБНОГО ЭКСПЕРТА-ПСИХОЛОГА - психологические знания о закономерностях и особенностях протекания и структуры психических процессов, имеющих юридическое значение, полученные в результате специального психологического образования и внедренные в практику судебной экспертизы, которые используются при расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел в суде в целях содействия установлению истины по делу по основаниям и в порядке, определенном уголовно-процессуальным законодательством.

СУДЕБНАЯ ПСИХОЛОГИЯ - отрасль психологии, изучающая круг психологических проблем, относящихся к судопроизводству.

СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА - исследование, осуществляемое экспертом (экспертами) на основе специальных познаний в области психологии в целях дачи заключения по поводу обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела.

СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА АФФЕКТА У ОБВИНЯЕМОГО- назначается на основании ст. 107 и 113 УК РФ для квалификации у обвиняемого аффекта

(сильного душевного волнения). В задачу эксперта входит установление физиологического аффекта (и его вариантов) или иного эмоционального состояния (возбуждения или напряжения), оказавшего существенное влияние на сознание и поведение обвиняемого в момент совершения инкриминируемых ему действий.

СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ОБВИНЯЕМОГО - назначается на основании ст. 68 УПК РСФСР для решения вопросов, касающихся определения оснований уголовной ответственности, и для индивидуализации уголовной ответственности и наказания. В задачу эксперта входит установление индивидуально-психологических особенностей обвиняемого по данным экспериментального исследования и анализа материалов уголовного дела, а также выяснение меры их влияния на криминальное поведение в ситуации совершения инкриминируемых обвиняемому действий.

СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПСИХИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ЛИЦА, ПОКОНЧИВШЕГО ЖИЗНЬ САМОУБИЙСТВОМ - назначается на основании ст. 110 УК РФ с целью определения психического состояния подэкспертного лица в период, предшествовавший самоубийству.

СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА СПОСОБНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ОБВИНЯЕМОГО С ОТСТАВАНИЕМ В ПСИХИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ, НЕ СВЯЗАННОМ С ПСИХИЧЕСКИМ РАССТРОЙСТВОМ, В ПОЛНОЙ МЕРЕ ОСОЗНАВАТЬ ФАКТИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР И ОБЩЕСТВЕННУЮ ОПАСНОСТЬ СВОИХ ДЕЙСТВИЙ ЛИБО РУКОВОДИТЬ ИМИ - назначается на основании ч. 3 ст. 20 УК РФ. В задачу эксперта-психолога входит диагностика у несовершеннолетнего обвиняемого отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, и определение меры его способности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими.

СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА СПОСОБНОСТИ ПОТЕРПЕВШЕЙ ПО ДЕЛУ ОБ ИЗНАСИЛОВАНИИ ПОНИМАТЬ ХАРАКТЕР И ЗНАЧЕНИЕ ДЕЙСТВИЙ ВИНОВНОГО ИЛИ ОКАЗЫВАТЬ СОПРОТИВЛЕНИЕ - назначается на основании ч. 1 ст. 131 УК РФ для определения беспомощного состояния потерпевшей, наступившего вследствие ее психического состояния.

СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА СПОСОБНОСТИ СВИДЕТЕЛЯ ИЛИ ПОТЕРПЕВШЕГО ПРАВИЛЬНО ВОСПРИНИМАТЬ ИМЕЮЩИЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ДЕЛА ОБСТОЯТЕЛЬСТВА И ДАВАТЬ О НИХ ПРАВИЛЬНЫЕ ПОКАЗАНИЯ - назначается на основании ст. 72 и п. 3 ст. 79 УПК РСФСР для определения психического состояния свидетеля или потерпевшего в случаях, когда возникает сомнение в их способности правильно воспринимать и воспроизводить информацию, имеющую значение для дела.

СУДЕБНЫЙ ЭКСПЕРТ-ПСИХОЛОГ - сведущее лицо, обладающее специальными познаниями в области психологии, которому следователь (суд) в соответствии с законодательством поручил произвести экспертизу. Экспертами-психологами могут быть сотрудники специализированного экспертного учреждения, а также сотрудники иного учреждения, привлеченные судебно-следственными органами для производства судебно-психологической экспертизы по конкретному делу.

СУЩЕСТВЕННОЕ ВЛИЯНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ОБВИНЯЕМОГО (ПОДСУДИМОГО) НА ПОВЕДЕНИЕ -ограничение

способности обвиняемого (подсудимого) под влиянием его индивидуально-психологических особенностей, не связанных с психическим расстройством, во время совершения инкриминируемых ему деяний в полной мере осознавать значение своих действий и осуществлять произвольную волевую их регуляцию, контроль.

ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЙ АФФЕКТ - эмоциональная реакция, характеризующаяся внезапностью возникновения, большой силой и кратковременностью течения, сопровождающаяся частичным сужением сознания, фрагментарностью восприятия, снижением волевого контроля и произвольности действий.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ РЕАКЦИИ И СОСТОЯНИЯ, ОКАЗЫВАЮЩИЕ СУЩЕСТВЕННОЕ ВЛИЯНИЕ НА СОЗНАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ - группа эмоциональных реакций и состояний, не носящих характера физиологического аффекта, но снижающих способность в полной мере осознавать значение своих действий, произвольно принимать решения, осуществлять произвольную волевую регуляцию и осознанный контроль своего поведения.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ - отрасль психологической науки, изучающая явления и закономерности психики, связанные с применением правовых норм и участием в правовой деятельности человека. Включает в себя криминальную, судебную и исправительную психологию.